

Б. В. ЛУНИН

ОЧЕРКИ
ИСТОРИИ
ПОДОНЬЯ-
ПРИАЗОВЬЯ

РОСТИЗДАТ - 1 9 4 9

Б. В. ЛУНИН

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ПОДОНЬЯ-ПРИАЗОВЬЯ

КНИГА 1

От древнейших времен до XVII столетия

РОСТОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
Ростов н-Д. — 1949

ОТ АВТОРА

Подонье-Приазовье и, в частности, Ростовская область принадлежат к числу тех местностей великого Советского Союза, которые имеют особо богатую многовековую историю.

Естественно, поэтому, что прошлое Подонья-Приазовья давно привлекало к себе внимание исследователей и вызвало к жизни обширную литературу. Однако неуклонно возрастающий интерес широкого советского читателя к истории Подонья-Приазовья упирается в отсутствие на книжном рынке общих, сводных очерков, которые давали бы обзорные исторических судеб этой местности, начиная с глубокой древности и кончая советским периодом.

Все ранее выходившие в свет публикации, во-первых, касались лишь отдельных периодов истории Подонья-Приазовья, а, во-вторых, стали теперь библиографической редкостью или в значительной мере устарели по своему содержанию.

Предлагаемая вниманию читателя книга I очерков по истории Подонья-Приазовья призвана восполнить соответствующий пробел. Она представляет собой попытку краткого и последовательного освещения исторического прошлого Подонья-Приазовья, с древнейших времен до XVII столетия.

Вторая книга будет повествовать об исторических судьбах Подонья-Приазовья, начиная с XVII столетия до упрочения на Дону Советской власти.

В меру своих сил и возможностей автор стремился к тому, чтобы книга освещала новейшие достижения советской исторической науки и тем самым стояла на уровне современных знаний о прошлом Ростовской области.

С любовью и благодарностью вспоминаем имя крупного деятеля советской науки В. А. Городцова, чьи сочувственные советы и доброе отеческое напутствие не раз вдохновляли нас в работе на поприще изучения истории родного края.

Первая книга очерков и посвящается светлой памяти профессора Василия Алексеевича Городцова — верного патриота социалистической Родины, воспитателя и учителя нескольких поколений исследователей прошлого нашей страны.

«Чем лучше мы будем знать прошлое, тем легче, тем более глубоко и радостно поймем великое значение творимого нами настоящего».

Максим Горький.

«Воспитание патриотизма начинается с углубленного познания своей Родины».

М. И. Калинин.

«ОТКУДА РУССКАЯ ЗЕМЛЯ СТАЛА ЕСТЬ»

Великая Отечественная война Советского Союза показала с новой, невиданной в истории силой замечательные качества нашего народа: его свободолюбие и мужество, героизм и самоотверженность, его пламенный и страстный патриотизм.

Веками складывались эти качества советских людей.

«Патриотизм,—говорил Владимир Ильич Ленин,—одно из наиболее глубоких чувств, закрепленных веками и тысячами...»¹.

«Откуда есть пошла Русская земля... откуда Русская земля стала есть».

Эти первые строки древнейшей русской летописи—«Повести временных лет»—свидетельствуют, как сотни лет тому назад наши предки уже пытались получить ответ на вопрос о происхождении русского народа, процессе его формирования и развития.

Наследуя и воспринимая все лучшее, что было в прошлом нашей Родины, советский патриотизм вместе с тем представляет собой качественно новое явление, подобного которому не было и не могло быть в истории человечества. Это—патриотизм народа, полностью и навсегда освобожденного Великой Октябрьской социалистической революцией от всех и всяких эксплуататоров и угнетателей, народа, обретшего в стране Советов свое подлинное отечество, нашедшего благородную цель своей жизни в великом деле строительства коммунистического общества. Животворная сила советского патриотизма не имеет поэтому равной себе в прошлом.

¹ Соч., т. XXIII, стр. 290.

Но советские люди, патриоты социалистического отечества, не являются людьми без роду и без племени. «Большевики,—говорит В. М. Молотов,—не из числа людей, не помнящих родства со своим народом. Мы, большевики, вышли из самой гущи народа, ценим и любим славные дела истории своего народа, как и всех других народов».

Именно поэтому многовековая история нашей отчизны и населяющих ее народов не переставала и не перестает интересоваться советских людей.

История помогает полнее и глубже понимать современность, учит умению смотреть в будущее. Изучение исторического прошлого нашей родной страны партия Ленина—Сталина рассматривает как одно из могучих орудий формирования марксистско-ленинского мировоззрения и воспитания у советских людей чувства национальной гордости за свою Родину, за ее великую роль в мировой истории.

В свете прошлого еще полнее и ярче встает перед нами во всем своем величии наше славное настоящее, которым мы гордимся и которое зовет нас к новым победам на пути к коммунизму.

ПРОШЛОЕ РОДНОГО КРАЯ

В родном своем крае, в Подонье-Приазовье, видим мы неотъемлемую и древнюю частицу нашей великой и любимой матери-Родины.

Изучение богатейшего исторического прошлого Подонья-Приазовья тем более поучительно, что издавна населявшие эту местность многочисленные племена и народы имели широкие взаимодействующие связи с древними цивилизациями Востока и Запада. На территории Подонья-Приазовья порой происходили такие исторические события, которые выходят за рамки событий местного значения, представляя собой богатые и яркие страницы в истории всего Советского Союза.

Освещая историческое прошлое Подонья-Приазовья, мы, разумеется, стремились в первую очередь касаться территории современной Ростовской области, занимающей площадь в 104,5 тыс. кв. км.

Понятно, однако, что в очень многих случаях мы не могли придерживаться точных административных границ современной, недавно (13 сентября 1937 г.) образованной области, и нам приходилось выходить за рамки этих границ, затрагивая также исторические события, происходившие на территории соседних с Ростовской областью УССР, Сталинградской и Астраханской областей, Краснодарского и Ставропольского краев.

В общем, в основе настоящей книги лежит освещение ис-

торических судеб бассейна Нижнего и частично Среднего Дона, а иногда — и сопредельных с ним местностей.

С физико-географической точки зрения бассейн Нижнего и частично Среднего Дона охватывает собой, главным образом, континентальную по климату Ростовскую область, которую с севера окаймляет Калачская возвышенность, с запада — Донецкий край, с востока — Ергени и с юга — Сало-Манычский водораздел.

Господствующим элементом в рельефе территории Ростовской области является низменность, чаще всего волнисто-равнинная (правобережье Дона)¹.

* * *

В начале текущего столетия один из крупнейших русских археологов А. А. Спицын обратился с письмом на имя известного и старейшего донского краеведа Харитона Ивановича Попова (1834—1925).

В своем письме А. А. Спицын приглашал Х. И. Попова, как местного историка, заняться проведением археологических раскопок на Дону, представлявшем собой тогда малоизученную местность. «Может быть, ваши раскопки,—писал А. А. Спицын,—побудят относиться к Донской области с большим вниманием... Дон нам так неизвестен (в научном отношении), что можно ожидать на нем встретить всё, что угодно».

Нельзя не вспомнить этих слов и сегодня. Уже без малого полвека отделяет нас от переписки археолога Спицына с донским краеведом Поповым. За это время, и особенно за советский период, историческая наука шагнула далеко вперед. Дон давно уже не является забытой наукой местностью. Историки накопили большие и ценные материалы по прошлому Подонья-Приазовья, сделали много новых и важных выводов и обобщений. Особенно плодотворными оказались изыскания, проведенные силами советских ученых.

И все же, настолько богата и разнообразна история Подонья-Приазовья, что и сейчас многие страницы его прошлого еще ждут своего изучения и освещения. Что же касается далекого прошлого нашего родного края, то в некоторых отношениях и теперь еще «Дон нам так неизвестен, что можно ожидать на нем встретить всё, что угодно».

И действительно. Давно ли, например, ученые полагали, что Подонье-Приазовье совершенно не знает следов пребывания здесь первобытного человека т. н. древнего каменного ве-

¹ Новейшую физико-географическую характеристику интересующей нас местности см. в кн. С. В. Калесник — «Северный Кавказ и Нижний Дон». Физико-географическая характеристика. Изд-во Академии Наук СССР, М.-Л., 1946, а также А. Ф. Самохин — «Дон и его притоки». Ростиздат, Р. в/Д., 1948.

ка, соответствующего, по классификации Энгельса ¹, первым двум ступеням (низшей и средней) эпохи дикости. Считалось установленным, что климатические и другие природные условия, существовавшие десятки тысяч лет тому назад в Подонье-Приазовье, не являлись, якобы, благоприятными для обитания здесь первобытных людей.

Но вот следует одна находка за другой, появляются в нашем крае все новые и новые научные экспедиции. Внимательный взор советского археолога ² обнаруживает первые явные следы пребывания в Подонье-Приазовье человека древнего каменного века, человека, обитавшего здесь десятки тысяч лет тому назад.

ЧЕЛОВЕК ДРЕВНЕГО КАМЕННОГО ВЕКА

Какими же следами жизни первобытных людей располагаем мы в Подонье-Приазовье (в пределах Ростовской области и непосредственно граничащих с ней местностях)?

Все вещественные находки периода древнего каменного века на территории современной Ростовской области обнаружены в древних террасах Азовского побережья.

Так, в 1933 году, у Бессергеновки (под Таганрогом), в одном из разрезов известный советский палеонтолог ³ В. И. Громов отыскал в основании «рисских» лёссовых отложений отщеп кремневого орудия мустьерской эпохи древнего каменного века ⁴. Обследование места находки в 1938 году (археолог С. Н. Замятнин, при участии Б. В. Лунина и Ф. М. Храмцова) показало, что в горизонте залегания орудия встречаются также кости ископаемых животных (например, бивень слона).

Палеонтолог В. А. Хохловкина обнаружила у дер. Лакеде-

¹ Фридрих Энгельс делит историю человечества на три главные эпохи (соответствующие успехам производства средств существования): дикости, варварства и цивилизации. Первые две эпохи — дикости и варварства — в свою очередь подразделяются на три ступени: низшую, среднюю и высшую. Эпохи дикости и варварства принадлежат древнейшей истории человечества (первобытно-общинный строй, или доклассовое общество).

² Археология — наука о древностях. Археология (один из отделов истории) изучает вещественные памятники минувших периодов истории человеческого общества.

³ Палеонтология — наука об ископаемых окаменелых животных и растениях.

⁴ Так называемая мустьерская культура древнего каменного века относится к среднему палеолиту (от греческих слов «палео» — древний и «литос» — камень), а по геологическим данным (геология — наука о земле) — к предпоследнему большому оледенению. Перед нами — средняя ступень дикости, когда человек научился пользоваться огнем и стал вести коллективную охоту на крупного зверя (мамонта, дикого быка, пещерного медведя и др.).

моновки (также недалеко от города Таганрога) ряд кремней со следами искусственной обработки рукой человека¹. Кремни эти относятся, очевидно, уже к более поздним стадиям древнего каменного века (верхнему палеолиту)².

Очень интересны, далее, находки у ст. Матвеев-Курган. В 1934—35 гг. здесь в местных галечниках ученые обнаружили множество кремней, напоминающих орудия труда человека. Археолог С. Н. Замятин посетил в 1938 году места находок и установил, что среди огромного количества кремней, расколотых на части силами природы (под влиянием механического давления), действительно имеются кремни, носящие на себе определенные следы работы над ними первобытного человека.

Перед нами, например, небольшая удлиненная пластинка из кремня, имеющая на себе ударный бугорок (точку удара, нанесенного человеческой рукой), следы сколов и ретуши (подправки орудия мелкими сколами по краю пластинки).

Помимо описанной пластинки, мы имеем ряд отщепов и осколков, точно также носящих на себе явные следы человеческого труда (следы ударов, идущие в определенных направлениях, и пр.).

Трудно пока сказать, к какому именно периоду относятся кремневые поделки из находок у ст. Матвеев-Курган, но совершенно очевидно, что и они ведут нас к временам древнего каменного века.

К числу вновь открытых в Подонье-Приазовье стоянок мустьерского времени относится также стоянка на правом берегу р. Деркул, при впадении ее в Северный Донец, выше его устья, близ хут. Колесникова. Здесь, в береговом обрыве древней террасы, размываемой ныне Деркулом, найдены орудия мустьерского типа (рис. 1.). Орудия эти, изготовленные главным образом из кварцита, залегают на размытой поверхности древних речных наносов, которые были оставлены вновь поднявшимися, но уже более спокойными, водами р. Донец в мустьерское время³.

¹ О бессергеповской и лакедемоновской находках см. В. И. Громов — «Некоторые итоги полевых исследований по палеолиту СССР в 1935 г.», «Советская археология», № 2, 1937, стр. 193.

² Кремень принадлежит к осадочным породам органического происхождения; это близкий к халцедону минерал, состоящий преимущественно из кремнезема. Встречается кремень на поверхности в виде валунов и желваков небольшой величины (результат выветривания) или залегает в меловых напластованиях мезозойской эры. Кремень (и родственный ему роговой кварцит) обладает однородностью, упругостью и плотностью. Он настолько тверд, что сталь, на которой он оставляет следы, его не царапает.

³ П. П. Ефименко и Н. А. Береговая. — «Палеолитические местонахождения СССР». Материалы и исследования по археологии СССР, № 2, Изд-во Академии Наук СССР, М.-Л., 1941, стр. 256—257 (там же — литература по этому вопросу).

В 1935 году археолог В. М. Евсеев обнаружил и обследовал стоянку древнего каменного века по течению р. Крынки (приток реки Миус), протекающей по территории Ростовской области и Донецкого бассейна (УССР). Стоянка эта расположена в 4 км. на северо-запад от железнодорожной станции

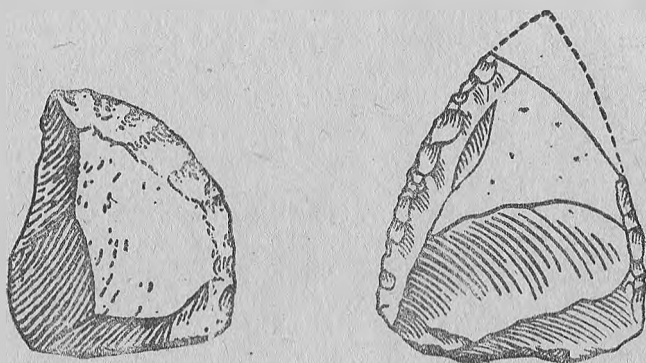

Рис. 1. Скребло (слева) и остроконечник (справа) из стоянки первобытного человека на р. Деркул. Кварцит и кремнь. Около $\frac{2}{3}$ nat. вел. (по П. П. Ефименко).

Амвросиевка и в 6 км. на юго-юго-запад от селения Благодарного (быв. Амвросиевки). Стоянка находится на возвышенном, по отношению к уровню р. Крынки, плато, в 2 км. от правого ее берега, в верховьях балки Казенной, между двумя правыми отвершками этой балки. Вся площадь стоянок составляет примерно около 6 гектаров.

Небольшие раскопки на месте стоянки дали обильный фактический материал. Найдено свыше 15000 различных предметов из кремня.

Среди этих предметов много кремневых желваков, ядриш или так называемых нуклеусов. Беря в руки такой желвак, человек удалял с него путем оббивки все неровности, подготавливал и подправлял «отбивную площадку». Затем начиналось получение «заготовок». Хорошо и умело рассчитанным, отрывисто нанесенным, ударом «отбойника» на подготовленную сторону нуклеуса человек производил трещину, проходившую через всю толщину камня, от одной стороны до другой. В результате по линии волнистого излома отделялся кремневой отщеп, имевший удлиненную овальную форму и желательную для отбивавшего его человека величину. От одного нуклеуса можно было получить несколько таких отщепов. Подправив отщепы и произведя дополнительную их отделку, человек получал необходимое ему орудие труда.

Присутствие нуклеусов в Амвросиевской стоянке указыва-

ет на то, что орудия труда изготовлялись человеком здесь же, на месте своего жилья. Эти орудия труда представлены отбойниками, при помощи которых отбивались отщепы от желвака кремня, резцами, скребками, скобелями, ножевидными пластинками и др. Резцы применялись в работе над твердым материалом, когда необходимо было получить правильный разрез соответствующей глубины и нужного направления. При помощи резца производилась работа по камню, кости, дереву. Скребки приходили на помощь человеку на определенном этапе его работы. Скобель (струг) применялся главным образом для тонкого стругания поверхности дерева и т. д.

Вместе с изделиями из кремня обнаружено огромное количество кремневых отщепов и осколков разной формы и величины, представляющих собой отбросы производства. Любопытно, что среди кремней попадаются кремни со следами растрескивания—явным признаком пребывания их в огне. Интересны также находки проколов-шильев из заостренных костей.

Амвросиевская стоянка с полным основанием может быть названа стоянкой охотников на короткорогих бизонов (*Bison priscus*). В неглубоком овраге археологами обнаружены здесь обильные находки костей (в том числе—черепов) этого ископаемого животного, представлявшего собой крупного и могучего дикого быка и служившего объектом охоты первобытных людей. Достаточно указать, что на пространстве в 41 кв. м. были обнаружены кости, принадлежавшие (по количеству подсчитанных зубов) не менее чем 300 бизонам. Такие скопления костей у жилья первобытного человека известны в науке под именем «кухонных отбросов», костяниц.

Любопытно, что место сосредоточения костей бизона находится не на территории самой стоянки, а в непосредственной близости от нее, в древней ложбине, в мергеле. Вместе с костями бизонов находят также кремневые и костяные орудия труда, в частности, костяные наконечники дротиков. Перед нами—место, куда первобытные охотники доставляли убитых ими зверей для снятия шкур, получения мяса и пр.

Нет сомнения, что при дальнейших, более обширных, раскопках Амвросиевской стоянки, представлявшей собой сезонный охотничий лагерь под открытым небом, будут обнаружены кости еще множества бизонов. Массовый характер скопления костей убитых животных на Амвросиевской стоянке напоминает нам широко известные стоянки древнего каменного века в Европе. Так, в стоянке Кро-дю-Шарнье в Солютрэ (Франция) ученые отыскали скопление костей высотой до 2 м. на площади около 3800 кв. м. Это скопление содержало в себе кости не менее 100000 диких лошадей, а также пещерного медведя, северного оленя, первобытного быка и мамонта. В Пржедмостве (средняя Моравия) при раскопках стоянки бы-

ли обнаружены кости, по крайней мере, 1000 мамонтов и других животных.

Мясо убитых бизонов употреблялось в пищу, а шкуры и кости шли на выделку кож и изготовление орудий производства¹. Жир и сало использовались и при обработке шкур, для освещения и т. п. Нахождение различных костей, а также целых черепов бизонов, которые вместе с мясом составляли немалую тяжесть, говорит о том, что бизоны убивались человеком, очевидно, в непосредственной близости от места своего жилья. Велась охота на бизонов, конечно, не одним человеком, а группами людей и носила характер массовой охоты.

К какому же времени следует отнести существование жилья человека вблизи нынешней Амвросиевки?

Геологический возраст стоянки определяется послеледниковым периодом (20—50 тысяч лет тому назад). В археологии это время известно под названием верхнего палеолита, или позднего древнего каменного века.

Амвросиевская стоянка должна быть отнесена к наиболее поздней стадии древнего каменного века — мадленской эпохе, названной так по имени известной палеолитической стоянки в Мадленском гроте, в Дордони во Франции. Эта мадленская эпоха (примерно 20000 лет тому назад) многим и существенно отличается от предшествующего ей времени. Переменилась и ухудшилась окружающая человека природная обстановка (усиление суровости климата). В конце ледниковой эпохи последовало изменение мира животных: на смену мамонту, большой лесной лошади и др. приходят северный олень, маленькая и большоголовая степная лошадь, бизон, заяц, песец и иные животные.

Меняется уклад человеческой жизни. Усложняется техника охоты, совершенствуется изготовление орудий труда, и, вообще,—бросается в глаза значительный прогресс культуры во всех ее проявлениях—вплоть до искусства.

В мадленскую эпоху, наряду с использованием кремня, в частности, широко развивается обработка кости и рога (костяные проколки найдены и в Амвросиевской стоянке). Наблюдается расцвет изобразительного искусства, художественного творчества (многочисленные изображения фигур животных в изваяниях из камня и глины, росписи на стенах пещер и скальных убежищ в Западной Европе, а также изображения фигур животных в резьбе по кости, известные и по находкам в СССР).

Люди мадленского времени жили (в степных условиях) в

¹ При чем, по наскальным рисункам, изображающим охотников, покрытых шкурами бизонов (сделанным в палеолитических пещерах Франции), можно видеть, что шкура снималась пластом — с головой, с передними ногами и хвостом.

аналашевидных легких постройках, с массивным деревянным столбом в центре и с остовом из деревянных же жердей, вероятно, чаще всего перекрывавшихся шкурами животных, а также камышом, древесной корой и т. д.

Что касается вопроса о производственных отношениях первобытных людей Дона, обитателей Деркульской и Амвросиевской стоянок, то эти отношения были первобытно-общинными, основой которых являлась общественная собственность на средства производства и на продукты производства, обусловленная общим трудом людей—членов первобытного коллектива. «Здесь не имеют еще понятия о частной собственности на средства производства, если не считать личной собственности на некоторые орудия производства, являющиеся вместе с тем орудиями защиты от хищных зверей. Здесь нет эксплуатации, нет классов»¹.

Сказанное выше свидетельствует о том, что пребывание человека на территории Подонья-Приазовья восходит к временам, отдаленным от наших дней десятками тысяч лет, к той «седой древности», которая «при всех обстоятельствах, останется необычайно интересной эпохой для всех будущих поколений, ибо она является основой всего позднейшего прогресса, ибо она имеет исходным пунктом выделение человека из животного царства, а содержанием—преодоление таких трудностей, которые никогда не представлятся будущему ассоциированному человечеству»².

С какого же времени мы можем уже последовательно и непрерывно проследить историю жизни и развития человеческого общества на территории Подонья-Приазовья?

Это время восходит к началу пятого тысячелетия до наших дней (примерно за три тысячи лет до н. эры) и относится к периоду существования в Подонье-Приазовье родового первобытного общества.

РДВОВЕ ПЕРВОВЫТНОЕ ОБЩЕСТВО

Как известно, в первобытном обществе на смену периоду дикости пришла, по классификации Фридриха Энгельса, период варварства, подразделяемого на три ступени: низшую, среднюю и высшую. «Дикость,—говорит Энгельс,—период преимущественно присвоения готовых продуктов природы; производства, созданные человеком, служат, главным образом, вспомогательными орудиями такого присвоения. Варварство—период введения скотоводства и земледелия, период усвоения

¹ И. Сталин. — О диалектическом и историческом материализме, в книге: «Вопросы ленинизма», изд. 11-е, стр. 555.

² Фр. Энгельс. — Анти-Дюринг, Маркс и Энгельс, Соч., т. XIV, Соцэкгиз, М., 1931, стр. 115.

методов повышения производства продуктов природы с помощью человеческой деятельности»¹.

Возникая на средней ступени дикости и достигая наивысшего своего расцвета на низшей ступени варварства, род являлся основой общественного и хозяйственного устройства у всех первобытных народов земли. Переход человечества от первобытного стада к родовому обществу сопровождался ограничением беспорядочных брачных отношений сначала путем выделения брачных коллективов по поколениям, затем путем исключения из брачных отношений кровных родственников (родных братьев и сестер и более далеких степеней родства). Групповый брак вел, при этом, к тому, что происхождение человека могло быть установлено лишь с материнской стороны. При групповом браке женщина пользовалась высоким уважением в силу того, что установление отцовства невозможно, а мать всегда известна. Это стало «реальной основой... повсеместного распространения господства женщины» (Энгельс). Так сложился матриархальный род (матриархат), развитие которого началось в конце средней ступени дикости.

С течением времени, на средней ступени варварства, материнский род уступил место отцовскому роду (патриархат), в котором мужчина стал главой семьи и подчинил себе женщину. Счет родства велся уже по отцовской линии, а «домашняя работа женщины утратила теперь свое значение по сравнению с промысловым трудом мужчины» (Энгельс). Установилась отцовская власть главы семейной общины, охватывающей несколько поколений потомств одного отца вместе с его женами, при чем все они живут на одном дворе, сообща обрабатывают свои поля и питаются из общих запасов. В этот период начинается и развитие племенных объединений (племя являлось совокупностью нескольких родов).

В условиях патриархального родового строя часто возникали крупные союзы племен, в которых происходил процесс смешения, скрещивания и объединения различных этнических групп, вырабатывались общий язык и культура. С течением времени из таких племенных объединений возникали отдельные народы. Сам союз племен означал уже начало разрушения, распада родового общества. На смену племенному делению пришло деление территориальное, на смену былому социальному и имущественному равенству—неравенство. Начинали складываться предпосылки государственного строя.

Мы напоминаем читателю, в самых общих чертах, эту схему основных этапов развития родового первобытного об-

¹ Фр. Энгельс. — Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, М., 1945, стр. 34.

щества потому, что на территории Подонья-Приазовья люди жили как в эпоху матриархата, так и в эпоху патриархата.

Население Подонья-Приазовья в третьем тысячелетии до н. эры, по своему хозяйственному укладу и общественному строю, находилось на низшей ступени варварства.

Редким и разбросанным было тогда население Подонья-Приазовья. Люди жили здесь по долинам рек немногочисленными матриархальными производственными группами, отдельными родами, связь между которыми была еще слабой, непостоянной. «Родовой строй... предполагал крайне неразвитое производство, крайне редкое население на обширном пространстве» (Энгельс).

Места жилищ (стоянки) этого времени известны по находкам типичных каменных орудий и глиняной керамики (посуды), обнаруживаемых по течению Сев. Донца. Эти находки встречаются изредка в районах Нижнего Дона (не захватывая, однако, дельты Дона), но особенно обильны они на пространстве ниже-кундрюческих песчаных массивов.

Получившая широкую известность, благодаря своему природному своеобразие и многочисленным находкам предметов древности, местность между станицами Нижне-Кундрюческой, Верхне-Кундрюческой и Усть-Быстрианской представляет собой песчаную равнину. Ее пески принадлежат к террасовым аллювиальным образованиям.

Среди людей, живших в нашем крае¹ в третьем тысячелетии до н. эры, еще сохранялись пережитки самого первого хозяйственного занятия людей, так называемого собирательства—коллективных поисков и сборов пищи, которую в готовом виде давала первобытному человеку природа (плоды различных растений, луковичные растения с съедобными корнями, молодые побеги, раковины и пр.). Следы собирательства являются, в частности, находки в древнейших культурных слоях Кобякова городища (остатков древнего поселения близ станицы Аксайской) раковин и их обломков.

Вместе с тем у населения Подонья-Приазовья III тысячелетия до н. эры существовали уже и начатки скотоводства (выросшего из охоты) и земледелия (выросшего из собирания диких плодов и зерен). Люди приручали животных: сначала — собак, овец, а затем уже и крупных животных. О занятии земледелием говорят находки кремневых серпов и каменных зернотерок. Слабо развитой была охота. Значительную роль играли рыболовство.

¹ Под терминами: «наш край», «наша местность» всегда следует подразумевать территорию Подонья-Приазовья.

Люди жили тогда на временных стоянках, задерживаясь подолгу лишь в самых удобных местах. При этом все стоянки людей того времени как бы «жались» к воде, то есть располагались по течению рек, в непосредственной близости от воды. Толкало к этому занятие рыбной ловлей: рыба служила одним из основных источников питания. Более всего были распространены дюнные стоянки, располагавшиеся на тянувшихся вдоль рек дюнах (песчаных холмах) и при этом — на склонах дюн, обращенных к воде. Именно такие стоянки и известны нам по течению Сев. Донца.

Дальнейший рост производительных сил и развитие техники обусловили заметное повышение уровня жизни людей; увеличилась и численность населения, которое постепенно все более и более распространялось по долинам рек бассейна Среднего и Нижнего Дона в направлении к устьям реки, а затем (уже в период второй половины второго тысячелетия до н. эры и позже) — и по побережью Азовского моря.

Наряду с сезонными рыболовными и охотничьими стоянками возникают поселения уже более постоянного характера.

Остатки поселений позднего периода патриархата (1500—500 лет до н. эры) открыты в окрестностях станиц Цымлянской, Елисаветовской, у хутора Хопры, на морском побережье — у основания Золотой косы близ Таганрога. Особенно широко известны остатки поселений у станицы Аксайской (Кобяково городище) и у станицы Нижне-Гниловской (Гниловское городище)¹.

Известны постоянные поселения и по течению Донца, особенно между реками Кундрючей и Донцом (нижне-кундрюческий песчаный массив). Скорее всего, не постоянные поселения, а сезонные стоянки охотников и рыболовов существовали в гирлах Дона, на правом берегу р. Самбек при впадении ее в Азовское море, в устьях Миусского лимана и во многих других местах.

Все более успешно и широко разводился домашний скот, развивалось земледелие.

Для Подонья-Приазовья, однако, характерно то, что земледелие не получило здесь широкого распространения, ограничиваясь незначительными приречными долинами с почвами, благоприятными для взрыхления при помощи примитивных ручных орудий. Между тем, рыболовство часто играло здесь роль важной и самостоятельной, если даже не определяющей формы хозяйства.

В ходе дальнейшего развития производительных сил в По-

¹ На этих двух городищах зафиксировано и присутствие поселений раннего периода патриархата (2500—1500 лет до н. эры).

донье-Приазовье все больше усиливается скотоводство, а местами — и земледелие¹. Из всех находок костей животных в культурных слоях (отложениях) Кобякова городища раннего периода патриархата (2500—1500 лет до н. эры) на долю костей охотничьей и сторожевой собаки типа сибирской лайки падает 35,52%, на долю мелкого рогатого скота—27,59%, крупного скота—12,30%, лошади (которая разводилась в качестве мясного и молочно-кумысного животного)—12,59% и диких животных — 12%. Высокое развитие молочного хозяйства подтверждается находками в Кобяковом городище и в других местах специальной глиняной посуды — кувшинов с носиком.

На позднем этапе патриархата скотоводство получает свое дальнейшее развитие, становясь постепенно основным хозяйственным занятием местного общества.

В специфических условиях Подонья-Приазовья рыболовство, однако, продолжало сохранять свое прежнее значение, о чем говорит наличие в отложениях быв. поселений целых слоев, состоящих из остатков мелких и крупных рыб. Ловилась рыба с помощью сетей и самоловов из лозы. Для ловли крупной рыбы употреблялись гарпуны.

Один из таких костяных гарпунов был найден в юрте станицы Елисаветовской, в рукаве Дона — Мертвом Донце. Его длина около 20 см. С двух сторон он имеет заостренные выступы—шипы (с одной—один выступ, с другой—два).

Костяной наконечник гарпуна был обнаружен в 1935 году археологом А. П. Кругловым у хутора Красный Яр, Цымлянского района, непосредственно на территории поселения позднего периода бронзового века. Наконечник этого гарпуна имеет втулку для насадки, заостренный шип и круглое отверстие на широкой плоскости, в которое продевался ремень, соединявший наконечник с древком (рис. 2). Красноярский наконечник очень напоминает гарпуны эскимосов.

Население Подонья-Приазовья в эпоху патриархата уже было, в известной мере, знакомо с металлом. Залежей медной руды здесь не было и местной металлургии в Подонье-Приазовье тогда не существовало, а если она, со временем, и возникла тут, то основывалась на привозном сырье (металле в слитках, шедшем с юга через Кавказ, а возможно и из Дон-

¹ В коллекциях Новочеркасского музея имеется несколько экземпляров древних бронзовых серпов, один из которых найден по правому берегу р. Сев. Донец, к востоку от станицы Нижне-Кундрюческой. Там же хранится бронзовая мотыга типа топора с поперечным лезвием и втулкой, образованной двумя согнутыми крыльями. К числу предметов земледельческого характера относятся также находимые на Дону каменные зернотерки.

басса), и развития не получила¹. Зато вывезенные из других местностей орудия из металла (меди и бронзы) уже попадали в Подонье-Приазовье. Камень, однако, все еще продолжал оставаться основным материалом для изготовления орудий, при чем, техника обработки камня достигла во II—I тысячелетиях до н. эры высочайшего совершенства.

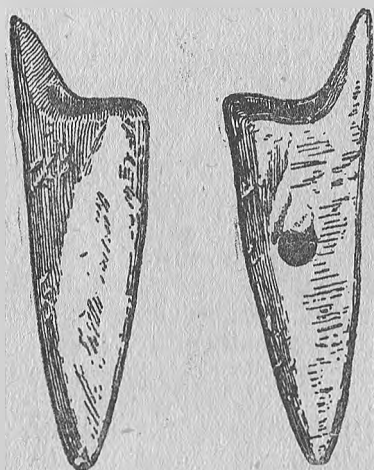

Рис. 2. Костяной наконечник гарпуна для ловли рыбы из поселения эпохи бронзы, у хутора Красный Яр (по А. П. Круглову).

Впрочем, даже если местное население и было бы знакомо с бронзой в большей степени,—это не привело бы к вытеснению изделий из камня. «Бронза,—указывает Энгельс,—давала пригодные орудия и оружие, но не могла вытеснить каменные орудия; это было под силу только железу, а добывать железо еще не умели»². К тому же в условиях Подонья-Приазовья металлом для массового изготовления орудий вообще не пользовались, так как он был дорог и высоко ценился.

Каменные же орудия изготавливались в очень большом количестве. Мы имеем, например, сотни и тысячи находок различных по размерам и форме кремневых наконечников стрел.

Подобного рода кремневые стрелы зовут в народе «громовыми стрелами». Известны они под этим названием и у нас, на Дону. В станице Нижне-Кундрюческой старик-казак Торопов рассказывал нам в 1934 году легенду о том, что много таких стрел появилось в результате страшной бури, разыгравшейся когда-то во время нашествия «турок». «Прилагательное «громовый», — пишет проф. А. В. Ардиховский, — объясняется распространенным у большинства народов поверием, что каменные орудия образуются в небе при ударе грома. Это поверие всюду распространилось, когда употребление орудий было за-

¹ Памятниками местной металлургии являются хранящиеся в Новочеркасском музее обломки листовой кованой красной меди, небольшой недоделанный «ножичек» и два куса сплава красной меди (из находок вблизи хутора Андриянина, быв. Усть-Медведицкого округа). Найденные в районе станицы Нижне-Кундрюческой «прутики из красной меди» могут служить образцом привозного в слитках металла.

² Фр. Энгельс. — Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, М., 1945, стр. 181.

быто. По-гречески, по-немецки, по-английски и т. д. они называются камнями грома; по-латыни, по-испански, по-французски и т. д. — камнями молнии. В СССР—по-узбекски, по-татарски и т. д. это тоже камни молнии, а по-русски — громовые стрелы. Доныне в русской деревне от Белого моря до Черного моря можно спросить про громовые стрелы: старики поймут и укажут ближайшие местонахождения кремневых орудий»¹.

Многие из находимых на Дону кремневых наконечников стрел отделаны с виртуозной, прямо-таки ювелирной тонкостью, что говорит о трудовых навыках, накопленных людьми из поколения в поколение (рис. 3). Другие изделия из камня свидетельствуют об умении полировать и просверливать камень. Отдельно от стоянок уже существовали специальные мастерские по изготовлению каменных орудий. Все это указывает на растущее разделение труда и специализацию производства.

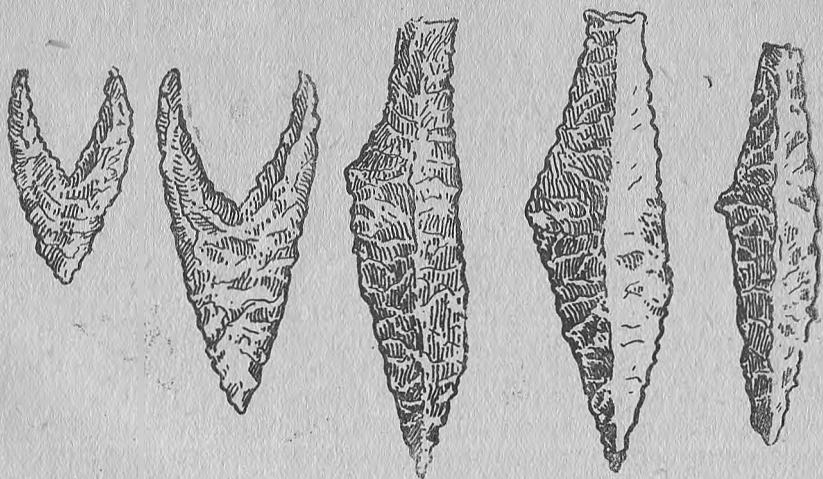

Рис. 3. Кремневые стрелы из находок у станицы Нижне-Кундюческой. Нат. вел. (по Б. В. Луину).

Большого развития и разнообразия достигает в эпоху патриархата изготовление глиняной посуды. На месте б. поселений и в составе могильного инвентаря древних погребений встречаются (целыми и в обломках) самые различные сосуды, начиная от маленьких «солонок» и «рюмок» и кончая крупными глиняными котлами.

Многие сосуды покрывались богатым штампованным орнаментом, наносившимся на сырую глину до обжига сосуда. Для

¹ А. В. Арциховский. — Введение в археологию, издание 3-е, МГУ, М., 1947, стр. 34.

раннего периода характерны шаровидные сосуды с плоским дном и коротким прямым горлом, орнамент которых состоит из сочетания кругов.

Не следует видеть в этих орнаментах лишь декоративное украшение сосудов. Различные элементы орнамента древней керамики (треугольники, спирали и др.) имели определенное смысловое значение и отражали собой мировоззрение родового общества. Любопытно, что если мы внимательно присмотримся к богатой орнаментации глиняных сосудов интересующей нас эпохи, мы убедимся, что при кажущемся разнообразии орнаментов все они в действительности представляют собой сочетание довольно ограниченного количества различных знаков. Перед нами, как правило, треугольник, двойной вертикальный зигзаг, спирали, кружки, лопасти, образованные несколькими рядами линий; реже—прямой и косой кресты, свастика, меандр и ромб (рис. 4). Ограниченность и повторяемость элементов орнамента на каждом отдельном сосуде заставляют думать, что здесь не случайный набор знаков в различной комбинации, а своеобразные пиктограммы—изображения, передающие известную мысль¹. Надо учесть к тому же, что родовое общество южно-русских степей не знало реальных изображений. Ни на одном памятнике, дошедшем до нас со времени существования родового общества на юге нынешней территории СССР, мы не встречаем ни одного изображения человека или животного. Тем больше оснований считать, что в знаки геометрической орнаментации сосудов родового общества вкладывалось особое содержание. Вероятнее всего, что подобные знаки были связаны, как пережиток, с древнейшими магическими представлениями людей.

Наличие в эпоху патриархата привозных металлических изделий явно указывает на то, что обитавшие в Подонье-Приазовье первобытно-общинные племена были связаны путем межплеменного обмена и культурного воздействия не только между собой, но в какой-то мере и с племенами северного Причерноморья и с южными странами.

¹ Пиктограмма—образное, или изобразительное письмо, примитивнейшая форма письма, условные начертательные знаки которого представляют собой символическое выражение отвлеченных понятий и сложных явлений. Один из образцов такого условного «письма» дает опубликованная нами замечательная находка в одном из курганов на Золотой косе, близ Таганрога. Мы имеем в виду сделанный от руки (без помощи гончарного круга) глиняный сосуд конца II—начала I тысячелетия до н. эры. На верхней трети сосуда расположено 23 «загадочных» линейных знака (крестики, перекрещивающиеся четырехугольники, прямые линии). Раздельность и своеобразие каждого знака не позволяют видеть здесь простой орнамент, украшение сосуда. Перед нами, несомненно, условная «надпись» культово-магического содержания.

Межплеменной обмен долгое время был соседским — от племени к племени. «Различные общины,—говорит Энгельс,—благодаря своему положению, климату, уровню культуры производят различные продукты, которыми они обмениваются в тех пунктах, где они соприкасаются с другими общинами»¹.

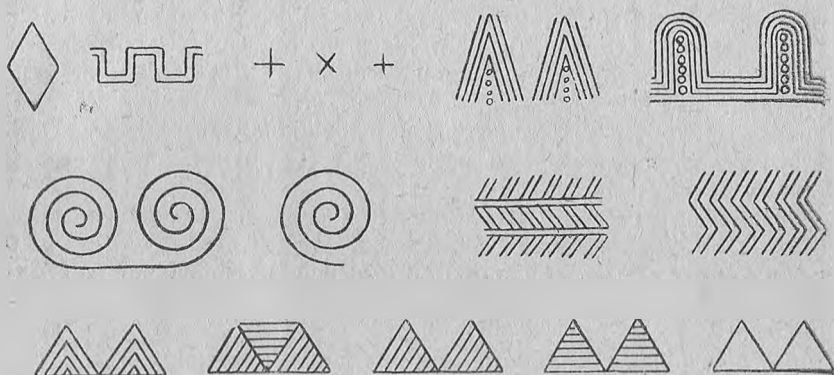

Рис. 4. Элементы орнаментации сосудов эпохи родового общества (по В. В. Гольмстену).

Нити обмена в тот период тянутся из Подонья-Приазовья, главным образом, на юго-восток, в сторону Кавказа, и через него—Закавказья, Ирана и внутренней Малой Азии. Ведя обмен, племена Подонья-Приазовья предъявляли спрос, в первую очередь, на готовые изделия из металла и отчасти из камня, а сбывали преимущественно скот и продукты животноводства. Во II тысячелетии до н. эры один из крупных очагов местной обработки металла существовал в районе Кавказского горного хребта, другой — на северо-западе Кавказа, в районе Закубанья и северной половины Кавказского побережья.

Из этих культурных очагов и производственных центров и попадали в степи Подонья-Приазовья орудия и украшения из меди (находка на Дону у станицы Константиновской), а также каменные боевые топоры, или секиры типично кавказских форм (находки близ станиц Цымлянской и Арчадинской) (см. рис. 5).

В последний период бронзового века, с XI по VIII—VII вв. до н. эры, когда у племен Подонья-Приазовья совершался переход от средней к высшей ступени варварства, мы наблюдаем значительное усиление и расширение межплеменных связей. Этому способствовала возросшая тогда подвижность на-

¹ Фр. Энгельс.—Конспект первого тома «Капитала» К. Маркса, 1867 г., Партиздат, М., 1932.

селения, освоение лошади, как средства передвижения, накопление отдельными племенами значительных богатств в виде скота и пр. Мирному обмену теперь сопутствует и насильственный захват скота и иного имущества одним племенем (или племенами) у другого. В соответствии с этим расширяется и территория межплеменных связей, и сами связи становятся более интенсивными. Соответствующие находки дают археологам право предполагать наличие в то время твердо установившегося сухопутного пути с Кубани на Дон. Изделия из бронзы, изготовленные на Северном Кавказе (район так называемой кобанской культуры в нынешней Северной Осетии), встречались южнее Дона и на Дону (Сиротинская станица, Новочеркасск).

Немалое значение для изучения жизни родовых первобытных общин Подонья-Приазовья III—II тысячелетий до н. эры имеет и такой дополнительный исторический источник, как курганы с содержащимися в них древними погребениями.

Курганы! В степных просторах Подонья-Приазовья, Причерноморья, Кубани они, пожалуй, более чем где-либо являются органической частью степного пейзажа. Время, вековая распашка земель уничтожили следы многих тысяч курганов. Все же и сейчас еще они сохранились в довольно большом количестве.

Это—могильные курганы, то есть земляные насыпи, в которых или под которыми содержатся древние погребения, совершенные по определенному ритуалу. Обряд погребения людей по определенному ритуалу существует много тысяч лет и наблюдался еще во времена древнего каменного века (палеолита). Обычай же насыпать над могилой земляной холм-курган появляется уже в эпоху бронзы, примерно, за две-три тысячи лет до н. эры. Держался этот обычай очень долго, вплоть до XV века н. эры (погребения золотоордынских кочевников). Как и обычай класть в могилу вместе с покойником различные вещи—сосуды с пищей, оружие умершего, украшения,—он отражает собой верования людей в загробную жизнь, в существование «души», «двойников» и связанный с этими верованиями культ мертвых (почитание мертвецов). Эти верования отражали бессилие древнего человека перед природой, неумение осмыслить и правильно объяснить окружающие его явления.

Все курганы Подонья-Приазовья могут быть подразделены на три основных группы: а) насыпи эпохи бронзы (родовое общество), б) скифо-сарматского и в) половецко-татарского времени. Курганы эпохи бронзы, в свою очередь, преемственно делятся (по разновидностям устройства могил) на древнейшие, в которых покойники погребены в простых ямах под

насыпями; катакомбные — в виде подкурганных пещерок, вырытых изнутри ямы вбок, и срубные — с бревенчатыми подкурганными срубами¹.

Наблюдения показывают, что погребения в «ямах», достигающие по времени до конца III тысячелетия до н. эры, соответствуют укладу древнейшего охотничье-рыболовецкого населения с пережитками собирательства; в «катакомбах», относящихся к концу III и первой половине II тысячелетия до н. эры, — скотоводческому с зачатками земледелия; в «срубных», относящихся ко второй половине II тысячелетия и началу I тысячелетия до н. эры, соответствуют укладу населения скотоводческого с развитым земледелием, а иногда (не в условиях Дона) — преимущественно укладу земледельческого населения.

Для всех курганных погребений бронзового века характерно наличие в них «скорченных и окрашенных костяков».

Скелеты умерших лежат в скорченном, «утробообразном» положении, чаще всего головою на юго-восток. Такая поза — следствие связывания покойника. Наблюдения за жизнью остальных народов нашего времени (в Австралии, Африке) объясняют причины связывания покойника в древности. В одних случаях такое связывание имело целью придать умершему позу сидящего, ибо покойника после смерти оставляли «сидеть» в кругу его близких до тех пор, пока не наступали явные и неотвратимые признаки распада, разложения тела умершего. В других случаях связывание по рукам и ногам ставило целью не дать покойнику возможности «вернуться» из подземного мира, загробной жизни, в которую верили, и тем самым причинить вред живущим.

Многие первобытные племена полагали, что человек после смерти должен лежать в утробе матери-земли в том же положении, в каком он находился в утробе своей матери до рождения.

Нередко труп человека посыпали в могиле красной краской (натуральная красная охра, сурик), которая с течением времени (по мере разложения трупа) переходила на кости и оседала на них. Поэтому, в могильниках (при раскопках) часто наблюдается наличие на костях погребенных людей красной краски.

Красная краска символизировала очищающую силу крови или огня, как части солнца на земле.

¹ Одно из курганных погребений с срубом из дубовых бревен диаметром 25—30 см. было обнаружено, например, у хутора Андропова, Вешенского района. Катакомбные же и, особенно, ямные погребения распространены в Подонье-Приазовье очень широко.

Солярный культ (культ солнца) имел тогда широкое распространение, находя отражение и в орнаментах сосудов. Иногда в курганах со скорченными и окрашенными костяками находят т. н. парные погребения (мужчины и женщины), что говорит уже о развитом патриархальном строе. Жена убивалась при погребении мужа, чтобы сопутствовать ему в загробной жизни.

При раскопках на Дону некоторых курганов поздней стадии эпохи развитого родового общества исследователи обнаруживали кольцообразные каменные выкладки, а внутри них— древние погребения. Любопытно, что еще в прошлом столетии на Дону сохранялись народные поверья и легенды, связанные с «вавилонами». Под именем «вавилонов» и подразумевались каменные круги, сложенные из крупных камней. Сооружение в древности каменных кругов имело культовый характер и было связано, в частности, с культом солнца.

В числе погребений со скорченными и окрашенными костяками очень интересны находки в одном из курганов по западному течению р. Маныч, близ хутора Спорного. Раскопками проф. М. И. Артамонова здесь было обнаружено катакомбное погребение взрослого мужчины, лежащего на правом боку в скорченном положении. Около костяка — комочки красной краски, кости барана, глиняная, покрытая орнаментом «жаровня». Череп мужчины искусственно деформирован при жизни и имеет форму усеченного конуса (рис. 6).

В другом кургане, также в подземной камере (катакомбе), было обнаружено еще одно погребение подобного типа. Скорченному костяку взрослого мужчины здесь сопутствовали кости барана, глиняный горшок с выпуклыми боками и высоким прямым горлом и орнаментированная «жаровня» с полукруглым отделением возле края внутри. В жаровне лежал большой кусок красной охры. Череп мужчины вытянут вверх, то есть—также искусственно деформирован¹. Нарочитое изменение формы черепа достигалось при жизни человека путем наложения на его голову с раннего возраста постоянных тугих, давящих повязок, шедших в определенных направлениях. С помощью этих повязок постепенно достигалась деформация черепа, часто происходившая за счет удлинения затылочной части черепа.

Деформация придавала черепу неестественный вид, и человек, обладавший таким черепом, резко выделялся формой своей головы среди окружающих.

В трактате «О воздухе, водах и местностях», приписываемом знаменитому греческому врачу и естествоиспытателю, ос-

¹ М. И. Артамонов.—Раскопки курганов в долине реки Маныч в 1935 г., «Советская археология», IV, 1937, стр. 93—146.

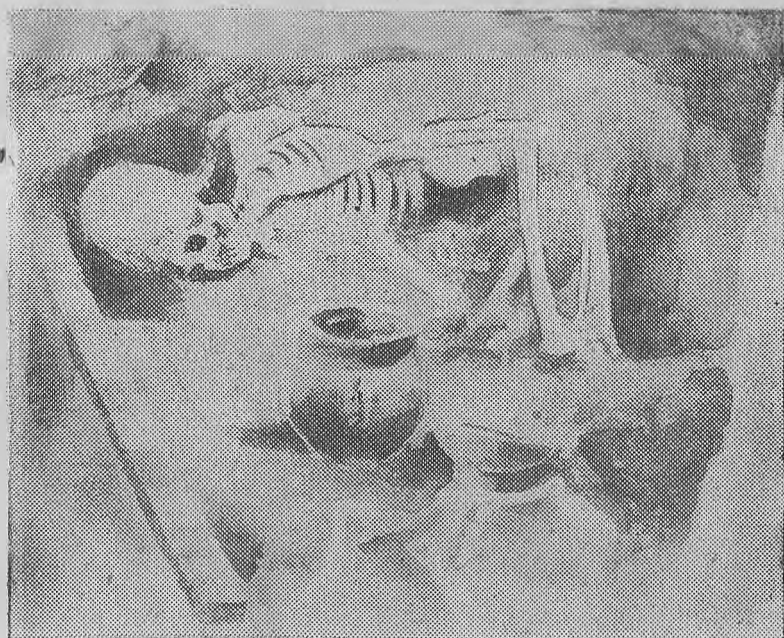

Рис. 6. Катакомбное погребение со скорченнм и окрашенным костяком из кургана в долине реки Маныч (по М. И. Артамонову).

новоположнику научной медицины Гиппократу (род. в 460, умер около 337 года до н. эры), мы находим такие данные об обычае искусственной деформации головы у населения, обитавшего, в частности, в Приазовье. Гиппократ писал:

«Относительно народов, живущих направо от летнего восхода солнца до озера Меотиды (Азовское море — Б. Л.), составляющего границу Европы и Азии, можно сказать следующее... Прежде всего скажу о длинноголовых. Нет никакого другого народа, который имел бы подобную форму черепа. Первоначально важнейшею причиною удлинненной формы головы был обычай, а теперь и природа способствует обычаю, происшедшему от того, что они считают самыми благородными тех, у кого наиболее длинные головы. Обычай этот состоит в следующем: лишь только родится ребенок, но еще кости его мягки, неотвердевшую его головку выправляют руками и принуждают расти в длину посредством бандажей и других подходящих приспособлений, вследствие которых сферическая форма головы портится, а длина ее увеличивается. Первоначально так делали по обычаю, так что такая форма придавалась голове насильственным способом».

Имеется и указание известного географа древности Страбона (23—79 гг. н. эры), который писал: «Говорят, что некото-

рые лица употребляют все усилия, чтобы сделаться более длинноголовыми».

Искусственная деформация черепа была уделом лишь некоторой части людей. Существует предположение, что деформация черепа служила показателем принадлежности его обладателя к числу представителей высшей воинской знати, возможно—жреческого «сословия».

Подобного рода циркульно-деформированные черепа встречались в древних погребениях Северного Кавказа, Дона, Поволжья и других местностей и раньше. Находки таких черепов имели место в окрестностях Ростова-на-Дону, Кобякова городища близ станицы Аксайской, станицы Мелеховской, долины р. Морской Чулек (между Ростовом и Таганрогом, где было найдено богатое погребение III века н. эры). Таганрога и др.

Однако эти черепа, все без исключения, принадлежали сарматским или другим племенам первых столетий нашей эры.

Находка черепов с явными следами искусственной деформации в маньчжских курганах является первой в науке находкой, столь определенно указывающей, что обычай искусственной деформации черепа восходит еще ко времени родового общества, к бронзовому веку (сами маньчжские погребения датируются вторым тысячелетием до н. эры). Так, время от времени, Подонье-Приазовье обогащает исследователей исторического прошлого все новыми и новыми открытиями.

В Советском Союзе живет и работает ученый Михаил Михайлович Герасимов. Известный археолог, он является также талантливым скульптором-антропологом, специализировавшимся в области восстановления (реконструкции) древних человеческих черепов и по ним—вероятного внешнего облика их обладателей. Восстанавливая по обломкам костей весь череп, М. М. Герасимов с помощью кропотливой, тщательно разработанной научной методики добился больших успехов в своей интересной и необычной исследовательской работе, позволяющей нам представлять себе, как выглядел при жизни древний человек, обладатель такого черепа (рис. 7).

Говоря о курганах со скорченными и окрашенными костями важно отметить, что к концу бронзового века, наряду с бедными погребениями под небольшими насыпями или—десятками погребений в одной большой насыпи (родовые кладбища), с течением времени уже появляются крупные насыпи с более богатыми одиночными погребениями, что свидетельствует о процессе разложения, распада первобытно-общинного строя и появлении экономического и общественного неравен-

ства¹. Это неравенство возрастет еще больше к концу второго тысячелетия до н. эры, когда разведение скота, пастушеское скотоводство стали главным хозяйственным занятием живших в нашем крае людей, тогда как рыболовство, охота и мотыжное земледелие носили характер подсобных хозяйственных занятий. Среди разводимых в Подонье-Приазовье пород скота появились свиньи и козы. Люди научились перерабатывать молочные продукты.

Скот находился на подножном корму, и поэтому люди вели попрежнему полuosедлый образ жизни. Для перехода людей к типичному (номадному) кочевничеству, которое характерно для высокоразвитого скотоводства, необходимых условий еще не было.

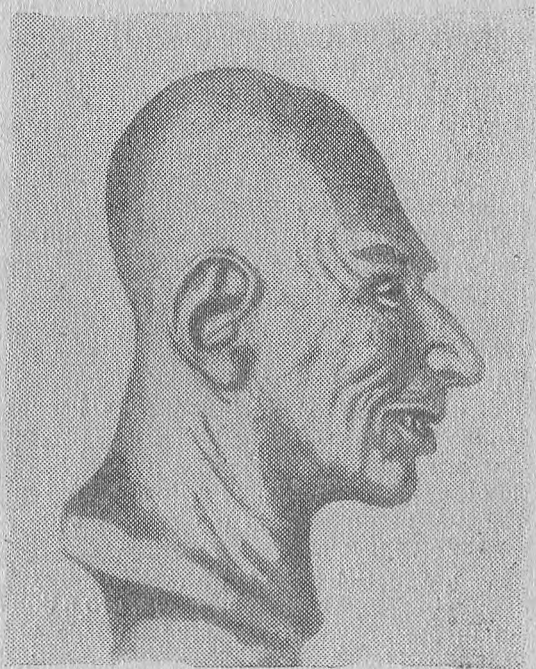

Рис. 7. Реконструкция головы человека II тысячелетия до н. эры, осуществленная по деформированному черепу из кургана в долине реки Маныч (по М. М. Герасимову).

¹ Ярким примером богатых погребений указанного типа могут служить погребения, раскопанные в 1910—1912 гг. в окрестностях станицы Нижне-Кундрюческой, на левом берегу реки Донец. Один из курганов содержал в себе кольцообразную каменную выкладку, внутри которой, на разной глубине, находилось три погребения со скорченными костяками. В одном из них скелету сопутствуют глиняная посуда, каменная «булава», каменный молоток, кремневые стрелы, бронзовый кинжал и т. д. Инвентарь другого погребения состоял из металлических колец и «перстня», каменной «булавы», кремневых наконечников стрел и скребков, шлифованного молота, плоского бронзового топора, кремневого ножа. При скорченном костяке в кургане, раскопанном в 1921 году в 4-х километрах от Ростова, находились: сплошь орнаментированный глиняный сосуд, мраморная «булава», медный кинжал и медные застегки с бирюзой. Каменные «булавы», редкие и дорого ценившиеся в Подонье изделия из металла, а также обилие изделий из кремня говорят о принадлежности погребенных к верхушке местного общества.

Известны жилища людей того времени—полуземлянки в виде углублений в земле, покрытые шаламами из хвороста и камыша. Посередине землянки располагался костер-очаг. Люди селились попрежнему на открытых местах; поселения не укреплялись. Войны ради грабежа, как специального занятия, тогда еще не существовало. Лишь на протяжении первого тысячелетия до н. эры возникают столкновения между племенами ради захвата скота и другой добычи.

Мы знаем, что главной силой, которая определяет физиономию общества, характер общественного строя людей, переход общества от одного строя к другому, является способ производства материальных благ и что влияние географической среды на общественное развитие не является **определяющим** влиянием, так как «изменения и развитие общества происходят несравненно быстрее, чем изменения и развитие географической среды»¹.

Вместе с тем «географическая среда бесспорно, является одним из постоянных и необходимых условий развития общества и она, конечно, влияет на развитие общества,—она ускоряет или замедляет ход развития общества»². Это, в частности, относится к климатическим изменениям, которые происходили на протяжении тысячелетий в нашей местности и в той или иной степени оказывали свое влияние на образ человеческой жизни.

То, что мы знаем об изменениях в местной географической среде, указывает на то, что в конце второго тысячелетия до н. эры начавшаяся уже раньше засушливость достигла в Подонье-Приазовье такого состояния, при котором реки усыхали, уровень воды снижался. Это не могло не способствовать переходу людей с высоких берегов реки на приречные долины, ближе к воде. В первом тысячелетии до н. эры началось постепенное понижение температуры, увеличение влажности. Уровень воды в реках повысился. Приречные долины Подонья-Приазовья вновь покрылись водой. В этот период шло наступление лесостепи с севера и развитие злакового покрова в степной полосе. Тем самым создавались еще более благоприятные условия для разведения скота и упрочения скотоводства, как главного занятия человека. Население перешло с приречных долин на покрывшиеся травой степные плато. В удобных для пастбища степях стало процветать кочевое скотоводство. Оно широко обеспечивало хозяйственные потребности людей, благодаря чему в жизни обитателей Подонья-Приазовья снижается удельный вес рыболовства, но земледелие все еще остается малоразвитым.

¹ И. Сталин.—О диалектическом и историческом материализме.—Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 548.

² Там же.

Все сказанное выше говорит о постепенном и непрерывном развитии человеческого общества на территории Подонья-Приазовья на протяжении нескольких тысяч лет. При этом, по мере роста производительных сил, развития техники и улучшения условий человеческой жизни, шел процесс естественного прироста населения, не исключая, конечно, его пополнения и за счет прихода в Подонье-Приазовье известного количества людей (племен) со стороны.

На протяжении всего времени, о котором шел наш рассказ, хозяйство живших в Подонье-Приазовье людей принадлежало всему роду в целом. Основные средства производства (орудия труда), равно как и продукты производства, составляли собственность всего рода. Люди еще находились в ту пору в тесной зависимости от природы, и попрежнему только общий труд обеспечивал возможность существования людей. Производственные отношения племен, населявших Подонье-Приазовье в третьем-втором тысячелетиях до н. эры, являлись, как сказано, первобытно-общинными. Если с течением времени, по мере возраставшего разделения труда, обмена и пр., в среде местного родового первобытного общества и начали появляться явные признаки имущественного неравенства, существования более богатых и более бедных родов, — то все это еще не изменяло тогда (например, во втором тысячелетии до н. эры) первобытно-общинной основы жизни людей. Хозяйство в целом, основные средства производства оставались пока собственностью всего рода.

КАКИЕ ПЛЕМЕНА ЖИЛИ В ПОДОНЬЕ-ПРИАЗОВЬЕ?

Киммерийцы

Нам совершенно неведомы названия племен, населявших Подонье-Приазовье в III—II тысячелетиях до н. эры. Условно их можно именовать «докиммерийскими», то есть обитавшими здесь до появления на юге нашей страны киммерийцев, чье имя засвидетельствовано впервые («гиммири») в ассирийских источниках VIII века до н. эры, а затем в известиях древнегреческих писателей, оставивших нам много данных о прошлом юга нынешней территории СССР и называвших жителей южнорусских степей до появления здесь в VII—VI веках до н. эры скифов—киммерийцами.

Из всех этих древних источников известно, что киммерийцы в первой половине VII века до н. эры вторглись через Кавказ в Иран. Серьезное поражение от киммерийцев потерпела Ассирия. Затем они проникли в Малую Азию, где около 657 г. до н. эры взяли Сарды, разграбили Лидийское царство. Доходили киммерийцы и до Сирии.

Подобно скифам, и киммерийцы, несомненно, не представляли собой одного целого, а состояли из различных племен, объединенных древнегреческими писателями одним общим именем, вероятнее всего, именем одного из крупных и старейших племен, обитавших вокруг Азовского моря.¹ Рассказывая о киммерийцах, греческие писатели основывались на сказаниях и преданиях о приходе из каких-то далеких стран в причерноморские и приазовские степи будто бы одного народа — киммерийцев.

На самом же деле «киммерийцы» — это собирательное имя, условное наименование населения юга нашей страны в доскифский период, и именно того населения, которое непосредственно предшествовало скифам (конец бронзового и начало железного века: VII—VI века до н. эры).

Примерно в VII—VI веках до н. эры в процессе исторического развития степных племен северного Причерноморья и Подонья-Приазовья совершается резкий перелом, связанный с переходом степняков-скотоводов от пастушеской к кочевой системе хозяйства, от средней к высшей ступени варварства, которая «начинается с плавки железной руды» (Энгельс).

На высшей ступени варварства у степных племен Причерноморья-Приазовья, перешедших на более высокую стадию общественного развития, возрастает количество и численность стад скота, что вызывает необходимость в поисках удобных обширных пастбищ. Использование лошади как средства передвижения облегчает переход племен с одной территории на другую². Растет подвижность племен, ранее связанных с определенной территорией, на которой они проживали.

К середине I тысячелетия до н. эры люди в своем общест-

¹ Все попытки связать именно с киммерийцами ту или иную древнюю культуру, определенный круг предметов древностей — остаются пока, если небезуспешными, то спорными.

Профессор В. А. Горюнов держался, однако, мнения, что древнее поселение VIII века до н. эры, существовавшее на высоком берегу реки, неподалеку от нынешней жел.-дор. станции Хопры (по линии Ростов—Таганрог) являлось именно киммерийским. «Вполне характерными предметами киммерийской культуры, — пишет проф. В. А. Горюнов, — являются найденные в Хопровском городище бронзовый двуухий кельт (разновидность топора), бронзовый прорезной наконечник копья и сломки глиняной посуды».

Следует считать чрезвычайно важным устанавливаемое сейчас родство материальной культуры Хопровского и других ниже-донских городищ с материальной культурой городищ так наз. Дьякова типа Средней России, отражающей жизнь и быт патриархальных племен лесной полосы Восточной Европы. Племена эти дали непосредственное начало восточным славянам. Древнейшее из дьяковских городищ (Каширское) датируется VII—V веками до н. эры.

² Находки бронзовых удил говорят, что лошадь использовалась также «под верх», то есть служила человеку уже не только как мясо-молочное животное, но и для верховой езды, как средство передвижения.

венном развитии ушли очень далеко от тех редких и малочисленных коллективов, которые некогда появились здесь и которые, имея слабо развитое производство, в бесконечно большей степени были зависимы от сил природы. «Пастушеские племена выделились из остальной массы варваров: это было первое крупное общественное разделение труда»¹.

Кочевые скотоводы производили молочных продуктов и мяса гораздо больше, чем их далекие предки. Они обрабатывали шкуры, изготавливали из шерсти ткани, пользовались широко развернутым обменом. Еще более возросло разделение труда, при чем, по мере улучшения техники изготовления орудий труда, создавались условия для производства все большего и большего количества продуктов. Родовые объединения—племена включали в себя тысячи людей, состоявших из отдельных семей.

Очень важную роль сыграло в это время знакомство человека с железом. Примерно, со второй половины I тысячелетия до н. эры железо и в северном Причерноморье, и в Подонье-Приазовье начинает служить материалом, из которого изготавливались орудия труда и оружие и которое вытесняло употребление орудий труда и оружия из камня. «Человеку стало служить железо, последнее и важнейшее из всех видов сырья, сыгравших революционную роль в истории...»².

Имущественное и социальное неравенство растет теперь все больше и все быстрее. В руках вождей племен и племенной знати сосредоточиваются значительные богатства, резко отделяющие их от основной массы членов скотоводческих общин.

Появились семьи—владельцы больших собственных стад. «Приручение домашних животных и разведение стад,—указывает Энгельс,—создали неслыханные до того источники богатства и породили совершенно новые общественные отношения»³.

Растут и расширяются меновые и торговые операции. Племенная верхушка предъявляет спрос на предметы роскоши, обменивая на них скот, продукты животноводства, рабов. Выгоды обмена привлекают в Причерноморье и Приазовье торговцев из далеких южных стран. С течением времени делаются возможными дальние захватнические и грабительские военные походы. Все это множит и укрепляет связи местных племен с окружающим миром.

Развитие обмена еще скорее и еще больше ставило часть населения в лучшее положение, делало ее зажиточной. Одни

¹ Фр. Энгельс.—Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, М., 1945, стр. 180.

² Там же, стр. 183.

³ Там же, стр. 62.

племена, роды и семьи накапливали богатства быстрее, чем другие. В I тысячелетии до н. эры враждебные столкновения с целью захвата добычи, скота становятся частыми, что вызвало необходимость создания постоянной вооруженной силы. Появилось патриархальное рабство. Пленники, захваченные на войне, делались рабами; из-за рабов началась охота за людьми. Сильные, богатые семьи подчиняли себе более слабых членов общин, и те фактически тоже становились рабами своих богатых родичей или попадали в большую или меньшую зависимость от них.

Теперь уже племенные вожди и богатые семьи образовали правящую верхушку племени, все больше и больше переходившую к угнетению и эксплуатации не только рабов, но и своих соплеменников.

Все это вело к разложению рода, к распаду первобытной общины, к изменению первобытно-общинных отношений людей, населявших Подонье-Приазовье.

«Родовой строй приходил к концу. Общество с каждым днем все более вырастало из его рамок; даже худшие отрицательные явления, которые возникали у всех на глазах, он не мог ни задержать, ни устранить»¹.

Жизнь людей изменилась настолько, что население северного Причерноморья и Подонья-Приазовья к середине I тысячелетия до н. эры все менее и менее напоминало прежних «киммерийцев».

Через несколько столетий среди античных (древнегреческих) писателей и получил широкое распространение рассказ о том, что киммерийцев сменили пришедшие со стороны скифы, которые, вытеснив киммерийцев в Малую Азию, обосновались на их земле.

Скифы

Не приходится сомневаться, что в основе рассказа древнегреческих писателей лежали реальные события в виде появления в Подонье-Приазовье значительного количества новых племен, пришедших сюда со стороны. Племена скифов, действительно, вошли в соприкосновение с местными племенами, которых мы и называем условным и собирательным именем—киммерийцами. Уход последних в Малую Азию исторически доказан. Однако трудно представить, чтобы скифы обосновались на пустом месте. Надо полагать, что они приняли в свою среду значительную часть ранее проживавшего здесь местного населения. О смешении скифских племен с киммерийскими упоминает также рассказ древних писателей.

¹ Фр. Энгельс.—Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, М.—Л., 1945, стр. 130.

Одно совершенно ясно, что скифы — это новый этап и более высокая ступень в истории развития человеческого общества в Подонье-Приазовье.

Наука накопила значительные материалы о жизни, культуре и быте скифских племен. Большое количество новых и важных выводов и наблюдений принадлежит советским ученым — археологам и историкам. Наша отечественная наука сделала в скифском вопросе крупный вклад в мировую науку.

Появление скифов в причерноморских и приазовских степях относится примерно к VII—VI векам до н. эры.

Скифами назывался не один какой-либо определенный народ, а все кочевые и оседлые племена северного Причерноморья и Приазовья, связанные между собой единством общей для них культуры, включая и родственных фракийцам скотов, и пришельцев из Азии скифов-кочевников (в том числе «царских»), близких к восточным иранцам, и меотийские племена Северного Кавказа, которые были родственны закавказским яфетидам.

Высокий интерес к истории скифов обуславливается рядом важных обстоятельств.

Во-первых, изучая жизнь и быт скифов на протяжении нескольких столетий, мы в состоянии отчетливо и наглядно проследить процесс постепенного распада у них первобытно-общинного строя.

Во-вторых, в период, когда в южно-русских степях обитали скифские племена, на северном побережье Черного моря, в дельте Дона и других местах возникали греческие колонии, при посредстве которых начинались сложные и своеобразные сношения степного населения («варваров») с античным рабовладельческим обществом. Сосуществование греков-колонистов и скифов, экономические и культурные связи и взаимодействие античной и скифской культур породили оригинальные явления в мировой истории и в истории нашей Родины.

Наконец, и это главное, история скифов как древнейшего народа, заселявшего территорию нашей страны в дославянский период, тем более значительна, что при современном уровне наших знаний мы имеем полное право видеть в скифах племена, которые в процессе своего исторического развития подготавливали почву и постепенно создавали условия для возникновения в будущем первых государств на земле нашей Родины.

Происхождение древних славян, — предков русского, украинского и белорусского народов, — неотделимо от дославянского мира, в частности и прежде всего, от древних скифов. С этой точки зрения скифская проблема — одна из узловых проблем всей древней истории Советского Союза.

«Без изучения скифов, их быта и культуры, — говорит

проф. А. В. Мишулин,—нельзя приступить к исследованию тех начал, на которых покоилась раннеславянская культура».

Племена скифов (алазоны, геты, массагеты, невры) обитали на той же самой территории, на которой позже будут обитать славяне. Неслучайно славяне первое время называли себя скифами. Да и слово «славяне» («склабены», «склавины») ученые-языковеды связывают со словом «сколоты», как именовали себя сами скифы. Культура древних славян преемственно связана с культурой скифских и затем (с конца первого тысячелетия до н. эры) сарматских племен.¹

Конечно, между скифами и славянами лежали сотни лет, на протяжении которых шел сложный процесс скрещивания, смешения и слияния различных племен, вытеснения одних племен другими и т. д. Мы не видим, поэтому, в славянах прямых и непосредственных потомков скифов, но что скифы и славяне исторически тесно между собою связаны, что скифское наследство в значительной мере было воспринято славянами—не подлежит сомнению. В скифах мы усматриваем одних из предков славян. К скифам тянутся и истоки славяно-русской государственности.

Акад. Б. Д. Греков и другие советские ученые справедливо указывают, что «историей скифов должна начинаться и первая страница нашей отечественной истории». Именно поэтому русские историки всегда уделяли такое усиленное внимание изучению скифов. Трудami ученых нашей страны создана новая отрасль исторической науки — науки о скифах.

Значение скифов в русской истории давно понимали лучшие представители отечественной науки. Любопытно, что еще М. В. Ломоносов полагал, что в истории «древних родоначальников нынешнего Российского народа... скифы не последнюю часть составляют». В своей борьбе против историков-немцев, защитников пресловутой антинаучной варяжской теории образования русского государства, Ломоносов призывал «открыть свету древность Российского народа». Великий ученый считал необходимым проследить исторический путь древнейшего населения Руси — от скифов до славян, дабы выяснить вопрос «о разных племенах, составивших Россию», что никто, по справедливому словам Ломоносова, «не может почестъ ей (России) в уничижение, ибо не о едином языке утвердить невозможно, чтобы он сначала стоял сам собою, без всякого примешивания».

¹ Показательно, что спустя столетия после пребывания скифов в южнорусских степях, византийские писатели обозначали русских именем «скифов» или «тавро-скифов». Давно установлено и сходство антропологического типа скифа и древнего славянина. Языки скифского мира явились одним из важнейших элементов в процессе образования более сложных и развитых славянских языков.

Территория Подонья-Приазовья являлась неотъемлемой и значительной частью древней Скифии. Берега Меотийского озера (как называли древние греки Азовское море) и реки Танаиса (Дона) прочно вошли в историю как места обитания скифов, различные данные о которых сообщают нам свыше трехсот одних только древнегреческих писателей.

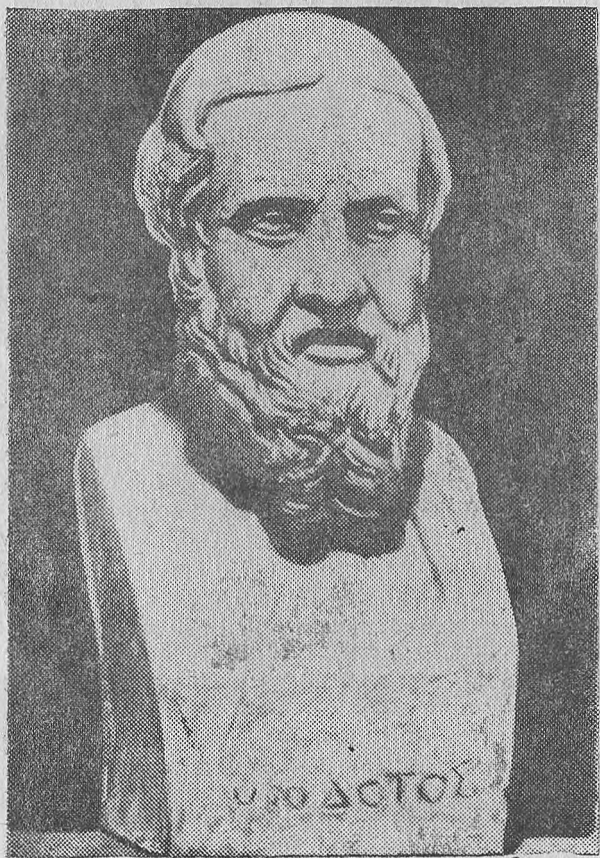

Рис. 8. Геродот. Древний бюст в Национальном музее в Неаполе.

Много важных и интересных сведений о Скифии и ее обитателях мы черпаем, прежде всего, у Геродота — древнейшего писателя-историка, произведения которого дошли до нас.

Биография Геродота, прозванного впоследствии «отцом истории», известна мало. Предположительно считают, что он родился в 484 г. до н. эры в одном из греческих (дорийских)

городов Малой Азии — Галикарнасе. Много путешествуя, Геродот посетил самые различные местности древнего мира. Побывал Геродот и на берегах Черного моря, в частности, в крупной греческой колонии Ольвии (в низовьях р. Южн. Буг, в 35 км. от современного гор. Николаева).

Хотя Геродот едва ли был лично в глубинных местностях Скифии, но, находясь в Ольвии, он собрал о Скифии весьма обширный материал. Многое он видел и наблюдал своими глазами, о многом пытливо расспрашивал местных жителей-греков и, через переводчиков, — туземцев. Однако, Геродот пользовался и слухами, и легендами, и сведениями, основанными на чужих рассказах и полученных из третьих рук.

Неудивительно, что многие из фактов, сообщаемых Геродотом в его «Истории», носят нередко искаженный характер и требуют тщательной проверки. Но Геродот сообщает и немало очень ценных верных сведений, находящихся свое подтверждение в данных археологических раскопок скифских курганов и городищ по Днестру, Днепру, Дону и их притокам, а также в пережиточных обычаях некоторых народов позднейшего времени. В целом — геродотовские описания страны и быта скифов и других племен, живших к востоку и к северу от Скифии, — представляют собой исключительный по своему значению и единственный в своем роде исторический источник.

Геродот дает географический очерк Скифии, рассказывает легенду о прибытии туда скифов, описывает их жизнь и быт, сообщая много данных по их экономической истории, религиозным верованиям, обычаям и обрядам. Будучи честным и добросовестным историком, Геродот сам старался, в меру своих сил и возможностей, отделить правду от неправды. «В Скифии, — пишет, например, Геродот, — рассказывают, что ежегодно каждый невр¹ на несколько дней становится волком... Я не верю этим рассказам, но так говорят, и рассказы удостоверяют клятвою».

Как же выглядела Скифия в представлении Геродота и других древнегреческих писателей и историков?

Естественно, что жителям солнечной Греции, впервые проникавшим в северное Причерноморье и Приазовье, здешние места не могли не показаться крайне суровыми и негостеприимными по своей природе. Это нашло свое отражение еще в гомеровском эпосе:

«Там народ и город людей киммерийских, окутанные мглою и тучами; и никогда сияющее солнце не заглядывает к ним своими лучами...»

Геродот рассказывал, что климат Скифии столь суров, что «в продолжение восьми месяцев там стоят нестерпимые холода; — в это время не сделаешь грязи, пролив воды на землю,

¹ Племена неводов обитали в верховьях Днепра и на Припяти.

разве если разведешь огонь... Но и в остальные четыре месяца там стоят холода». И даже много позднее, спустя столетия, в древнегреческой литературе можно было встретить отзвуки этих представлений: «...ибо Скифия у Меотиды настолько холодна, что у жителей делаются отморожения».

Территория Скифии, по свидетельству Геродота и других античных писателей, размещалась между Дунаем и Доном. Геродот представлял себе Скифию в виде четырехугольника. Южная его сторона—побережье Чёрного моря от гирла Истра (Дуная) до Киммерийского Боспора (Керченского пролива), восточная—ограничена Меотийским озером (Азовским морем) и Танаисом (Доном), северная—от Танаиса до Истра, западная—Дунай. Каждая сторона квадрата равна 20 дням пути или 4000 стадиям (около 700 км.). «За рекою Танаисом,—пишет Геродот,—уже не скифская земля; первый из тамошних участков земли принадлежит савроматам...»

По Геродоту, через Скифию протекает много крупных рек. Он называет восемь из них—крупнейших и доступных для судов с моря: Истр (Дунай), Тирас (Днестр), Гипанис (Южный Буг), Борисфен (Днепр), Пантикап (река Конка), Гипакирис, Герр¹ и Танаис (Дон).

«На пути к морю,—читаем мы у Геродота,—река Герр служит границею между землями кочевников и царских скифов, и впадает в Гипакирис. Восьмая река—Танаис, которая течет сверху, получая начало из большого озера, и впадает в большее еще озеро, называемое Меотидою (Азовское море—Б. Л.), которое отделяет скифов царских от савроматов. В этот Танаис впадает другая река, именуемая Иргис (Донец—Б. Л.)».

Под влиянием Геродота и иных древних писателей у греков, римлян и других народов сложилось и столетиями держалось убеждение, что река Танаис являлась границей между Европой и Азией—за Танаисом начиналась Азия. «Европу от Азии отделяет посередине Танаис», «Танаис—граница Азии и Европы»—сообщают древние античные источники.

«Наша населенная земля,—утверждает историк Полибий (III—II века до н. эры),—делится на три части под тремя названиями: одну часть ее называют Азией, другую—Ливией, третью—Европой. Границами и служат реки Танаис и Нил и пролив у Геракловых столпов². «Между Нилом и Танаисом лежит Азия»... «Танаис служит границей Азии, разделяя материк на две части»—свидетельствуют более поздние историки.

¹ У Геродота река Герр смешивается с рекой Гипакирис—современной речкой Молочная Вода, близ Мелитополя—или притоком Днепра—Конские Воды.

² Геракловыми столпами древние греки называли Гибралтарский пролив.

Такие же утверждения встречаются уже в XVI веке н. эры и даже позднее. «Знаменитейшая река Танаид, которая отделяет Европу от Азии»,—пишет в XVI веке Сигизмунд Герберштейн.—«Танаис, составляющий границу Европы и Азии»,—говорит Альберт Кампензе в 1523 году.

У Геродота и других мы находим описание не только приходы Скифии, но и ее населения.

По Геродоту, на побережье Черного моря жило смешанное население (греко-скифское), за ним здесь обитали аллипиды и алазоны, которые сеяли хлеб, употребляя его в пищу, а частично вывозя в Грецию. За алазонами жили одни скифы, которых Геродот подразделяет на четыре группы: 1) скифов-пахарей, живших по реке Гипанису и сеявших «хлеб не для собственного потребления, а на продажу», 2) скифов-земледельцев — на нижнем плесе Днепра, 3) скифов-кочевников, обитавших к востоку от земледельцев до реки Герр, которые «ничего не сеют и не пашут», и 4) «царских» или «господствующих» скифов (также кочевников), живших «по ту сторону реки Герр». «Царские» скифы были самыми многочисленными и считали прочих скифов своими рабами (рис. 9).

Рис. 9. Карта геродотовой Скифии.

У нас, в Подонье-Приазовье, жили скифы-кочевники, этнически отличавшиеся наличием у них значительных иранских черт. На Нижнем Дону обитали близкородственные скифам—савроматы, иранизированное меотийское племя. Основное ядро скифских (а затем—сарматских) племен Подонья-Приазовья этнически было тесно связано с народностями Северного Кавказа.

Скифы Подонья-Приазовья были искусными скотоводами и прежде всего—коневодами. Табунное коневодство достигало у них широчайшего размаха. Лошадь являлась у скифов не только средством передвижения, но и источником питания (кумыс, или кобылье молоко) и, играя значительную роль в их повседневной жизни, рассматривалась ими, как жертвенное животное (рис. 10).

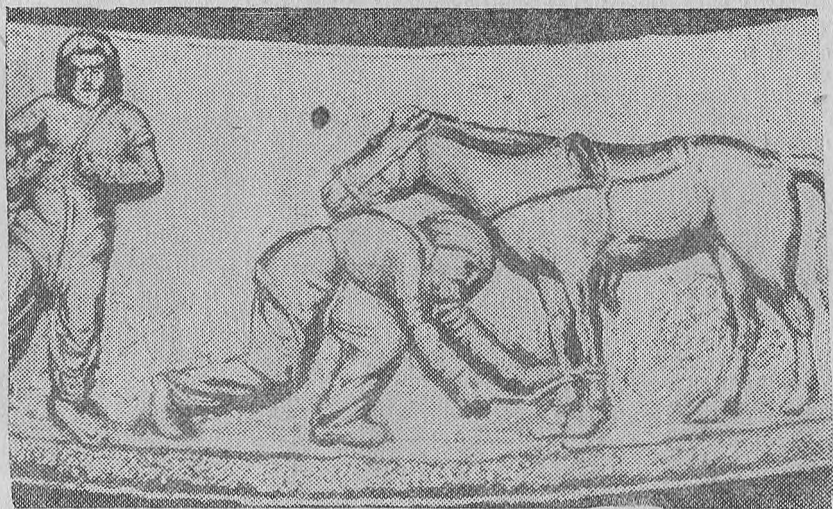

Рис. 10. Скиф, стреноживающий коня. Изображение на древней серебряной вазе из Чертомлыкского кургана.

Главными источниками существования скифов Подонья-Приазовья были их стада, в частности, табуны лошадей.¹ Было бы неправильно представлять себе скифов-кочевников в качестве диких вооруженных всадников, которые только и знали, что носиться на лихих конях с места на место. Кочевники—всегда скотоводы. Разведение скота является основой их жизни. А это — дело сложное. Кочевники были заняты тем, чтобы во-время найти хорошие пастбища для табунов своих коней, а также для стад овец и коров. Для этого летом, в засуху, они поднимались к северным окраинам степи, а зимой, наоборот, передвигались к югу, к поймам рек. Сезонные передвижения скифов-кочевников не были, следовательно, случайными скитаниями. Нужно было заботиться и о разведении скота, о сохранении и выращивании молодняка, препятствовать распространению заразных болезней у животных.

¹ Необозримые придонские степи давали простор и для другого постоянного занятия скифов-кочевников—охоты. Изображение сцен охоты на утвари, находимой в погребениях скифов,—явление обычное.

Образ жизни скифов хорошо описан у псевдо-Гиппократа и Страбона:

«Так называемая Скифская пустыня, — читаем мы у Гиппократа, — представляет собою равнину, изобилующую травой, но лишенную деревьев и умеренно орошенную; по ней текут большие реки, которые отводят воду со степей. Здесь-то и живут скифы; называются они кочевниками потому, что у них нет домов, а живут они в кибитках, из которых наименьшие бывают четырехколесные, а другие—шестиколесные; они кругом закрыты войлоками и устроены подобно домам, одни—с двумя, другие с тремя отделениями; они непроницаемы ни для воды (дождевой), ни для снега, ни для ветров... В таких кибитках помещаются женщины, а мужчины ездят верхом на лошадях; за ними следуют их стада овец и коров и табуны лошадей. На одном месте они остаются столько времени, пока хватает травы для стад, а когда ее нехватает, переходят в другую местность».

«Кибитки номадов (кочевников), — свидетельствует Страбон (I век до н. эры), — сделаны из войлока и прикреплены к повозкам, на которых они живут. Вокруг кибиток пасется скот, мясом, сыром и молоком которого они питаются. Они следуют за своими стадами, выбирая всегда местности с хорошими пастбищами—зимою в болотах около Меотиды, а летом—на равнинах».

Известно, впрочем, что у скифов-кочевников были иногда свои постоянные поселения, возникшие в местах зимних пастбищ. В этих поселениях находились дома скифской знати. На лето здесь оставались слуги и домочадцы. Жили в этих поселениях, вероятно, и те ремесленники, которые предметами своего изготовления снабжали кочевников. Тут же хранились те или иные запасы.

Были и другие постоянные поселения, где проживало выделявшееся из среды кочевников оседлое население.

Скифы-кочевники потребляли преимущественно мясную и молочную пищу, и лишь, примерно, одна четвертая часть их потребительского «бюджета» основывалась на растительной пище, в частности, на хлебе, который кочевники покупали у оседлых скифских племен.

Одежда скифов достаточно хорошо известна по дошедшим до нас изображениям на многочисленных вазах, сосудах, бляшках и других предметах, найденных преимущественно в богатых скифских погребениях. Обычная мужская одежда скифов—«кафтан», не доходивший до колен. Кафтан стягивался кожаным поясом. Носили мужчины также шаровары, которые засовывались в мягкие кожаные полусапожки и перевязывались у щиколотки ремнями (рис. 11). Есть сведения о том, что в холодные зимы скифы одевались и в звериные шкуры.

Типичным для скифов головным убором являлась остроколючая (видимо, войлочная или кожаная) шапка-башлык,

имевшая широкое распространение у европейских и азиатских кочевников.

Скифы были воинственными племенами. Их военные дружины рекрутировались из числа свободных мужчин (не рабов). Каждый свободный мужчина мог быть у скифов воином.

Рис. 11. Изображение скифов на древнем сосуде из кургана Куль-Оба.

Воинственность и храбрость скифских племен засвидетельствованы очень широко. Скифы, — говорит Овидий, — «свирепые видом и голосом, обросшие волосами и бородой—настоящее и живое подобие Марса (бога войны)». Высшей доблестью у скифов считалось поражение врага насмерть. «У скифов,—свидетельствует Аристотель,—во время праздников не позволялось пить круговую чашу тому, кто еще не убил ни одного врага». Поговорка скифов гласила: «Наш добрый день выходит из колчана».

Эсхил (знаменитый трагик, род. в 526, умер в 456 г. до н. эры) в «Прикованном Прометее» воспекает «бестрепетные в боях и многолюдные племена скифов, обитающие на краю земли вокруг Меотийского озера».

Свою независимость и свободу скифы защищали мужественно и упорно.

Военное дело достигало у скифов высокого развития. Разнообразие их вооружения является ярким свидетельством важной роли войны в обществе того времени. Война превратилась в «постоянный промысел». Отсюда—и наличие у ски-

фов различных видов наступательного оружия. Древний кинжал сменяется с течением времени акинаком — типичным для скифов коротким железным мечом, пригодным и для горизонтального и для вертикального ударов. Копье становится более длинным, имеющим массивный наконечник. Широкое распространение получает основное оружие скифов — короткий лук. При раскопках скифских поселений и погребений очень часто находят изобилие бронзовых наконечников стрел различных форм. Показательно, что некоторые из наконечников имеют в нижней своей части шип, обращенный острием вниз. Если подобный наконечник вонзится в тело, — шип будет препятствовать извлечению стрелы из раны. Такая стрела явно предназначалась уже не для охоты на животных, а для борьбы человека с человеком.

Что касается лука, то у скифов это был, несомненно, основной вид оружия. Римский историк IV века н. эры Аммиан Марцеллин рассказывает, что составлялся лук из двух серповидных кусков, соединенных прямой смывкой. Геродот указывает, что в отличие от аравитян, скифы притягивали тетиву лука не к груди, а к плечу. Овидий видел силу скифов «в стреле, в полном колчане и в быстром, не знающем усталости коне».

Судя по размерам наконечников скифо-сарматских стрел и их весу (от 3,5 до 6 г.), можно считать, что длина всей стрелы не превышала в среднем 60 см. Лук был малых размеров, что подтверждают и дошедшие до нас изображения скифских стрелков; лук в натянутом состоянии не превышает $\frac{1}{5}$ — $\frac{1}{2}$ роста человека. (рис. 12.)

У богатых скифских воинов появляется и металлическое защитное вооружение, — например, чешуйчатые и пластинчатые панцири и пояса, щиты, шлемы¹.

Боевые действия велись отдельными разрозненными группами; каждый участник боя мог свободно проявить в схватках с врагом свою силу, опыт и ловкость. Такое излюбленное оружие скифов, как лук, позволяло скифским воинам держаться на расстоянии от противника. Пешие легковооруженные воины сочетали свои действия с действиями конницы (рис. 13, стр. 44). По свидетельству Геродота, скифы сражались «верхом на конях и пешими (ибо знают оба способа войны)».

Скифы наносили поражения мидийским войскам, громили войска персидского царя Кира, дали стойкий отпор Дарию I Гистаспу, пытавшемуся во главе многотысячного войска

¹ Остатки греческого шлема IV—III вв. до н. эры найдены, в частности, в низовьях Дона в погребении знатного скифа (могильник близ ст. Елисаветовской). В этом же погребении были найдены меч, два наконечника копий, бронзовые наконечники стрел и железные панцирные пластины (очевидно, от щита).

вторгнуться в Скифию. Тактические приемы скифов, их воинская доблесть, героизм, сноровка, умение быстро ориентироваться в конкретной обстановке военных действий вызывают удивление и до сих пор служат предметом внимательного изучения.

Рис. 12. Изображение скифа-лучника на древнем сосуде из кургана Куль-Оба.

Конные воины-лучники занимали первое место в составе скифского войска. На вооружении воинов-всадников, помимо лука, состояли и боевые секиры, окованные железом палицы, мечи, кинжалы, аркан. Стрелы часто отравлялись змеиным ядом. Оборонительное вооружение скифских конников дополняли небольшие кожаные щиты.

Скифская конница отличалась высокой подвижностью и умением наносить врагу стремительные удары. «Что касается конницы, то скифская всегда обращала в бегство персидскую»,—свидетельствует Геродот. Воины-всадники были, в частности, мастерами «малой» или, как мы ее теперь называем, партизанской войны. Умышленно отступая, «спасаясь бегством», скифы заманивали врага в глубь своей территории, уводя с собой скот, засыпая колодцы, сжигая раститель-

ность. Тем временем конница внезапно появлялась в тылу врага и, совершая непрерывные нападения на него, изматывала его силы, наносила ему одно за другим жестокие поражения. Любопытно отметить, что прекрасное владение тактикой «малой войны» перешло, как бы по наследству, от скифов к древним славянам.

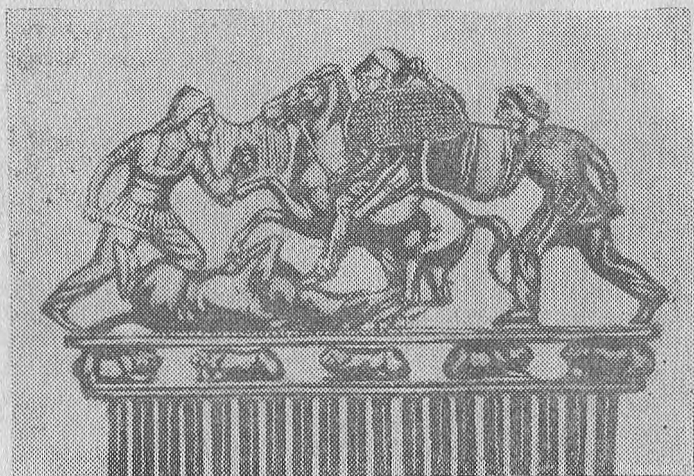

Рис. 13. Изображение скифских воинов на древнем золотом гребне из кургана «Солоха».

«Рассказ о подвигах скифов,—говорит древний историк Юстин,—которые были достаточно велики и важны, следует вести с самого начала их происхождения; начало их истории было не менее славно, чем их владычество, и доблестью мужей они прославились не менее, чем женщины».

Экономические и культурные связи скифов были очень широки. Насколько территориально значительный размах приобрели экономические и культурные связи уже ранних скифских племен Приазовья, показывает, например, тот факт, что в 1869 году в погребении скифского типа, обнаруженном в кургане, расположенном ниже слободы Криворожья, по течению реки Калитва, была найдена небольшая серебряная головка быка, близкая к произведениям ассиро-вавилонского искусства. Там же нашли большой золотой «обруч» или «венец» с двумя знаками—иероглифами—на внутренней стороне, изготовленный где-то в Передней Азии и попавший на Дон, скорее всего, через Прикубанье.

Каков был общественный строй скифов? Этот вопрос давно интересовал исследователей.

Основываясь на марксистской науке о законах общественного развития, мы имеем возможность достаточно наглядно представить себе социально-экономический строй скифских племен в его общих чертах. Здесь надо только иметь в виду, что скифский период охватывает собой несколько столетий. Вполне естественно, что социально-экономический строй скифов находился все время в процессе непрерывного развития и изменения. В общественной жизни скифских племен, к тому же, играло известную роль их сосуществование с греко-римскими колониями северного Причерноморья и Приазовья, представлявшими собой здесь античное классовое (рабовладельческое) общество. Быт и жизнь некоторой части скифских племен, обитавших в большей или меньшей близости к греко-римским колониям, в какой-то мере отличался от жизни и быта скифских племен отдаленных степных местностей.

Можно, таким образом, считать несомненным, что в ранний период своего существования скифское общество представляло собой первобытно-общинное родовое общество с делением на род и племя. Но родовое общество у скифов достигло уже тогда такого уровня развития, за которым начинался процесс постепенного распада, разложения родового строя.

Экономической единицей скифского общества являлась патриархальная семья, но низкая техника того времени делала необходимым объединение этих семей для совместного выполнения тех или иных хозяйственных работ. Поэтому у скифов еще сохранялась общинная организация¹. Но в то же время быстро росли имущественная дифференциация, социальное неравенство между семьями и существовала уже кочевая и земледельческая знать. Богатые семьи, несомненно, эксплуатировали чужой труд, и с течением времени в скифском обществе стали появляться элементы рабовладения. Но в условиях родовой общины рабство не получило широкого распространения и не стало основой хозяйства.

Степные скифы-кочевники (скотоводы), как и оседлые скифы лесостепной полосы, нуждались в экономических связях друг с другом. Однако взаимному обмену здесь сопутствовали и межплеменные военные столкновения, когда скифы-кочевники силой оружия грабили скифов-земледельцев или заставляли их платить дань. Война становится настоящим промыслом, источником обогащения одних племен за счет других, а внутри племен — источником обогащения отдельных семей. В этих условиях усиливается значение дружин и военных вождей.

¹ Подобно германцам I века до н. эры и I века н. эры, у скифов V века до н. эры существовало общинное землевладение с периодическими (ежегодными) переделами земли между родами и семьями.

С другой стороны, известны случаи объединения ряда скифских племен, в том числе—объединения скотоводческих и земледельческих племен на хозяйственной или военной основе. Такие объединения возникали и в интересах совместной борьбы с противником. Так, например, борьба скифов с киммерийцами или известные походы скифов в Переднюю Азию неминуемо требовали создания военных союзов скифских племен.

Наличие подобных объединений давало некоторым историкам повод утверждать о существовании скифской державы, даже скифского государства. Но следует различать скифов времени Геродота от скифов более позднего времени.

У геродотовских скифов государство существовать еще не могло. Их общественный строй явно соответствовал тому, что Фридрих Энгельс именoval военной демократией. Несмотря на наличие частной собственности, более или менее резко выраженного имущественного и социального неравенства, это неравенство, однако, еще не приняло характера остронепримиримых классовых противоречий, и продолжали сохраняться и родовое устройство, и общинные отношения. «Единственной силой, — говорит проф. М. И. Артамонов, — грозившей стать над обществом, в это время была еще только сила военного вождя, опиравшегося на независимую от родовых учреждений дружину, вызванная военным характером самого общества, а не непримиримыми противоречиями внутри его. Дружина увеличивала силу и власть вождя, но не могла обеспечить за ним безусловного господства над обществом до тех пор, пока последнее представляло собой целостную организацию, не раздробленную классовыми противоречиями. Но в этой силе уже заключались элементы государственности, и она готова была стать орудием господства одной части общества над другой, эксплуататоров над эксплуатируемыми»¹.

Характерны в этом отношении сведения о наличии у скифов царей, о так называемых «царских» («господствующих») скифах и т. д. Надо только правильно понимать слово «царь» в приложении к скифам. Это были цари не в современном понимании этого слова. Еще Энгельс отмечал, что «современному значению слова «König» (король) древнегреческое «басилевс» совершенно не соответствует»², и, говоря о выс-

¹ М. И. Артамонов. — Вопросы истории скифов в советской науке, журн. «Вестник древней истории», М., 1947, № 3, стр. 51—67; также М. И. Артамонов и С. А. Жебелев. — «Общественное устройство и обычаи скифов», «История СССР», т. I, ч. II, М.-Л., 1939 (на правах рукописи).

² Фр. Энгельс. — Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, М., 1945, стр. 121.

шей ступени варварства и распаде родового строя, он указывал, что «возрастающая плотность населения вынуждает к более тесному сплочению как внутри, так и по отношению к внешнему миру. Союз родственных племен становится повсюду необходимостью, а вскоре становится необходимым даже и слияние их и тем самым слияние отдельных территорий племен в одну общую территорию всего народа. Военачальник народа — *гех*, *basileus*, *thiudans*!¹ — становится необходимым, постоянным должностным лицом»².

Что касается поздних скифов (IV—II веков до н. эры), то они, естественно, довольно резко отличались от скифов героического времени. Характерны появление, например, у крымских скифов городов (Неаполиса и других), чеканка скифами собственной монеты, существование в IV в. до н. эры сильного скифского объединения царя Атея и во II веке — царя Скилура и его сына Палака. Все это говорит о том, что поздние скифы, особенно те, которые были втянуты в сферу экономического и политического влияния колоний греко-римского рабовладельческого мира, уже вступили на ту ступень общественного развития, которая соответствовала разделению общества на классы и возникновению государства.

В этот период рабовладение стало постепенно приобретать уже другие формы. Патриархальное рабство отживало свой век. Раб переставал считаться равноправным членом рода или семьи. На него уже стали смотреть не как на человека, а как на простое орудие производства продуктов для своего господина. Эксплуатация рабов усилилась. Рабовладельческий уклад стал распространяться в некоторых местностях южной Скифии, население которых разделилось на рабовладельцев и рабов.

Только жестоким угнетением можно объяснить восстание скифских рабов, вспыхнувшее в конце II — начале I веков до н. эры. Предводительствуемые одним из скифских рабов — Савмаком, восставшие убили боспорского³ царя Перисада, у которого Савмак был домашним рабом, и захватили ряд крупных городов. Восстание скифских рабов, имевшее характер широкого освободительного движения, длилось несколько лет, пока не было окончательно и жестоко подавлено прибывшей из-за моря крупной и хорошо вооруженной армией, руководимой греческим полководцем Диофантом.

¹ Рекс (римское), бацилевс (греческое), тиуданс (древнегерманское) — названия военачальников, патриархальных царей, родоплеменных вождей.

² Фр. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, М., 1945, стр. 184—185.

³ О Боспорском царстве см. стр. 76—77.

История скифов, в частности, скифских племен Подонья-Приазовья тесно сочетается с историей греческих колоний в нашей стране, благодаря которым юг европейской части нынешней территории СССР оказался связанным с античным (древним греко-римским) миром.

В VIII—VI веках до н. эры в рабовладельческий Греции быстро развивалось товарное хозяйство, а с ним и торговля. Греческие промышленники и купцы все больше нуждались в новых внешних рынках. Земли северного Причерноморья и Приазовья представляли в этом отношении значительный интерес. Многочисленное местное население могло в большом количестве потреблять ввозимые сюда греками товары — посуду, оружие, вино, оливковое масло и многое другое. Вывозить же отсюда можно было рыбу, икру, кожи, меха, мед, соль, воск, скот, строевой лес, а главное — хлеб (из тех местностей Скифии, население которых занималось земледелием).

Материковая Греция в целом не в состоянии была прокормиться своим хлебом и нуждалась в экспорте его из других местностей. Определенную роль в установлении связей со Скифией играла также возможность черпать отсюда рабскую силу для доставки ее в Грецию (главным образом — в Афины), на острова архипелага и в Малую Азию.

Наряду с хлебом и рабами, важным предметом вывоза из Скифии в различные области Греции и Рима являлась рыба. Многие небольшие поселения древних греков (фактории и эмпории) существовали главным образом за счет торговли рыбой. Торговля черноморской (понтийской) и азовской (меотийской) рыбой успешно конкурировала с торговлей рыбными продуктами средиземноморского бассейна. Необходимость перевозить большое количество рыбы на дальнее расстояние заставила создать определенную систему ее обработки. Часть выловленной рыбы сушили (вялили). Другая часть подвергалась засолке, при чем солили рыбу как в специальных чанах или цистернах с рассолом, так и в больших глиняных сосудах (пифосах) и специальных амфорах. Наиболее высокие сорта рыбы перекладывали пахучими листьями, заливали разными рассолами. С течением времени стали изготавливаться даже рыбные «консервированные» соусы. В крупных греческих колониях для оптовой и розничной торговли рыбой отводили особые площади или отдельные места на торговых площадях.

Крупная роль хлеба и рыбы в составе вывозимых из Скифии товаров нашла свое отражение в известиях древних писателей, в надписях на камне и даже в монетной чеканке.

Так, на монетах, чеканившихся в крупной греческой колонии Пантикапей (на месте современной Керчи), обычно изображение грифона—крылатого хищного зверя с птицеподобной головой. В ногах грифона — хлебный колос (символ хлеботорговли) или осетр (символ рыботорговли)¹.

Древние греки правильно поняли и оценили крупное значение не только Черного, но и Азовского моря в деле снабжения Греции рыбой разных видов и сортов.

Показательно, что незнакомое грекам слово местного происхождения «Меотида» (Меотийское озеро—как называлось тогда Азовское море) греки впоследствии производили от слова «Мата» («бабка», «кормилица»), подчеркивая этим важное промысловое значение Азовского моря.

По мере развития торгово-меновых операций в ряде пунктов северного Причерноморья и Приазовья стали возникать небольшие временные торговые поселения (фактории). Некоторым из них суждено было превратиться в постоянные крупные греческие колонии, время существования которых обнимает период в несколько столетий. Очень многие из этих колоний появились вблизи ранее возникших местных поселений или на месте некогда существовавших поселений туземцев (как это было в устьях Дона).

Первой из основанных ионийским Милетом² колоний северного Причерноморья была Ольвия, на правом берегу Гипаниса (Ю. Буга), близ современного села Парутина. Ольвия возникла не позднее середины VI в. до н. эры. В течение второй половины VI в. до н. эры на Керченском полуострове, то есть на европейской части Боспора³, возникли милетские Пантикапей и Феодосия; на Таманском полуострове (азиатской части Боспора) — теосская Фанагория, затем — милетская, или митиленская, Гермонасса и, вероятно, также милетская колония Сады. Во второй половине V в. до н. эры было положено начало колониям Гераклея Понтийской и Херсонесу Таврическому (около Севастополя).

Остальные города и селения возникали постепенно и уже по инициативе самих боспорских греков, поэтому они являлись колониями не милетскими, дорийскими, а боспорскими (см. рис. 14).

Античные источники сохранили нам около 30 названий населенных пунктов (городов и селений), располагавшихся в

¹ При этом, кстати сказать, изображение осетра настолько четко, реалистично, что ихтиологи видят в нем изображение именно донского осетра.

² Милет — крупнейший древнегреческий торговый и промышленный центр на западном берегу Малой Азии. Иония — западная береговая полоса Малой Азии.

³ Боспор Киммерийский, Боспорский пролив — древнее название Керченского пролива.

пределах Боспора. Всего же греки насчитывали на северном побережье Черного моря до 200 поселений.

По своей социально-экономической организации и политическому устройству каждая из крупных греческих колоний являлась как бы сколком греческого рабовладельческого общества, с его городами—полисами. В большинстве случаев колонии существовали независимо друг от друга. Свободные жители пользовались правом выбора представителей в органы управления, сходные с политическим устройством греческих рабовладельческих республик (булэ, коллегия архонтов и т. д.). Фактическая власть в колониях сосредоточивалась в руках богатых людей—рабовладельцев и купцов.

В начале V в. до н. эры многие из греческих поселений на Боспоре объединились вокруг Пантикапея и правящей в нем династии Археанактидов, ведшей свое начало от милетца Археанакта. Так возникло Боспорское государство, столицей которого стал Пантикапей. В 438 г. до н. эры власть от династии Археанактидов перешла к династии Спартокидов. Интересно, что на протяжении V—IV веков до н. эры спартокиды по отношению к греческим городам Боспорского государства именовались пожизненными архонтами (начальниками, вождами); царями же спартокиды назывались только по отношению к подвластным им туземным племенам. Лишь с конца IV—начала III в. спартокиды именуется царским титулом уже в отношении всего Боспорского государства.

Новому государственному объединению подчинялся ряд туземных племен восточной части Крыма, нижнего течения Кубани, Таманского полуострова, северного Приазовья.

Территория за восточным берегом Меотиды находилась в сфере экономического и культурного влияния Боспорского царства, но в состав его не входила.

Все греческие колонии северного Причерноморья располагались на морском берегу или вблизи от него. В глубь степей греки не проникали, и самой крайней точкой их распространения на севере являлся город Танаис, располагавшийся в устье одноименной реки Танаис (Дон).

Появление в Скифии греческих колоний и развитие обмена и торговли привели к тому, что местное производство, рассчитанное раньше, в значительной мере, на собственное потребление, сменилось теперь производством товаров, главным образом, на сторону.

Торговля хлебом, рыбой и другими продуктами, которая теперь велась через Боспорское царство, достигла очень больших размеров и приносила греческой аристократии и зажиточной верхушке скифских племен крупные выгоды.

Знаменитый афинский оратор Демосфен (383—322 гг. до

н. эры) в одной из своих речей указывал, что «хлеб, привозимый водою из Понта (Причерноморья—Б. Л.), по количеству равняется всему, привозимому из прочих рынков... оттуда вывозится сюда (в Аттику)¹ около 400.000 медимнов хлеба»².

Нетрудно представить себе, сколько людей, при весьма низкой технике земледелия, должно было работать в сельском хозяйстве для получения только на вывоз такого значительного по тому времени количества хлеба³.

Хлеб, шедший из Боспора, был дешев, так как производился руками бесправных и подневольных людей. Они возделывали для своих господ пашни и собирали урожай, ловили и солили рыбу, обрабатывали кожи. С приходом греков зажиточная верхушка скифов быстро нашла общий язык с колонизаторами и стала еще интенсивнее эксплуатировать местное трудящееся население и рабов. Используя рост торговли и обмена, племенная верхушка богатели и усиливали свое могущество.

Все это еще более ускоряло распад родового строя у скифских племен, особенно у тех, которые обитали в непосредственной близости к колониям. Среди этих племен более отчетливо проявлялись и складывались рабовладельческие отношения.

Процесс обогащения верхушки местного общества в результате появления греческих колоний хорошо описан Страбоном (63-20 гг. до н. эры):

«Надо сказать,—писал он,—что наш образ жизни почти у всех произвел перемены к худшему, внося роскошь, страсть к удовольствиям, и для удовлетворения этих страстей—множество безнравственных средств к обогащению. Такая испорченность нравов в значительной степени проникла и к варварам, между прочим, и кномадам. Последние со времени знакомства с морем сразу сделались хуже, стали разбойничать, убивать иностранцев и, вступая в сношения со многими народами,—перенимать от них роскошь и торгашество. Хотя это, повидимому, и способствует смягчению дикости, однако портит нравы, и на место простодушия, о котором мы только что говорили, вводит коварство».

К началу нашей эры в северном Причерноморье и Приазовье на смену грекам появились римляне.

В первой половине II века до н. эры Греция была завоевана Римом, что не могло не отразиться на судьбах Боспорского царства. Рим продолжал свое наступление на Восток. В процессе завоевания Римом Малой Азии завязалась длительная и жестокая борьба Рима с Понтийским государством

¹ Аттика—область средней Греции с центром в Афинах.

² Медимн—мера сыпучих тел, равная, примерно, 52 литрам; 400.000 медимнов зерна составляет более миллиона пудов.

³ Установлено, что земледелие у скифов было плужным. Огородничество и садоводство велось на приусадебных землях, являвшихся собственностью отдельных дворов.

царя Митридата. В своем сопротивлении Риму Митридат, распространявший тогда свою власть и на ослабевшее под натиском скифов Боспорское царство, пытался использовать людские и материальные ресурсы Боспора. Лишь в 60-х годах до н. эры Митридат потерпел окончательное поражение, и власть Римской империи распространилась на северное Причерноморье и владения Боспорского государства.

Рим, в свою очередь, был заинтересован в экономических связях с южно-русскими степями, и потому бережно отнесся к Боспорскому царству. Между Римом и Боспором установились своеобразные отношения. Чтобы не брать власть на Боспоре полностью в свои руки и не отстаивать ее в далеком северном Причерноморье и Приазовье своими собственными силами, Рим предпочел предоставить как европейскую, так и азиатскую часть Боспорского царства управлению формально независимых, а на деле являвшихся вассалами римского императора местных наследственных царей. На случай же, если бы боспорские цари не сумели сами обеспечить мирных отношений с беспокойными степными племенами, Рим держал в Таврике (Крыму) свои гарнизоны, посланные туда из римской провинции Мезии. В Черноморских водах стояла и римская эскадра. Римский император ежегодно посылал царям Боспора свои «подарки» (денежные субсидии), шедшие преимущественно на содержание войск, противостоявших набегам туземных племен.

Из далекого Рима цари Боспора получали также знаки власти: скипетр с изображением императора и царский венец. Формально «независимые» боспорские правители на деле находились, таким образом, в зависимости от римского правительства. Это нашло свое отражение в археологических памятниках, в частности, в тексте надписей на чеканившихся в Боспоре монетах: на одной стороне монеты выбивался бюст боспорского царя, на другой—римского императора.

Характер торгово-экономических операций с Боспорским царством при владычестве Рима остался, в основном, тем же, что при греках. Только хлеб и рыба направлялись теперь уже не в Афины и другие местности Греции, а преимущественно в южное и западное Причерноморье, где располагались крупные римские армии.

Когда же впервые появились греки в Подонье-Приазовье? Древнегреческий писатель Плиний Старший сообщает, что в устьях Дона будто бы некогда господствовали карийцы — мореплаватели, проникавшие на север еще до VII в. до н. эры. Однако во всем бассейне Дона пока не обнаружено ни одной находки, которая подтверждала бы наличие связей Подонья-Приазовья с районом Эгейского моря до VII века

до н. эры. Верно, однако, то, что в VII—VI веках до н. эры в Подонье-Приазовье появляются первые следы знакомства греков с местным населением.

Рис. 15. Горло ионийского архаического сосуда в форме головы быка. Из находок в б. Хоперском округе, Донской области (по Т. Н. Книпович).

Внимание посетителей Новочеркасского музея давно привлекала часть крупного древнего сосуда с оригинальным горлом—со странным изображением, напоминающим почти фантастическую голову быка (рис. 15). Отверстие для наливания жидкости расположено в теменной части головы быка. Для выливания жидкости служит узкая щель рта. Сосуд был частично покрыт коричневато-черным «лаком», частично расписан тем же лаком по желтоватой обмазке.

Как это установлено недавно Т. Н. Книпович, сосуд при-

мыкает по своему стилю к кругу древнего вавилонского искусства. Изготовлен он или в Родосе или Милете, то есть представляет собой предмет явно греческого (ионийского) происхождения. Этот интересный и долго считавшийся загадочным сосуд найден у нас на Дону, в пределах быв. Хоперского округа.

Близко примыкает к хоперскому сосуду и большой сосуд, найденный в 1869 году близ слободы Криворожье на р. Калитва вместе с золотым обручем и серебряной головкой быка¹.

Таким образом, древнегреческие предметы роскоши попадали в руки племенной знати Подонья-Приазовья уже в те времена, когда не только здесь, но и во всем северном Причерноморье еще не существовало постоянных греческих колоний, если не считать поселения, возникшего к концу VII века до н. эры на острове Березань (по пути морем из Одессы в Херсон, при входе в Днепро-Бугский лиман).

В те далекие времена в северное Причерноморье и в устье Дона попадали лишь отдельные мореплаватели и торговцы. В обмен на дорогие художественные изделия они закупали, вероятнее всего, рабов, а, быть может, скот и продукты животноводства. Проникали сюда греки восточными морскими путями по Черному морю, через район Боспора Киммерийского (Керченского пролива), а отсюда по Азовскому морю—в устье Дона. Для несколько более позднего времени известен, впрочем, и сухопутный маршрут из района Днепровского лимана и Березани на северо-восток.

С течением времени торговые сношения греков с северным Причерноморьем и Приазовьем стали принимать все более устойчивый и широкий характер. От случайных, полупиратских плаваний по Черному морю на север греки стали переходить к регулярным торговым операциям.

* * *

На рубеже V—IV веков до н. эры выходцами из города Пантикапея была основана еще одна колония в устьях Дона.

Новой колонии, названной Танаисом, суждено было стать крупным торговым центром, получившим широкую историческую известность.

О Танаисе до нас дошли некоторые, весьма немногочисленные, но очень ценные свидетельства древних писателей.

Вот, например, что сообщает известный географ древности Страбон:

¹ Эта серебряная головка быка восточного, и при том—вавилонского происхождения. Как попала она к нам на Дон? Скорее всего, через греческих, малоазийских или персидских купцов.

«Вход в Меотиду (Азовское море—Б. Л.) называется Киммерийским Боспором. Начинается он с значительной ширины, именно около 70 стадий¹, где и переправляются из окрестностей Пантикапея в ближайший азиатский город Фанагорию (на Таманском полуострове—Б. Л.), а оканчивается гораздо более узким проливом. Этот проход отделяет Европу от Азии, подобно тому, как и река Танаис, текущая с противоположной ему стороны с севера в озеро (Меотийское—Б. Л.) и его устье. Она изливается в озеро двумя рукавами, находящимися один от другого на расстоянии около 60 стадий. Есть и город, соименный реке,—самое большое торжище у варваров, после Пантикапея...».

В другом месте Страбон сообщает:

«При впадении Танаиса в Меотиду имеется населенный город, носящий то же имя, что и река Танаис,—создание эллинов (древних греков—Б. Л.), владеющих Боспором. Недавно его разгромил царь Полемон за неповиновение. Служил же он (Танаис—Б. Л.) общим эмпорием для азиатских и европейских кочевников и для греков, совершавших к нему плавание по озеру (т. е. по Азовскому морю—Б. Л.) из Боспора,—одних, везущих рабов, шкуры и всякие иные предметы от кочевников,—других, нагружающих себе взамен одежды вино и все прочее, свойственное культурному образу жизни. На 100 стадий впереди от торгового города Танаиса лежит остров Алопекия—поселение разноплеменных людей. Неподалеку на озере есть и другие островки... Из всех азиатских меотов (племен, обитавших по всему юго-восточному побережью Азовского моря, от устьев Дона и Тамани—Б. Л.) одни были подвластны тем меотам, которые имеют эмпорий в Танаисе, другие—боспорцам. Случалось, что иногда то одно, то другое племя отпадало от боспорцев. Нередко боспорские правители владели и землями до Танаиса, в особенности Фарнак (сын Митридата VI, царь Боспора, правил с 63 по 47 год до нашей эры—Б. Л.), Асандр (царь Боспора, 47—17 гг. до нашей эры—Б. Л.), Полемон (царь Боспора, правивший в последние годы до нашей эры—Б. Л.)».

У Гая Плиния Секунда (Старшего), жившего в I веке н. эры (23—79 годы), находим следующее сообщение о Танаисе: «... Затем, по реке Танаису, впадающей в море двумя устьями, живут сарматы... разделяющиеся на многие племена... Есть и город при устье Танаиса. Окрестностями его владели сначала карийцы, затем клазоменийцы и меоны², потом пантикапейцы».

Скупые и краткие сведения Страбона и Плиния говорят, таким образом, о том, что город Танаис был основан боспорскими эллинами и располагался у самого устья реки Танаис, впадавшей в Меотийское озеро двумя рукавами. Танаис являлся крупным центром торговли греков с кочевниками, соперничая в этом отношении с Пантикапеем. В течение некоторого времени Танаис оставался самостоятельным, и ему были подвластны соседние племена. Соперничество Танаиса с Боспорским царством завершилось в середине первого века

¹ Стадий—мера длины, около 185 метров.

² Меоны — жители греческих городов Меонии, как называлась в древности Лидия — средняя область на западном побережье Малой Азии.

до нашей эры полным подчинением Танаиса Боспору. При этом борьба между Танаисом и Боспором сопровождалась репрессивными мерами по отношению к Танаису, предпринятыми боспорским царем Полемоном I—римским ставленником и авантюристом, выдвинувшимся во время больших войн той эпохи.

Но где же именно находился Танаис, дошли ли до наших дней его остатки, и как отвечает наука на этот вопрос?

В литературе XVI—XIX веков было широко распространено мнение, что древний Танаис находился, якобы, на месте нынешнего Азова.

Сигизмунд Герберштейн писал, например: «Город Азов, который прежде назывался Танаис».

В настоящее время доводы в пользу отождествления местоположений Азова и Танаиса следует считать совершенно отпавшими.

В 50-х годах XIX века профессор П. М. Леонтьев, производя свои известные археологические разыскания в устьях Дона, пытался установить и место Танаиса до полёмоновского разрушения. Он обратил внимание на окрестности Елисаветовской станицы, где обнаружил обширное древнее городище, установив на нем наличие следов греческого поселения. Раскопал профессор П. М. Леонтьев и несколько курганов. В результате он пришел к выводу, что «для вопроса о местности древнего дополёмоновского Танаиса наши елисаветовские раскопки не принесли решительных данных».

Только исследования 1908—1912 и 1923—1928 гг., проведенные под руководством профессора А. А. Миллера, позволили, наконец, решить «загадку» Танаиса и притом—именно в пользу крупного городища в окрестностях станицы Елисаветовской, с его культурными отложениями и прилегающим к городищу курганным могильником греко-скифского времени (начиная с VI—V веков до III в. до н. эры)¹. Все, что нам известно об Елисаветовском городище, позволяет видеть в нем остатки древнего Танаиса.

Следует, кстати, заметить, что судоходное русло Дона в период существования древнего Танаиса проходило как раз не около нынешнего Азова, а по нынешнему Дугину ерику (протоку Дона), то есть около станицы Елисаветовской. Здесь, действительно, находилось удобное место для крупного торгового поселения—у судоходного русла реки и к тому же на

¹ Культурные отложения в некоторой части Елисаветовского городища дают также предметы древности еще «архаического» времени. Танаис, следовательно, возник в пункте, где в доскифское и раннескифское время уже существовало поселение, в хозяйственной жизни которого большую роль играло рыболовство.

высоком песчаном острове, что помогало защите города от врагов¹.

В наши дни, правда, судоходное русло Дона находится далеко от Елисаветовского городища, но здесь нужно помнить о существовании общего правила, по которому долинные реки северного полушария постепенно перемещаются слева направо (закон Бэра), отходя, с течением времени, от левого, низкого берега и подмывая высокий, правый коренной берег. Это касается и Дона с его извилистым, к тому же «капризным», течением. Остатки многих древних поселений отдалены сейчас от современного русла реки, но некогда эти древние поселения стояли у самого берега реки.

Интересно, что с возникновением Танаиса на некоторое время прерывается и замирает жизнь в других, существовавших в низовьях Дона и соседних с Танаисом поселениях (Гниловское и Кобяково городища). Объясняется это, очевидно, тем, что через Танаис шли оживленные меновые и торговые операции греков с хлынувшими сюда кочевниками-скотоводами, а не с бедными и отсталыми поселениями местных рыболовов. Разумеется, что в этих условиях местные поселения рыболовов, не представлявшие интереса для Танаиса, были обречены на то, чтобы заглухнуть или даже быть насильственно уничтоженными пришлыми воинственными кочевыми племенами скифов.

Танаис был окружен высоким земляным валом и рвом (в окружности до 3 км.). В наружном валу находилось трое ворот, от которых вели пути к двум пристаням на берегу рукава Дона.

В самом Танаисе жило лишь постоянное его население. Вокруг же Танаиса, в дельте Дона, было очень многолюдно. О широкой заселенности дельты Дона говорят многочисленные находки различных предметов древности. На более возвышенных, не затопляемых пунктах у Елисаветовского городища также располагались более или менее постоянные поселения. Нами установлены, например, следы заселения даже территории наиболее крупных древних курганов из группы «Пять братьев».

Связанные с Танаисом населенные пункты располагались и в других, более отдаленных местах.

Так, летом 1928 года были произведены раскопки у западного основания Беглицкой косы (близ Таганрога), расположенной на полуострове, образуемом Миусским лиманом и северным побережьем Азовского моря.

Было установлено наличие здесь следов поселения и курганного могильника III—II веков до н. эры. Среди обнаружен-

¹ Возвышенное место, на котором стоял древний Танаис, при весенних разливах Дона не затоплялось (как не затопляется и сейчас).

ных при раскопках предметов имелись чернолаковая посуда и амфоры¹, также сосуды местного изготовления. Перед нами, следовательно, еще один пункт, связанный по времени и культуре с существованием Танаиса древнего.

В Танаис завозились товары, изготовлявшиеся собственно в Греции, а также товары, выходившие из производственных центров северного Причерноморья. Значительным предметом импорта являлась посуда — чернолаковая, краснофигурная, чернофигурная и простая — повседневного употребления. В амфорах привозилось греческое вино и оливковое масло. Доставлялись в Танаис и изделия из металла, строительные полуфабрикаты, мелкие украшения, — например, различных форм бусы из синего или белого стекла². Посуда изготовлялась и на месте (грубые, вылепленные от руки сосуды).

Привозная посуда была рассчитана на потребителя различного имущественного положения. Дорогая чернолаковая приобреталась наиболее состоятельными людьми. Некоторая часть такой посуды (рыбные блюда, чашки, тарелки) употреблялась богатыми людьми в обиходе. Менее состоятельные люди приобретали простую посуду боспорского производства. Основная же масса населения довольствовалась грубой посудой местного изготовления; она же служила состоятельным семьям в виде кухонного инвентаря.

Среди находимых на месте древнего Танаиса амфор встречаются амфоры с острова Родоса, из Синопа³, Херсонеса, Боспора и других мест. Многие амфоры имеют на себе астиномыные клейма⁴.

Установлено, что в древнем Танаисе имелись здания городского типа, сложенные из тесаных, хорошо подогнанных камней. Для покрытия кровли употреблялась черепица. Среди обломков штукатурки при раскопках обнаружен кусок, окрашенный по поверхности в красный цвет. Такая штукатурка из-

¹ Амфоры — большие остродонные сосуды с длинным горлом и двумя ручками. У древних греков амфоры служили основным видом тары. В них носили, хранили и перевозили вино, масло, зерно, муку и т. д.

² Интересна находка стеклянной печати (геммы) с резным углубленным изображением бородатой человеческой фигуры во весь рост, повернутой в профиль влево, с палицей в одной руке и с посохом — в другой. В изображенном нетрудно узнать Геракла (Геркулеса) — древнегреческого героя, олицетворявшего физическую силу и мужество.

³ Синоп — греческая (милетская) колония на северном побережье Малой Азии.

⁴ На амфорах городские чиновники — астиномы — ставили клейма, по которым можно определить место и время производства амфор. В Елисаветовском городище найдена, например, амфора, на горле которой у бортика имеется квадратное двухстрочное клеймо с греческими буквами: «ХО АС ПА» (Хорегион, астином, Папес), что значит: «Данную амфору сделал гончар Папес при астиноме Хорегионе». Дата этой амфоры определяется третьей четвертью II века до н. эры.

вестна по находкам в Ольвии, Пантикапее, Херсонесе. Преобладали, однако, в Танаисе легкие постройки из камыша или прутьев, обмазанные глиной, и с глинобитным же полом.

Характерны находки грузил или отвесов различных типов, глиняных и каменных. Некоторые из них, особенно каменные, представляют собой, скорее всего, рыболовные грузила, другие—пряслица, отвесы прядильных станков.

Среди найденных на Елисаветовском городище костей — кости быка, телят, лошади, овцы, а также кости рыб из системы осетровых. Одна из хорошо сохранившихся костей принадлежала севрюге; в находках встречаются позвонки очень крупных рыб (сома или сазана).

С самого начала своего существования Танаис представлял собой не чисто греческое, а смешанное, греко-скифское поселение, в котором греки обитали наряду и вместе с «варварами» (так греки называли людей иного происхождения, не греков). Это подтверждается тем, что в Елисаветовском городище, в отличие от Ольвии, Пантикапея и других, не найдено ни одного эпиграфического памятника¹, ни одного античного скульптурного изваяния, и что, вообще, весь облик жизни на городище (месте расположения древнего Танаиса) отличен от привычной картины жизни в крупных древнегреческих колониях северного Причерноморья. Это отличие—закономерно. Оно обусловлено оторванностью Танаиса от причерноморских центров, его нахождением в гуще местного, туземного населения, специфическим составом его жителей, среди которых всегда преобладали туземцы.

Впрочем, о том, как мало мы знаем Елисаветовское городище и жизнь на нем самих греков, свидетельствуют отдельные находки замечательных памятников древности.

В 1932 году, например, нам посчастливилось доставить из станицы Елисаветовской в Ростовский областной музей краеведения уникальный мраморный рельеф второй четверти первой половины IV века до н. эры. Рельеф этот был найден на самом городище колхозником Панченко. Изображает рельеф сцену «погребального пира»—загробной трапезы, пира героизированных покойников (возлежащего мужчины и сидящей женщины, очевидно, жены умершего) в окружении предстоящих смертных. Помимо отмеченных двух фигур, на рельефе изображены юноша-раб, фигуры девочки и мальчика и двух взрослых. Дети и взрослые—друзья или родственники покойных, поклоняющиеся им. В руке умершего ритон (питьевой рог). Юноша-раб черпает и подносит напитки. Изображена также фигура собаки.

¹ Эпиграфические памятники—надписи, сделанные на твердом материале (камне, металле, дереве).

Рельеф представляет собой надгробие, стоявшее на могиле одного из богатых и знатных жителей Танаиса. Обычай воздвигать подобного рода памятники идет из Греции, и едва ли такой рельеф мог бы появиться там, где греческий элемент не занимал важного места в составе населения.

О быте туземной знати, которая жила в дельте Дона еще до возникновения Танаиса, а затем вела торговлю с греками через Танаис, дает представление инвентарь курганных погребений VI—II веков до н. эры, расположенных по соседству с Елисаветовским городищем.

Наиболее древним в Елисаветовском некрополе (кладбище) является знаменитый курган, раскопанный в 1901 году И. И. Ушаковым. В нем, по всей вероятности, был похоронен представитель высшего слоя местного туземного населения VI—V веков до н. эры.

В состав могильного инвентаря входили ионийский чернофигурный сосуд второй половины VI века до н. эры и замечательный дорогой меч в золотых ножнах, украшенных изображениями в скифском зверином стиле.

Одновременными Танаису являются курганные погребения IV—II веков до н. эры. Состав содержащегося в них могильного инвентаря очень показателен.

С одной стороны, перед нами следы чисто туземной культуры и быта—скифское оружие, украшения в виде гривен и нашивных бляшек, части туш барана или лошади. С другой стороны, в могильном инвентаре много привозных изделий греческого происхождения, в виде предметов роскоши: краснофигурной (рис. 16) и чернолаковой посуды¹, бронзовых сосудов и вещей повседневного употребления (например, остродонные амфоры, свидетельствующие, кстати сказать, о потреблении туземцами вина и масла).

Для Елисаветовских курганных погребений типична, в частности, такая картина: скелет лежит в могиле на спине, с вытянутыми руками, головой на Запад. У восточного края могилы, в ногах погребенного стоит одна или несколько амфор,

¹ Замечательной особенностью черного лака, покрывающего древнегреческие сосуды, является его красивый матовый блеск, густота и поразительная прочность. Археологи, извлекая из земли чернолаковые сосуды более чем двухтысячелетней давности, убеждаются, что от времени лак не потускнел, он свеж, блестящ и ярок, как будто бы только что наложен на сосуд. Секрет черного лака древних греков давно потерян. Попытки химиков наших дней восстановить его состав и способ приготовления оказались пока тщетными.

«Есть гипотеза, что черпый лак—не химического происхождения, а представлял собой натуральную лаковую массу, добытую один раз, запасы которой к III в. до нашей эры истощились». (А. В. Арциховский—«Введение в археологию», изд. 3-е, стр. 85).

около которых лежат крупные кости лошадей: ребра, лопатки, кости ноги.

На костях лошади почти всегда—железный нож с костяной рукояткой. Греческие чернолаковые и другие сосуды находят-ся возле костей лошади. Самому покойнику сопутствует воору-жение—мечи, панцыри, копыя, бронзовые, железные и кость-ные наконечники стрел, металлические (медные и бронзовые), подвески и другие предметы.

Рис. 16 Краснофигурный сосуд (скифос), най-денный в одном из курганов Елисаветовского некрополя (по Т. Н Книпович.)

Вот типичное погребение описанного типа: в могильной яме неправильной формы лежит на спине скелет с вытянутыми вдоль туловища руками. У левого бедра погребенного—пучок бронзовых наконечников стрел. Сверху, на костях скелета, ле-жит железный меч в том самом положении, как его носил при жизни покойник. У левого плеча—бусина, у черепа—еще три бусы, с правой стороны черепа—два железных наконечни-ка копий, с левой стороны черепа—три фрагмента железной пластинчатой брони. Ближе к южной стенке могилы стоит амфора, возле нее лежат кости лошади—лопатки, кости ноги, ребра¹.

¹ А. А. Миллер.—Раскопки у станицы Елисаветовской в 1911 году. Известия Археологической Комиссии. Вып. 56, Петроград, 1914, стр. 220—247.

Среди находок в Елисаветовских курганах особо выделяется крупный бронзовый котел на ножке с ручками. В нем был обнаружен скелет барана. В том же погребении рядом с котлом был найден бычачий рог (ритон) для питья вина, отделанный золотом. Из других предметов можно отметить золотые накладки на колчаны, нашивавшиеся на одежду золотые бляшки, бронзовые чешуйчатые панцири, стрелы, копья, ножи, браслеты, железный меч с золотой рукоятью и золотыми ножнами.

В числе изображений на золотой чеканной обкладке ножен мы находим фантастическое крылатое птицеподобное существо с распушенным хвостом, с загнутым клювом хищника и вытянутыми вперед лапами четвероногого животного.

Перед нами одна из разновидностей изображения сказочного зверя Сэнмурва, сочетающего в себе образ птицы и собаки, иногда—рыбы. Этот образ собаки-птицы распространен среди целого ряда народов. Идет он из глубокой древности, когда Сэнмурв олицетворял собою живую природу, как существо, являющееся порождением трех естеств, или трех небес (стихия небесная—в образе птицы, земная—в образе собаки или козла, водная—в образе рыбы). С течением времени образ собаки-птицы становится мифическим грифоном (крылатым хищным животным) у греков, драконом—у китайцев, Сэнмурвом—у иранцев.

В курганах близ станицы Елисаветовской похоронены больше всего не жители Танаиса, а представители туземной (скифской) знати скотоводческих племен, кочевавших вблизи Танаиса и привлеченных сюда выгодами торговых операций с греками. Чем богаче был погребенный, тем богаче и сопутствующий ему могильный инвентарь. Наблюдения исследователей показывают, что по имущественному положению туземное население Танаиса разделялось на несколько резко отличающихся друг от друга групп. Это говорит о наличии резко обозначенного и далеко зашедшего социального расслоения.

Елисаветовские курганы дают, следовательно, много ценного материала к познанию некоторых страниц исторического прошлого низовьев Дона.

До сих пор, к сожалению, остаются нераскопанными и научно неисследованными огромные курганы в группе «Пять братьев», под которыми находятся, как можно предполагать, гробницы скифских племенных вождей.

Жизнь на Елисаветовском городище замерла к концу III века до н. эры. Во II веке до н. эры поселения на Елисаветовском городище уже не было.

Что прервало некогда существовавшую здесь кипучую жизнь? Кончается ли на этом история Танаиса?

Мы уже говорили, что Танаис располагался на берегу протока реки Дон, вблизи от судоходного русла последней.

Насколько можно судить, на протяжении III века до нашей эры шло постепенное и все большее заиливание этого протока, превратившегося, с течением времени, в высохший, покрытый камышом луг. Когда судоходство по протоку стало затруднительным, а затем и вовсе невозможным, жизнь здесь и стала хиреть и глхнуть. Возникла необходимость расположиться в другом районе, то-есть—перенести Танаис на новое место, отвечающее запросам крупного поселения, существовавшего в значительной мере за счет речной и морской торговли.

* * *

Так появилось «продолжение» древнего Танаиса — Танаис «новый» или, как его называют в науке, Возобновленный.

Но где следовало искать остатки «нового» Танаиса?

Решение этого вопроса оказалось более легким, нежели установление места нахождения остатков Танаиса «древнего».

Еще в октябре 1823 года устья Дона были бегло осмотрены «основателем археологических розысканий на юге России, просвещенным керченским градоправителем» Иваном Алексеевичем Стемпковским с целью «отыскать настоящее местоположение древнего города Танаиса, доселе еще неопределенное»¹.

«Английский путешественник Кларк, — пишет Стемпковский, — тщетно искал следов греческих поселений по всему левому берегу Дона: и сие заставило его заключить, что древний Танаис, вероятно, находился на Европейской стороне сей реки. И подлинно я думаю, что остатки сего города существуют донныне на означенной стороне, в 10 верстах от моря, близь Донского села Недвиговки. Тут, на возвышенном и крутом берегу реки, нашел я следы акрополи или цитадели, весьма сходной с Ольвийскою, но немного поменьше, укрепление сие окружено глубоким рвом и в некоторых местах, на валу, — кучами земли и камней, показывающими основания башен. Повсюду разбросаны обломки древних сосудов с ручками, называвшихся амфорами, и обыкновенно находимых везде, где греки имели свои поселения; а за рвом, вся окрестность, на далекое расстояние, покрыта ямами, кучами земли и золы (следы бывшего жилья), равно множеством больших и малых курганов...

С вершин, где видно сие укрепление, взор объемлет большое пространство как со стороны степи, так и к реке и к мо-

¹ Два письма Стемпковского к Бларамбергу о местоположении древнего города Танаиса. «Вестник Европы», 1824, № 4, стр. 23, также — «Прописи», 1854, IV, стр. 387—395.

рю; а под горою, у самой подошвы оной, протекает Донец, один из судоходных рукавов Дона, ныне несколько омелевший, но недавно еще служивший к плаванию донским лодкам. По всем сим чертам невозможно не признать развалин сих остатками древнего греческого города, и сей город не может быть иной, как Танаис...»

Стемпковский был прав.

В апреле 1824 года Стемпковский счел необходимым осмотреть и другие «древние окопы» (городища) по правому берегу Нижнего Дона. Он видел Гниловское городище, сделав правильное заключение, что оно было обитаемо в античное время, но ни по обширности, ни по положению не может претендовать на место расположения «населенного и торгового города» Танаиса. Осмотрел Стемпковский и городище в устьях Сухого Чалтыря, на котором еще были заметны тогда остатки каменной стены, в окружности не более 220 шагов или 70 сажен. Обратил внимание Стемпковский и на находки обломков древних глиняных сосудов близ Аксая (очевидно, на Кобяковом городище).

Гниловское и Сухо-Чалтырское городища Стемпковский рассматривал как «укрепленные посты или ведеты», которые, по его словам, «служили, вероятно, для содержания в страхе скифов, или для складки товаров и произведения на разных пунктах удобнейшего торга с окрестными народами, или же (что кажется всего правдоподобнее) для защиты судоходства и богатых рыбных промыслов по устьям реки».

Любопытно, что по дороге от Гниловской станицы к Чалтырю Стемпковский, как и Кларк, видел курганы «Пять братьев» близ станицы Елисаветовской. Возможно, что, посетив эти курганы, наблюдательный Стемпковский не прошел бы и мимо расположенного неподалеку крупного городища, являющегося местом древнего Танаиса. Однако, по словам Стемпковского, «время и особенно разлитие реки не позволили осмотреть ближе сии любопытные насыпи».

Спустя тридцать лет после посещения дельты Дона И. А. Стемпковским, здесь начались приобретения широкую известность изыскания, проведенные проф. П. М. Леонтьевым с 8 июля по 6 ноября 1853 года и окончательно подтвердившие, что остатки «нового» Танаиса мы и находим на Недвиговском городище, расположенном на правом берегу рукава Дона — Мертвого Донца, — на западной окраине хутора Недвиговского, вблизи нынешнего железнодорожного разъезда Сущенкова.

Следуя указаниям И. А. Стемпковского, проф. П. М. Леонтьев сконцентрировал свое внимание на Недвиговском городище.

Городище это имеет форму неправильного четырехугольника, окруженного со всех сторон валом, а с севера, востока и запада, кроме того, — и рвом. Общая площадь городища (внутри валов) — около 40000 квадратных метров. Вне центрального укрепления, с трех сторон также располагалась селитебная площадь, для охраны которой был возведен второй, наружный, вал в форме, приближающейся к полукругу ломаной линии.

Заслуживает внимания описание проф. Леонтьевым района расположения Недвиговского городища. По его словам, возвышенный берег Дона со склоном на юг и обилие ключей делают этот район чрезвычайно удобным для садоводства и развития виноградников. «Это бесспорно один из самых благодатных уголков обширной русской земли, — пишет П. М. Леонтьев. — Живописность местоположения увеличивает его привлекательность. С этой высоты... вы можете любоваться широтой горизонта и этою синею далью... Глаз ваш обозревает всю дельту и усматривает на дальнем плане город Азов с соседними ему селениями левого берега. Несколько верст далее — и открывается море, а на правом берегу моря бежится Таганрог...»¹

Приступив к обследованию Недвиговского городища, П. М. Леонтьев установил наличие на валах остатков башен, а посередине южного, идущего вдоль реки, вала — следов въезда (ворот). «Река Мертвый Донец, — замечает Леонтьев, — делает вблизи городища небольшой изгиб и оставляет на стороне городища мыс, который мог служить местом для пристани».

По мнению Леонтьева, поселение на Недвиговском городище носило якобы следы страшного разрушения, сопровождавшегося пожарами.

Раскопки на городище, затронувшие не более $\frac{1}{10}$ его площади, вскрыли основания шести башен, четыре из которых стояли по углам крепости и две — по бокам городских ворот, часть каменной стены, окружавшей Танаис, остатки каменной мостовой, городской площади (агоры), вымощенной камнем-дикарем и частично плитами, и фундаменты отдельных жилищ. На площади находились два колодца и обложенный плоскими камнями водосток.

В числе многих находок проф. Леонтьев обнаружил при раскопках изящную бронзовую лампочку с ручкой, заканчивающейся головкой тигра, бронзовый канделябр высотой $1\frac{3}{4}$ аршина, состоящий из каннелированного стержня на трех

¹ П. М. Леонтьев. — Археологические разыскания на месте древнего Танаиса и в его окрестностях. «Пропилеи». Сб. статей по классической древности, издаваемый П. Леонтьевым, кн. IV, М., 1854, стр. 396—524.

львиных ножках, изображение женской головки на камне (часть горельефа), бронзовые кольца, застёжки, обломки стеклянных сосудов, терракотовых изделий и другие предметы¹.

Ценнейшим источником к познанию истории Танаиса явились найденные в Недвиговском городище каменные (известковые и мраморные) плиты с греческими надписями, — своеобразный «каменный архив» Танаиса. Насколько разнообразны были проявления человеческой жизни и быта, настолько же иногда разнообразно и содержание надписей, которые дают нам много данных о политической и общественной организации и жизни города.

Вслед за проф. П. М. Леонтьевым изучение Недвиговского городища и находимых в нем памятников проводилось и другими исследователями. В своей совокупности работы ученых позволяют нам уже сейчас нарисовать довольно подробную и яркую картину жизни Танаиса Возобновленного.

Прежде всего укажем еще раз, что встречающиеся на городище находки не только римского времени (I—IV в.в. н. эры), но, в меньшей степени, и эллинистического времени (III—I в.в. до н. эры) говорят за то, что Недвиговское городище является продолжением городища Елисаветовского.

Оба городища — Елисаветовское и Недвиговское — отражают почти тысячелетнюю жизнь Танаиса — с V в. до н. эры по IV в. н. эры.

Так же, как и Танаис древний, Танаис Возобновленный был не чисто греческий город, поскольку он был оторван от других греческих центров Боспорского царства, находился в гуще местного населения, был одной из самых отдаленных северных колоний боспорской метрополии.

Из всех городов Боспора Танаис, по составу населения, имел наиболее смешанный характер. Местного населения в Танаисе жило не меньше, а, быть может, и больше, чем греков. Это подтверждается и характером построек (более простых и грубых, чем в других колониях), и теми же надписями.

Академик С. А. Жебелев сделал очень любопытный подсчет встречающихся в надписях Танаиса имен и отчеств чисто греческих и римских, имен и отчеств туземных, имен и отчеств смешанных (имя греческое, отчество — туземное). Ока-

¹ Среди находок в Недвиговке особняком стоит случайно найденный фрагмент бронзового украшения, являющийся частью более крупной вещи, а именно — короны, которую в Египте надевали на голову статуэток бога Осириса (корона «Верхнего Египта»). Фрагмент этот датируется периодом между XXVI—XXX династиями египетских фараонов, т. е. около 650—340 гг. до нашей эры и представляет собой единственную подобного рода находку на всем юге СССР.

залось, что в Танаисе на долю греческих и римских имен падает 60%, а на долю туземных—40%, в том числе 23% туземных и 17% смешанных. Надо учитывать, конечно, что в надписях фигурируют, как правило, имена представителей зажиточных слоев населения Танаиса; в массе же всех жителей города удельный вес греческого и туземного населения мог быть и несколько иным.

Во всяком случае, туземное и смешанное население Танаиса численно явно превосходило такое же население в других городах Боспора.

Интересны в этом отношении и два недвиговских рельефа. Один из них — мраморный рельеф конца II или начала III века н. эры, исполненный в стиле поздних античных памятников и изображающий всадника-сармата в панцире и развевающейся хламиде, с копьем¹. Рельеф этот, очевидно, был вставлен, как полагает проф. П. М. Леонтьев, в городскую стену. Он был, надо думать, посвящен какому-нибудь божеству одним из граждан Танаиса: на рельефе имеется греческая надпись—«посвятил Трифон, сын Андромена» (рис. 17).

Другой рельеф — плита из известняка грубой местной работы, ничего общего не имеющий с искусством Греции и Рима. В изображенном на этом рельефе животном с трудом и предположительно можно распознать фигуру льва.

Таким образом, и в предметах обихода бросается в глаза существование в Танаисе Возобновленным двух главных групп:

1) художественные бронзовые светильники и канделябры, привозная краснолаковая посуда работы малоазиатских греческих мастеров, хорошая античная стеклянная посуда и 2) чисто местные изделия: сосуды, сделанные от руки из грубой глины, горшки, чашки и кувшины из глины более высокого качества, с «лощеной» поверхностью («сарматская» посуда). Смешанный

характер культуры, в которой одни черты заимствованы от Греции и Рима, другие—от местной среды—типичная особенность Танаиса.

Рис. 17. Мраморная плита — рельеф из Недвиговского городища с изображением воина-всадника.

¹ Мотив всадника на недвиговском рельефе имеет аналогии в рельефах, найденных в районах Нижнего Приднепровья и Крыма. Интересно, что изображения всадников на рельефах Киевской и Владимиро-Суздальской Руси и в русском народном искусстве стилистически связаны с изображениями скифо-сарматских всадников.

Не менее показательны и танаисские надписи. Все они написаны на греческом языке, но даже тогда, когда эти надписи содержат в себе простое перечисление имен, мы обнаруживаем в них постоянные ошибки, синтаксическую беспомощность с точки зрения чистого греческого языка. Для надписей сплошь и рядом характерно смещение падежных форм. Писец-резчик или автор надписи путает дательный падеж с родительным и т. д.

«Ошибки» в надписях столь типичны и своеобразны, что позволяют видеть в них не только слабое знание греческой речи, но результат влияния местного, сарматского, языка, который остается нам пока неизвестным, и лишь некоторые особенности его улавливаются в новейших исследованиях советских ученых¹.

Во всяком случае, не подлежит сомнению, что в Танаисе Возобновленном обиходным языком жителей был сарматский (возможно, скифо-сарматский), а греческий язык являлся, главным образом, языком официальных кругов.

Общественное устройство Танаиса Возобновленного в эпоху Римской империи (первые века н. эры) известно нам весьма хорошо.

Население города делилось на две обособленные группы: эллинов (греков и римлян) и танаитов. Во главе Танаиса стоял наместник (легат, пресбевт), назначенный туда царем Боспора. В конце II века, например, в Танаис был послан легатом (правителем) главный спальник Боспорского царя—Юлий Менестрат.

Управители города назначались боспорскими царями почти всегда из среды высших сановников и должностных лиц Боспора. Только изредка управителями назначались лица из числа самих танаитов, как, например, Хофрасм Форганаков, часто упоминаемый в надписях. Наместник был всегда один, и в надписях его имя следует после имени царя Боспора (например: «В царствование царя Савромата, сына великого царя Римиталка, и при посланнике Юлии Менестрате, главном спальнике...»).

Обе группы населения Танаиса — греки и римляне с одной стороны, туземцы — с другой, возглавлялись городскими чиновниками—эллинархами² и архонтами³. Первые стояли во главе греков, вторые — во главе танаитов.

¹ К. М. Колобова.—К вопросу о сарматском языке. Сборн. «Из истории докапиталистических формаций», ОГИЗ, М.-Л., 1933, стр. 416—436.

² Эллинарх означает, буквально,—начальник греков.

³ Надписи упоминают также приходчиков—таможенных чиновников, собиравших пошлины с товаров, и эпимелитов, надзиравших за общественными постройками города.

По данным надписей можно судить, что в 517 году Понтийской эры архонтов в Танаисе было четыре, из коих один был старшим (архонт-эпоним). Эллинарх избирался в единственном числе, но на всякий случай для замещения его избирался кандидат (диадох).

Должности эллинарха и архонта были выборными. Нет сомнений, что выбирались они из среды купцов и, вообще,— зажиточного населения. «За счет» эллинархов и архонтов, наживавших свое состояние путем торговых операций, налогов и поборов, эксплуатации местного населения, воздвигались стены, башни, ворота и другие городские сооружения. Эти деяния увековечивались в надписях на каменных плитах, вделывавшихся в те же стены, ворота и пр.

Небезинтересно привести здесь в качестве образцов отрывки из так называемых «строительных» надписей Танаиса:

«С добрым счастьем. В царствование царя Тиберия Юлия Савромата, сына великого царя Римиталка, Дидимоксарф Ходэнов—архонт танаитов и Родон Фазиномов—эллинарх, временем испорченную башню отстроив, восстановили торжищу через попечителей (следуют имена). В 485 году и месяца Панима» (192 год н. эры).

Или: «В царствование царя Савромата, сына великого царя Римиталка, и при посланнике Юлии Менестрате, главном спальнике, эллины и танаиты временем испорченную башню отстроив, восстановили торжищу попечением Родона Фазинома, бывшего эллинарха, и Родона Харитонова, и Атты Ираклидова, и Еввий, сын Дады Зионова, и Мирона Варова, и Паниха Панихова в 489 году, месяца Лоя первого дня» (196 год н. эры). «... Я Василид Феоников, эллинарх, возобновив рыночную площадь на собственный счет, восстановил городу и купцам через попечителей (следует перечень имен)...»

Или: «С добрым счастьем. В царствование царя Тиберия Юлия Иннифимея, друга кесарей и друга римлян, благочестивого, временем заброшенный источник отстроен от основания и сделалась башня... через архитектора Аврелия Антонина в 533 году, месяца Горпия, первого числа» (240 год н. эры)¹.

Среди строителей-архитекторов были как греки и римляне (Аврелий Антонин, Диофант), так и туземцы (Навак, сын Мевака, участвовавший в устройстве танаисской городской площади).

Само деление населения Танаиса на эллинов и танаитов говорит о том, что греческие купцы, обособившись в отдельную группу во главе с эллинархом, этим противопоставляли себя местному населению, имевшему свое общественное устройство, свой быт и свои обычаи.

Впрочем, с течением времени резкое разделение населения Танаиса на эллинов и танаитов сгладилось. Из надписей мы

¹ Имя римского архитектора Аврелия Антонина известно и по надписи 512 года, откуда видно, что он жил в Танаисе и работал по специальности, во всяком случае, свыше 20 лет.

узнаем, что уже во II веке н. эры эллинархом был Родон Фазинамов. Это имя явно не греческое. Очевидно, разделение населения на эллинов и танаитов стало уже тогда условным, и на практике греческий эллинарх и танаисский архонт правили совместно, выступая в полном согласии друг с другом. О том же говорят и две надписи, сделанные совместно танаитами и эллинами, отстроившими башню торжищу. Само торжище находилось, видимо, как и в Елисаветовском городище, не внутри города, а, главным образом, за его стенами. Для меновой торговли к городу съезжались люди из разных мест.

Натуральному обмену товарами на танаисском рынке сопутствовала и денежная торговля «огречившихся танаитян и отанаитившихся греков-эмпоров», как замечают по этому поводу исследовательница К. М. Колобова.

Что в Танаисе, наряду с меновой торговлей, существовала уже и денежная торговля, говорят и многочисленные находки монет Боспорского царства I—III веков н. эры, а также, хотя и реже, монет римских и восточных.

Роль местных купцов как греков, так и танаитов, была на рынке ведущей, так как они являлись не только скупщиками сырья и товаров, привозимых греческими купцами, но и перепродавцами-посредниками. Подобно другим купцам Боспора, они являлись опорой проведения торгово-колонизаторской политики и играли большую роль не только в торгово-экономической, но и общественно-политической жизни Танаиса.

Пребыванием в Танаисе значительного количества предпринимателей-купцов, судовладельцев (навклеров) и др. вызвано и существованием здесь специальных религиозных обществ, так называемых фиасов, учреждавшихся в честь божества, культ которого стоял близко к культу бога Зевса¹.

Некоторые надписи из Недвиговского городища содержат в себе имена членов фиасов. Часто членов фиасов именовали «братьями». Под религиозной оболочкой скрывались вполне конкретные и практические дела. Фиасы заботились о взаимно-материальной поддержке своих сочленов, о воспитании и обучении их детей.

¹ Одна из надписей Танаиса гласит: «Я, Зиноп, сын Зинона, внук Дады, посланный царем в торжище, посвятил Зевсу, Арею и Афродите при Вораспе, сыне Вава, архонте Танаиса и эллинархе Родоне, сыне Харитона, в 490 году, месяца Дистра первого дня». В представлениях древних греков Зевс—главный бог-вседержитель, управлявший небом и землею, всеми богами и людьми.

До сих пор остается научно неизданной надпись-стена в форме четырехгранного столба, перед текстом которой изображен царь, приносящий жертву у священного дерева.

Существовали фиасы на взносы их членов. Среди фиасов был фиас навклеров (судовладельцев-купцов). В танаисских надписях наряду со списками членов фиасов (фиасотов) содержатся и списки коллегии почитателей «всевышнего бога». В списках упоминаются какие-то «братья-приемыши». Афинский устав коллегии Вакха-Диониса II века н. эры показывает, что «братьями-приемышами» были те сочлены, отцы которых не входили в коллегию и которые были приняты со стороны.

Членами танаисских фиасов являлись не только греки, но и туземцы.

Членами и руководителями фиасов являлись многие должностные лица. Так, в 220—225 гг. жрецом фиаса являлся Хофразм, сын Форгабака, который до этого упоминался в надписях как эллинарх, а потом — легат.

В общем фиасы объединяли в своем составе, прежде всего, торговую и купеческо-судовладельческую знать Танаиса, его «избранное общество». Кстати сказать, однородность фиасов Пантикапея и Танаиса, общность культов, в свою очередь, говорит о тесных и регулярных связях Танаиса с Пантикапеем.

На всем протяжении своей длительной истории Танаис представлял собой крупнейший узловой торговый центр Придонья, тесно связанный с населением обширной степной территории¹. Иногда эти связи проникали довольно далеко на север и северо-восток нынешней территории нашей страны.

Если в период греческой колонизации в низовьях Дона было, повидимому, только одно крупное и постоянное поселение — Танаис Древний (Елисаветовское городище), то в период римского владычества, в первые века н. эры, в дельте Дона, помимо центрального городского поселения — Танаиса Возобновленного (Недвиговское городище), существовал еще ряд более мелких постоянных приречных поселений, тянувшихся по правому берегу Мертвого Донца, от нынешнего хутора Недвиговского и далее к востоку, а потом — и по правому берегу Дона. Это городища: Хопровское (на высоком берегу, недалеко от жел.-дор. станции Хопры); Сухо-Чалтырское (при впадении в Мертвый Донец балки Сухой Чалтырь); Мокро-Чалтырское, Гниловское (в месте, где расходится Мертвый Донец с Доном, образуя дельту); Темерницкое, Ростовское и Кизитиринское (последние три — в черте совре-

¹ Являясь крупным торгово-сырьевым пунктом, Танаис не был в то же время сколько-нибудь значительным производственным центром.

менного Ростова-на-Дону)¹; Кобяково (у станицы Аксайской) и другие.

Связь между этими поселениями поддерживалась, очевидно, и по суше. Что же касается связи речным путем — она несомненна, так как в первые столетия н. эры морские суда могли проходить по Мертвому Донцу до самой вершины донской дельты и дальше.

Какой резкий контраст составляли эти поселения в сравнении с городом Танаисом. Какая яркая иллюстрация имущественного неравенства того времени!

С одной стороны Танаис — хорошо укрепленный, благоустроенный город, обнесенный рвом, валом, башнями, имевший возведенные из камня жилые и общественные строения с архитектурными украшениями, с надписями на камнях; город, в остатках которого находят художественную посуду, предметы роскоши, монеты; город, известный древним писателям.

С другой стороны, — «серые», однообразные и безымянные поселения людей, с обмазанными глиной, часто сгоравшими камышовыми постройками. Каменных строений в таких поселениях почти не было; находки при раскопках — бедные; предметы роскоши, украшения встречаются редко.

Насколько жизнь зажиточной верхушки Танаиса отличалась от жизни основных масс населения Придонья, говорит и содержание негидровских погребений.

Как это имело место в древнем Танаисе, так и в Танаисе Возобновленном, — около города располагался некрополь (кладбище), содержавший в себе, в частности, могилы городской знати. В 1907—1908 годах негидровский казак Алексей Смычков, ломая камень, обнаружил две богатые гробницы. Все вещи из одной (женской) гробницы скупил частный коллекционер, и они оказались утраченными для науки. В другой гробнице лежали массивный золотой обруч с надетыми на концах его львиными головками, золотой венок, серебряный ободок от сосуда, амфора и несколько других глиняных сосудов.

¹ Темерницкое городище расположено на высоком мысу, примерно, между Морской ул. и берегом Дона, с одной стороны, и между Халтуринским пер. и долиной реки Темерник — с другой стороны; Кизитиринское — в окрестностях Нахичевани-на-Дону на высоком правом берегу р. Дон, в устье Кизитиринской балки, по правой стороне ее. Ростовское городище находится в южной части города Ростова, несколько восточнее окончания просп. Соколова (б. Среднего проспекта), на Верхне-Бульварной улице.

Ростовское городище было подвергнуто в 1925—1926 гг. обстоятельной рекогносцировке нашим земляком — ростовским археологом, Героем Советского Союза Г. А. Иноземцевым.

Для всех городищ Нижнего Дона характерно присутствие на них поселений первых столетий нашей эры.

Место находок было обследовано профессором Н. И. Веселовским. Установлено, что могилы выдалбливались в скале. Помимо могил, в скале выдалбливались корытообразные ямы, в которых совершалось трупосожжение. Недалеко от ям стояли урны с пеплом, а иногда и с вещами. Среди погребений — много детских (рис. 18 на стр. 74).

В составе могильного инвентаря: железный меч, медные фибулы (застежки), медный проволоочный браслет, медное зеркальце, сердоликовые, стеклянные и другие бусы, амфоры и другая глиняная посуда, бронзовые сосуды, золотые серьги и привески, золотые пластинки, золотые листики от погребальных венков и др.

В одной из погребальных урн, вместе с жжеными костями, было найдено 40 золотых нашивных бляшек с выпуклыми изображениями Зевса, Афродиты с Эротом, Афины, Артемиды, Деметры, 5 золотых медальонов с такими же изображениями, золотая серьга в виде удлиненной пальметки с привешенной фигуркой богини победы Ники, два золотых перстня, один из которых — с изображениями богини Афродиты с Эротом, золотой проволоочный браслет, много мелких золотых пуговиц от парадной одежды и другие предметы (рис. 19 на стр. 75).

Среди бус и подвесок обращают на себя внимание бусы и подвески из голубой, зеленоватой и др. цветов египетской пасты или смальты, цветного стекла. Некоторые из них изображают скарабея (священного жука), льва, жабу, виноградную кисть, египетское божество «ба» (душа в виде птицы) и т. д. Такие же бусы и подвески первых веков н. эры находились и в других местах на Дону. Изготавливались они, вероятно, в Александрии, Навкратисе и других производственных центрах Египта. Служили эти бусы и подвески не только в качестве украшений, но и как талисманы, магические предметы, предохраняющие от зла, приносящие счастье и т. д.

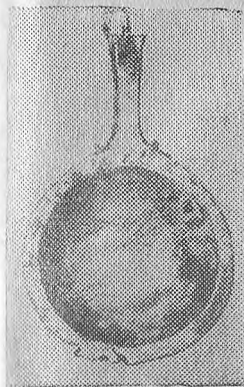
Некоторым погребениям сопутствовали надгробные камни грубой обработки и без греческих надписей, столь характерных для греко-римских колоний северного Причерноморья.

Говоря об истории Танаиса, необходимо добавить, что, в соответствии с указанием Страбона, в литературе давно и прочно установилось мнение, что в жизни Танаиса было время, когда он откололся от Боспора, оказал ему неповиновение и был за это разрушен до основания Боспорским царем Полемоном в конце I века до н. эры — начале I в. н. эры. С этим событием пытались связать повторное возникновение Танаиса на новом месте.

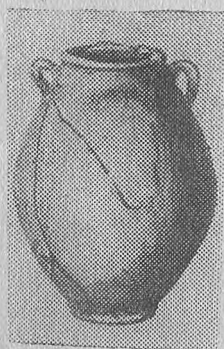
Но с самого начала возникает вопрос: какой же Танаис разрушал Полэмон? Древний Танаис ко времени Полёмона

Рис. 18. Общий вид древнего могильника в окрестности хутора Недвиговского (Танаис Возобновленный), раскопанного в 1908—1909 годах (по Н. И. Веселовскому).

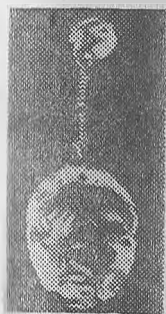
1.

2.

3.

4.

6.

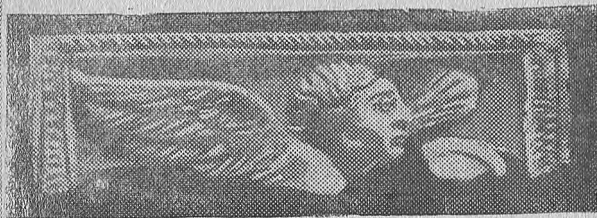
7.

8.

5.

9.

Рис. 19. Предметы древности из могильника в окрестностях хутора Недвиговского.
1) бронзовая сковорода с ручкой, 2—3) два глиняных сосуда, 4) золотая нашивная бляшка с круглой привеской, 5) золотой медальон с выпуклым изображением божества (шпигий синмок в левом углу), 6) золотая серьга с подвешенной фигуркой богини Ники, 7) золотой перстень с изображением Афродиты с Эротом, 8) костяная фигурка Дионисия и 9) костяная пластина с изображением крылатого гения.

уже не существовал. Речь может идти, следовательно, о разрушении Танаиса Возобновленного (Недвиговское городище).

Но могло ли иметь место разрушение «нового» Танаиса царем Полемоном?

В одном из блестящих научных этюдов покойный академик С. А. Жебелев убедительно показал, что самый факт разрушения Танаиса является фактом мнимым¹. Во-первых, следуя точному переводу Страбона, надо читать в его известии не «разрушил до основания», а «разгромил». Во-вторых, сомнительно, чтобы Полемон стал разрушать до основания город, имевший для греков Боспора столь важное торгово-экономическое, политическое и стратегическое значение, какое имел Танаис. В-третьих, страбоновский термин «разгромил» часто употреблялся в древнегреческой письменности в значении «разорял» (главным образом путем ограбления).

Но указание Страбона интересно для нас в другом отношении. В совокупности с другими данными оно проливает свет на важные моменты в истории Танаиса, подчеркивая, что он не всегда входил в состав Боспорского государства. Танаис был самой отдаленной колонией Боспора. Чтобы удерживать его и окрестные земли в своих руках и препятствовать попыткам туземцев завладеть им, Боспорское государство должно было иметь значительные вооруженные силы. В период процветания Боспора (IV век и первая половина III века до н. эры) это было возможным, в период же ослабления Боспора (вторая половина III века и особенно II век до н. эры) — Танаис едва ли принадлежал Боспорскому государству. Так было и при Полемоне, когда «новый» Танаис, отколовшись от Боспора, проявил открытое неповиновение. Это и вызвало направление Полемоном в Танаис вооруженного отряда, своего рода карательной экспедиции, которая и разорила (разграбила) город в целях острастки танаитов. Что город, однако, продолжал существовать и после этих событий — несомненно. Хорошо известно, что в период власти над Боспором понтийского царя Митридата и его преемников Танаис входил в состав Боспора. И в период римского владычества в северном Причерноморье Танаис подчинялся царям Боспора и составлял органическую часть Боспорского государства, о чем неопровержимо свидетельствуют, в частности, находимые в Танаисе Возобновленном надписи с именами боспорских царей.

Но если вопрос о месте нахождения «двух» Танаисов разрешен, то до сего времени остается еще загадкой, где именно находился упоминаемый Страбоном остров Алопе-

¹ С. А. Жебелев. — Был ли Танаис разрушен Полемоном? Боспорские этюды. Сборник «Из истории Боспора». Известия Гос. Академии Истории Материальной Культуры. Вып. 104, М.-Л., 1934, стр. 37—45.

кия («Лисий остров») — «поселение разноплеменных людей», располагавшееся в 100 стадиях от Танаиса (примерно 15—19 километров). Указание Страбона — «впереди» следует понимать так, что остров находился ближе к морю нежели город Танаис.

Но какой город Танаис имел в виду Страбон — «Елисаветовский» или «Недвиговский»? И как мерить расстояние в сто стадий? Прямой линией по суше или в направлении, где проходил водный путь? Очевидно — последнее. В этом случае населенный в древности остров Алопекия следовало бы искать (принимая за отправную точку Недвиговское городище) где-то между ст. Морской и устьем р. Мокрый Чулек или в местности у сел. Кагальник. Пока, однако, здесь не обнаружено ни малейшего следа обитаемой некогда местности, которая могла бы соответствовать острову Алопекия. Если же взять отправной точкой Елисаветовское городище и последовать указаниям Страбона, идя по водному пути, то мы встретимся с холмами у нынешнего ерика Лагутника. На этих холмах установлены следы поселений, повидимому, времени до н. эры. Не был ли остров Алопекия расположен здесь?

Не является ли, наконец, Алопекией нынешний* остров Перейбойный, крупнейший из островов, образуемых дельтой р. Дон? Окончательное решение этого вопроса принадлежит будущему.

За время существования Танаиса Возобновленного (III век до н. эры — IV век н. эры) в жизни северного Причерноморья — Прикубанья, Подонья-Приазовья произошли большие перемены.

Время, когда прекращалось существование поселения на Елисаветовском городище (Танаис древний) и зарождалось бытие «нового» Танаиса, совпадало с периодом смены в южно-русских степях скифских племен племенами сарматскими. Вскоре племена сарматов стали господствовать на территории всей Скифии, в том числе в Подонье-Приазовье. С течением времени Подонье-Приазовье перешло в руки алан — одного из крупных и сильнейших сарматских племенных объединений.

Сарматы

Во времена Геродота сарматы («савроматы») жили на восточном берегу Азовского моря, за рекой Дон и на Нижней Волге.

Примерно в начале II в. до н. эры они передвинулись на северо-западный берег Азовского моря и, перейдя Танаис, постепенно вытеснили большую часть обитавших к западу от Танаиса скифов.

Сами сарматы были родственны скифам. «Теперь никто

уже не сомневается, — пишет акад. С. А. Жебелев, — в этнической принадлежности сарматов к скифскому племени».

Близость между скифами и сарматами бросалась в глаза еще Страбону, утверждавшему даже, что сарматы были одним из скифских племен. И на самом деле, культура скифов и сарматов связана между собой тесно и неразрывно. Общественный строй сарматов также был очень близок общественному строю скифов. Совершенно бесспорно, что распространение в Скифии сарматских племен и вытеснение ими племен скифских не могли привести к бесследному исчезновению скифов. Значительная часть скифских племен, несомненно, вошла в состав родственных им племенных объединений сарматов, восприняв и общее их название.

В собирательном смысле слова сарматами называли кочевые и оседлые племена Северного Кавказа, Подонья-Приазовья и степной части Поволжья.

Когда именно скифы уступили место сарматам — сказать трудно, тем более что название «скифы» держалось упорно; очень долго под именем скифов нередко подразумевали все кочевые племена, населявшие южно-русские степи и прилегающие к ним местности.

Лишь с течением времени термин «Скифия» был вытеснен термином «Сарматия»¹.

Натиск сарматов внес глубокие изменения в жизнь Скифии. Он привел, в частности, к тому, что теснимые сарматами скифы уходили из степной полосы и все более концентрировались в степном Крыму. При этом ранее раздробленные племена скифов начали с середины II века до н. эры объединяться. К этому времени в тылу у Херсонеса возникло скифское государство, во главе которого стоял Скилур; а затем его сын Палак. Скилур сумел вступить в союз с одним из наиболее сильных и крупных сарматских племен — роксаланами, располагавшимися по северо-восточному берегу Меотиды.

Заслуживает внимания, что именно со второй половины IV в. до н. эры уже начинают появляться известия о враждебных столкновениях между боспорскими греками и туземцами, хотя до того верхушка туземных племен вела себя в отношении способствовавших ее обогащению греческих колоний весьма мирно. Это нельзя не поставить в связь с концен-

¹ Форма «сармат» в древних письменных источниках (вместо ранее употреблявшихся «савромат» и «сирмат») впервые появляется у Полибия. Из древней карты римского государства, составленной Агриппой по источникам времен Цезаря, явствует, что «Скифская Таврика» (Крым) и «Сарматия» (обширная страна от Кавказских гор и Каспийского моря до Днепра) являлись IX областью среди 24 областей римского мира. Таким образом, уже в I веке до н. эры римляне именовали основные земли старой Скифии — Сарматией.

трацией и объединением скифских племен под натиском сарматов, результатом чего являлись, в свою очередь, нажим и набеги скифов на города Боспора. И действительно, глава скифского государства Скилур становится скоро господином Ольвии, а сын Скилура—Палак завоевывает ряд пунктов, принадлежащих Херсонесу.

Не будучи в силах устоять перед натиском скифов, боспорский царь Перисад был вынужден отречься от престола и передать свою власть Митридату Евпатору—правителю более могущественного Понтийского царства. С большим трудом удалось Митридату отстоять Херсонес от скифов. В дополнение ко всему отречение Перисада от престола послужило поводом к крупному восстанию скифских рабов, во главе с рабом Савмаком—первому из известных нам революционных восстаний на территории, ныне принадлежащей СССР.

Большой материал для изучения этнического состава Причерноморья-Придонья в первой половине II века н. эры дает география Птолемея (Птолемея). Критический анализ труда Птолемея позволяет уточнить расположение различных племен Европейской Сарматии.

Согласно Птолемею, в причерноморских степях, между Дунаем и Днепром, обитали аланы-скифы, по всему западному берегу Меотиды жили роксаланы и языги, в Задонье пребывали амаксобии. Между аланами и амаксобиями (видимо, по Донцу) Птоломей называет карионов и саргатию; у поворота р. Дон он размещает офлонов и танаитов, ниже (до роксалан)—осилов. На восток от Меотиды тянется Азиатская Сарматия. Между амаксобиями и роксаланами жили эксобигиты.

Таковы были, по Птолемею, основные географические группировки племен Причерноморья-Приазовья. При этом, к числу «крупнейших племен» Птоломей относил языгов, роксалан, алан-скифов и амаксобиев, а остальных причислял к племенам менее значительным. Роксаланы, по Птолемею, жили к востоку от алан-скифов и заселяли приазовские степи между Нижним Днепром и Доном. Едва ли, конечно, племена Сарматии занимали сплошную территорию. Помимо живших в бассейне Донца алано-сарматских племен—саргатию и карионов,—Птоломей размещает между Верхним Доном и Волгой (к северу) сарматов «царских» и «конеедов».

Подобно скифам, сарматы также вступали в сношения с греческими колониями в Причерноморье и Приазовье, при чем для живших на Дону сарматских племен становилось все более и более характерным (в частности, в первые столетия нашей эры), наряду с полукочевым скотоводством и рыболовством, еще и земледелие. Земледелие становится при этом основным видом местного производства. Значительный рост

земледелия у сарматов Подонья-Приазовья объясняется обширными размерами существовавшей тогда торговли зерном, в частности, пшеницей.

Больше всего земледелие было развито среди сарматских племен, обитавших вблизи побережья Азовского моря и в низовьях Дона. Земледелие способствовало переходу сарматов к оседлости и возникновению постоянных поселений. Преобладающая же масса сарматов, обитавших в степных просторах юга России, представляла собой скотоводов-кочевников.

Земля обрабатывалась сарматами с помощью плуга; при уборке урожая применялись железные серпы; при шелушении проса—крупные каменные зернотерки прямоугольной формы; при помоле зерна—круглые каменные ручные жернова. Пшеница производилась преимущественно для продажи и вывоза, тогда как на удовлетворение собственных нужд шло, главным образом, просо, возможно — ячмень. Из молотого проса выпекались лепешки и изготовлялась каша.

Плиний Старший указывает, что из проса приготавливались вкусный хлеб и белая каша. «... Сарматские племена,—пишет он,—так же по большей части питаются этой кашей, примешивая к ней кобылье молоко или кровь из голенных жил».

С какими еще растениями, кроме пшеницы, ячменя и проса, были знакомы сарматские племена Подонья-Приазовья?

Некоторый свет на этот вопрос проливает любопытная находка в виде небольшого сероглиняного сосуда, обнаруженного в 1939 году в одном из погребений сарматского могильника вблизи Гниловского городища.

Сосуд содержал в себе потемневшие от времени семена ряда растений—горчицы, щетинника мышьего, различных сорняков (кривоцвет, овсюг) и, что особенно интересно, в наибольшем количестве — семена (орешки) гречихи (*Fagopyrum esculentum*). Обычно считается, что гречиха получила распространение за пределами своей родины (южная Сибирь) лишь в средние века, примерно в XV в., Гниловская находка свидетельствует, быть может, о значительно более раннем появлении культуры гречихи в южной России.

Все, что известно нам о сарматских племенах Подонья-Приазовья и смежных местностей, по данным археологических раскопок и письменных источников, позволяет уже сейчас нарисовать общую картину жизни и быта сарматов.

Сарматское население нижнедонских городищ обитало в небольших жилищах площадью 8—12 кв. м., при чем частое расположение построек говорит о чрезвычайной плотности и скученности населения. Домики-хижины имели чаще всего прямоугольную форму, но иногда и круглую. Способ их строительства был несложен. По углам забивались деревянные столбы, стены (без окон) возводились в виде плетня из стеб-

лей камыша или же плелись из прутьев лозы. Жерди, между которыми переплетались ветви, вкапывались в землю на расстоянии 20 см. одна от другой. Стены изнутри обмазывали глиной, а затем белили мелом. Крышу воздвигали также из камыша или прутьев лозы. Посредине жилища, в углублении глинобитного пола, устраивали обложенный камнем-дикарем очаг. Иногда внутри жилищ, в земле, сооружали печи кувшинообразной формы, на раскаленных стенках которых пекли лепешки из просяной муки. Подобного рода печи находились и вне жилищ.

Широкое распространение среди сарматского населения имели неглубокие, примерно в 1 м., ямы-погребца для хранения зерна и вяленой рыбы. Выкапывались такие ямы-погребца в углу жилища, имея расширяющуюся книзу конусообразную форму. Дно погребков выкладывалось камнями, а стены для прочности иногда подвергались обжигу.

Помимо жилищ для жилья, существовали также различные постройки хозяйственного назначения: хлевы для содержания скота, навесы для хранения сетей и неводов с каменными и глиняными грузилами и т. д.

Наличие в культурных слоях построек типичных следов пожарищ не оставляет сомнения в том, что скученные и легковоспламеняющиеся жилища нередко становились добычей огня и сгорали до основания, после чего население отстраивалось вновь. В некоторых сарматских поселениях, впрочем, существовали и более крупные, капитальные каменные строения, иногда с плоскими крышами, крытыми привозной черепицей. Такие строения обыкновенно служили общественным целям.

Среди бытовой утвари жилищ — глиняных светильников, приспособлений для прядения и ткачества и других предметов — следует особо отметить наличие глиняной посуды. Сарматы пользовались значительным количеством самых разнообразных сосудов как местного производства, так и привозных.

К числу сосудов местного изготовления относятся сработанные при помощи гончарного круга сероглиняные кувшины разных размеров, глубокие чашки — миски, различные мелкие сосудики. К привозным сосудам относятся вкапывавшиеся в землю крупные (иногда очень больших размеров) красноглиняные пифосы¹, амфоры, мелкие сосуды тех или иных форм.

Глиняные и каменные грузила — частые находки в остатках сарматских поселений Нижнего Дона. Археологам попа-

¹ В Новочеркасском музее можно видеть один из таких пифосов, найденных в Недвиговке, — огромный толстостенный глиняный сосуд яйцеобразной формы. Его высота — без малого два метра. Вес пифоса — около 20 пудов.

даются и глиняные конусообразные подвески со сквозными отверстиями в верхней части,—по своему виду также напоминающие грузила. Однако их малые размеры позволяют предполагать, что в данном случае перед нами подвески, служившие частями приспособления для прядения и ткачества, а, возможно,—и для вязания сетей.

Рыбу ловили в Дону и его притоках сетями и неводами. Кухонные отбросы в сарматских поселениях изобилуют остатками судака, сома, щуки и других рыб.

Что касается скотоводства, то сарматы разводили как крупный, так и мелкий скот. Лошадь служила и средством передвижения, и источником получения кобыльего молока, которое, как и у скифов, являлось тогда одним из продуктов питания. Для получения молока разводились и коровы. Быки использовались как тягловый скот. Свой скот сарматы держали круглый год на подножном корму. Из раскопок сарматских поселений известны черепа крупных волкоподобных собак, с помощью которых охранялся скот. Разводились сарматами также овцы, козы и свиньи.

Широкое распространение получили у сарматов знаки, подобные «знакам собственности» у современных народов (тавро, тамга). Множество этих знаков встречается на каменных плитах из строений Танаиса Возобновленного. В греческих надписях они иногда сопутствуют именам боспорских царей. Известно присутствие таких же знаков на монетах, отдельных предметах—пряжках, бляшках и др. В своей основе эти знаки представляли собой знаки отдельных родов. У некоторых царей Боспора, близких к сарматской среде, тамгообразные знаки получили значение царских гербов, как, например, у Тиберия Юлия Евпатора и др. С течением времени подобные знаки стали также символом собственности отдельных семей или лиц. Не лишне отметить широкое распространение подобных знаков у современных осетин, клеймящих ими скот. Эти клейма поразительно напоминают те же недвиговские знаки. В связи с этим следует указать на то, что в осетинах ученые видят потомков сарматского племени алан. И характерно, что многие имена из танаисских надписей, в свою очередь, ведут нас к языку осетин. В названии «Дон» (река Дон) также нельзя не увидеть этой же связи с осетинскими названиями рек: Гизельдон, Аардон.

Находимые при раскопках предметы древности, дошедшие до нас изображения сарматов, свидетельства античных писателей позволяют нам воссоздать, в общих чертах, и женское и мужское одевание сарматов.

Одежда сарматских женщин, занимавшихся домашним хозяйством: приготовлением пищи, пряденьем, ткачеством, шитьем и пр., представляла собой длинную рубаху с прямым

разрезом ворота, который застегивался бронзовой фибулой (булавкой)¹.

Широкое распространение имели круглые бронзовые зеркала, ручные медные браслеты и кольца и, особенно, такой предмет украшения, как бусы. Сарматские женщины носили бусы самых разнообразных форм, величины и расцветки. Сарматы охотно приобретали привозные инкрустированные бусы стеклянные, янтарные, халцедоновые, костяные и другие, а также подвески—амулеты из цветной пасты или смальты (жук-скарабей—«на счастье», божок Бэс—«для веселой жизни» и другие).

Сохранились сообщения древних писателей об обычае сарматов раскрашивать себе тела. Так, Клавдий Элиан (II—начало III веков н. эры) сообщает: «Я замечаю, что некоторые из чужеземных племен употребляют известные травы для раскрашивания своих тел ради красоты и постоянного обычая. По крайней мере, женщины у варварских народов намазывают себе разными растительными мазями лицо, а у даков и сарматов даже мужчины расписывают себе тела».

Мужчины-сарматы носили костюм, состоявший из подпоясанной ремнем куртки и штанов, заправленных в невысокие мягкие полусапожки. На изготовление одежды шли ткани летом и шкуры зимой.

Типичной принадлежностью мужского сарматского одеяния являлись точильный брусок и кремь с кресалом в кожаном или холщевом мешочке, а также железный прямой кинжал. Образцом такого кинжала может служить железный кинжал из сарматского погребения начала н. эры, обнаруженного в окрестностях хут. Тузлукова, что между ст. Манычской и хут. Веселым. Длина кинжала, включая рукоять, — до 40 см. Кинжал имеет прямую крестовину и набалдашник в виде сплошного кольца. Рукоять и лезвие имеют явственные следы дерева (деревянная обкладка рукоятки и ножен). Такие же кинжалы характерны для сарматов Прикубанья и Поволжья.

Конные сарматы-воины имели на вооружении длинные копья с железными наконечниками, прямые мечи длиной до 1 метра. По левую сторону висел колчан-горит с двояковыгнутым коротким луком и стрелами с железными трехгранными наконечниками.

¹ Принято считать, что фибулы получили распространение в северном Причерноморье, Прикубанье и Приазовье под влиянием античной культуры. Заметим, однако, что к моменту появления на берегах Черного моря древнегреческих колоний фибулы у самих греков давно вышли из употребления, и находки фибул в этих колониях отсутствуют. Больше оснований видеть в фибулах сарматского времени влияние кавказской фибулы.

Сарматы как воины были, подобно скифам, конными стрелками; лук и стрелы были в их руках излюбленным оружием.

«Почти все аланы,—пишет римский историк IV века Аммиан Марцеллин,—высоки ростом и красивы... Они страшны сдержанно-грозным взглядом своих глаз, очень подвижны вследствие легкости вооружения... У них считается счастливым тот, кто выпускает дух в сражении».

Обряд захоронения придонскими сарматами своих покойников известен теперь во многих подробностях. Сарматские погребения первых веков н. эры широко распространены и часто встречаются на территории Ростовской области; не раз встречались они и в черте города Ростова-на-Дону.

Особенно хорошо изучен могильник Гниловского городища, находящийся на правом берегу балки Кульбаковой¹.

Сарматы выкапывали глубокую (от 2 до 3 метров) и длинную (до 2,2 метра) яму, шириной в 80 см. с почти отвесными стенками, а по длине ямы на уровне дна делался «подбой» (подкоп в сторону), в котором и хоронили умерших в вытянутом положении, головою на юг. Такой способ захоронения применялся, очевидно, с целью скрыть погребение от грабителей, ибо, следуя издавна установившемуся обычаю, сарматы продолжали класть в могилу, вместе с умершим, различные вещи и предметы.

Скелетам часто сопутствуют предметы быта, украшения — бусы, бронзовые зеркала и фибулы, пряслицы и др.; у головы покойника обычно находятся сосуды, чаще всего — местной работы, но иногда — и привозные, вплоть до амфор.

По количеству могильного инвентаря мужские погребения, как правило, более скудны, чем женские. Могильники при поселениях не имеют наземных признаков, степные же погребения, особенно — сарматской знати, имеют земляные насыпи — курганы.

Обычай искусственной деформации черепа имел место и среди сарматов Подонья-Приазовья. Однако находки здесь деформированных черепов относительно редки. Насколько можно судить, все подобные находки связаны с богатыми погребениями.

Во всяком случае, обычай искусственной деформации черепа не получил на Дону такого широкого распространения, как, например, в Поволжье, где в некоторых могильниках число деформированных черепов достигает от 20 до 70% к общему числу погребенных.

Для понимания верования и культов сарматов большое

¹ См. — Остатки сарматского поселения у станицы Нижне-Гниловской, Сборн. «Памятники древности на Дону», I, Ростов-на-Дону, 1940, стр. 25—34.

значение имеют также нередко находимые в курганах и городищах Придонья и Прикубанья глиняные кувшины с ручками в виде фигур животных, главным образом,—барана, птицы, головы которых всегда обращены к отверстию кувшина. Такие кувшины или обломки их ручек найдены, в частности, на Кобяковом, Гниловском, Кизитиринском и других нижнедонских городищах и связанных с ними могильниках, в кургане близ хутора Веселого у северного конца плотины Манычского канала и т. д. Фигуры животных сделаны иногда весьма реалистично, а иногда, наоборот, крайне схематично и условно, вплоть до изображения лишь отдельных частей головы животного—глаз, ушей, рогов.

Образ животных, особенно—барана, занимал видное место в религиозно-культовых представлениях сарматов, веривших в оберегающую силу животного. По раскопкам древнесарматских погребений известно, что с покойником клали в могилу пищу из баранины. Вообще, культ барана—один из древнейших культов для ряда народов и местностей земного шара. Он восходит к тотемистическим представлениям первобытных людей. Кое-где этот культ сохранялся как пережиток очень долго, вплоть до недавнего времени. Интересно, например, что у горцев Дагестана существовала такая поговорка: «Сосуд без ручки надо закрывать, а в сосуд с ручкой шайтан (злой дух) не войдет»¹.

Изображение барана и других животных на ручках сосудов обеспечивало, по верованиям сарматов, защиту сосуда с содержащейся в нем жидкостью от воздействия дурного глаза, от проникновения внутрь злых духов, враждебных человеку сил. Тем же целям, надо полагать, служили и изображения фигур животных на бронзовых котелках римского времени, найденных на границе между Ростовом-на-Дону и Нахичеванью и в других местах.

Среди погребений сарматской знати особенно выделяется и пользуется широкой известностью богатейшее погребение, случайно открытое в 1864 году в черте города Новочеркасска в кургане «Хохлач». Это погребение вошло в науку под названием «Новочеркасский клад». Он ярко свидетельствует о социально-экономической мощи правящей сарматской верхушки.

В кургане была захоронена одна из сарматских «цариц» II века н. эры.

В состав могильного инвентаря входили: 1) диадема (головной венец, обруч) из листового золота, украшенная разно-

¹ К. М. Скалон. — Изображения животных на керамике сарматского периода, Гос. Эрмитаж, Труды Отдела истории первобытной культуры, I, Л., 1941, стр. 173—218.

цветными камнями—бирюзой, овальными гранатами и аметистами, жемчугом, резным из халцедона женским бюстом с римской прической, изображениями оленей, птиц и деревьев и различными привесками из золота; 2) массивное золотое ожерелье с горельефными изображениями животных, в глаза которых вставлены топазы, а бедра инкрустированы бирюзой и розовым кораллом; 3) два золотых массивных спиральных браслета, каждый из которых заканчивается изображениями лежащих чудовищ, которые грызут хвост друг другу; 4) три золотых складных коробочки; 5) золотой флакончик для духов (высотой в 9 см.) на цепочке; тулово флакончика опоясывают изображения барса и орла, которые терзают оленя; по шейке флакончика бегут животные (повидимому, зайцы); 6) продолговатый агатовый флакон-цилиндр, с фигуркою льва из чеканного золота; 7) золотая фигурка Эроса (бога любви), играющего на свирели; 8) два золотых кубка-чаши, один из которых — с ручкой в виде оленя; 9) два серебряных кувшина; 10) три бронзовых поломанных сосуда; 11) множество золотых украшений, видимо, от одежды, в том числе — бляшки с изображением оленя; 12) остатки золотых нитей; 13) обломки различных серебряных вещей; 14) фрагменты терракотовой статуэтки и глиняного сосуда и др.¹

Шедевром среди всех этих вещей является диадема, изготовленная явно не греческим, но «варварским» мастером. Ее главным украшением служит венечный фриз, посредине которого изображены растения с идущими между ними оленями и козлами, инкрустированными бирюзой. Что касается халцедонового женского бюста в центре диадемы, типично римской работы, то он явно принадлежал другому изделию, из которого был вынут и вставлен в диадему местной, «варварской», работы.

Золотой массивный сосуд сарматского времени, близкий новочеркасскому сосуду, с ручкой в виде оленя был найден в станице Мигулинской, на Дону. Он имеет 11½ см. высоты и снабжен ручкой в виде хищного зверя; по шейке сосуда идет поясок вырезанных в золоте вглубь ромбов и треугольников. Изготовлен сосуд в пределах Боспорского царства, в одном из его городов, быть может, даже и в самом Танаисе (как это предполагает М. И. Ростовцев). По верху мигулинского сосуда идет «точечная»—сделанная наколом—греческая надпись: «Тарулос сын Ксеванок сделал».

Тарулос, Ксеванок... Перед нами явно фракийские имена, а известно, что немало фракийцев обитало и в пределах Бос-

¹ Русские древности в памятниках искусства, издаваемых И. Толстым и Н. Кондаковым. Вып. III. Древности времен переселения народов, СПб, 1890, стр. 132—140.

порского царства. Вполне вероятно, что фракийские имена могли носить и сарматы по происхождению¹.

По мнению такого выдающегося знатока южно-русских древностей, как М. И. Ростовцев, и Новочеркасский клад и золотой сосуд из станицы Мигулинской характерны бросающейся в глаза связью их с западно-сибирскими древностями, с одной стороны, и так называемыми готскими находками в Пантикапее — с другой. Помимо этого, новочеркасская и мигулинская находки тесно и непосредственно связаны с кубанскими находками позднего эллинизма, отражающими как кавказские влияния, так и, главным образом, влияние Ирана. Сочетание этого и дало тот своеобразный, самообытный и неповторимый стиль, каким отмечены золотые предметы из Новочеркасска и Мигулинской.

Заслуживает также внимания погребение, найденное в 1927 году в окр. станицы Мелеховской, в 4,5 км. от правого берега Дона. Оно содержало в себе скелет с деформированным черепом и ряд предметов, среди которых особо выделяется бронзовый кастрюлеобразный ковш римского типа с греческой надписью на ручке, дословно гласящей следующее: «ГЛ Диадумен (увенчанный золотом), младшим посвятил в правление Феофила». Ковш был подарен неким Диадуменом существовавшему тогда какому-то союзу молодых людей и был изготовлен, по всей вероятности, в римском городе Капуе (центр Кампании) на Аппенинском полуострове.

Еще одной примечательной находкой является комплекс вещей из погребения III века н. эры, случайно обнаруженных в 1868 году при рытье котлована в 1½ верстах от берега р. Морской Чулек при впадении ее «в устье донецких гирл» (примерно в 30 верстах от Таганрога). Среди вещей: семь круглых блях — «медальонов» — из тонкого резного золота, украшенных пилеными стеклянными пластинками вишневого цвета, кусочками голубой смальты и гранатовыми стеклышками слегка выпуклой формы, которые вделаны в находящуюся в центре перегородчатую звезду; пять «киотцев» со вставными плитками из лилового стекла и багряного и голубого пурпура; сердцееобразные подвески, перстни с вделанными в них светлокрасными сердоликами, а также перстни с овальными гнездами, в которые вделаны гранаты и сердолик с античным изображением дельфина; дутые золотые серьги — «калачики», усыпанные бисерными нитями; легкие и массивные золотые браслеты, один из которых с «точечной» надписью — наколом латинскими буквами и другие предметы. «Медальоны» и «киотцы» представляют собой части богатого конского убора.

¹ Фракийцы — племена, населявшие Фракию — область, ограниченную с севера Дунаем, с востока — Черным, Мраморным и Эгейским морями.

Сопоставление новочеркасского, мигулинского, чулекского погребений с однообразными и бедными погребениями рядовых сарматов еще и еще раз подчеркивает всю глубину социальной дифференциации, общественного и имущественного неравенства в среде сарматских племен Подонья-Приазовья. Совершенно ясно, что головные уборы и ожерелья из золота и драгоценных камней, золотые сосуды и им подобные редкие и дорогостоящие предметы роскоши являлись уделом немногочисленной местной знати, в руках которой сосредоточивались крупные богатства, нажитые за счет эксплуатации и угнетения соплеменников.

С жизнью донских сарматов связана еще одна очень интересная страница. Среди многих народов мира некогда была распространена легенда об амазонках — грозных женщинах-воительницах, мужененавистницах, умеющих ездить верхом, стрелять из лука, равных мужчинам и даже превосходящих их своей храбростью.

Согласно легенде, амазонки — безгрудые, так как они якобы выжигали себе правую грудь для удобства стрельбы из лука.

На предложение заняться мирным трудом, ремеслом следовал такой ответ амазонок: «Мы стреляем из луков, бросаем дротики, ездим верхом, а женским работам не обучены».

Легенда об амазонках имеет вполне реальные корни и отражает определенные черты общественного строя, в виде долго сохранявшихся у некоторых племен древности пережитков матриархата. Известно, что в некоторых местах матрилинейный (по линии матери) счет родства доживал до классового общества. Этнографы отмечают относящийся к недавнему времени, вызванный пережитками матриархата, пример высокого положения и воинственных нравов женщин у кочевых племен скотоводов — туарегов — в Африке.

«Ни одна девушка, — рассказывает Геродот об амазонках, — не выходит замуж, пока не убьет врага. Некоторые из них и умирают в старости безбрачными, потому что не могли выполнить этого требования».

Медицинский трактат псевдо-Гиппократ (рубеж VI—V веков до н. эры), говоря о родственниках скифам савроматах, указывает, что «их женщины ездят верхом, стреляют из луков, мечут дротики с коня и сражаются с врагами, пока они в девушках. Они остаются в девицах, пока не убьют трех врагов». В «Описании моря, прилегающего к населенной Европе, Азии и Ливии» Скилака Кариандского (вторая половина IV века до н. эры) читаем: «От реки Танаиса начинается Азия и первый народ ее... савроматы. Народ савроматов управляется женщинами. За женоуправляемыми живут меоты». Историк Эфор (IV век до н. эры) называл савроматов «управ-

ляемыми женщинами». Николай из Дамаска сообщает, что «савроматы... женам своим во всем повинуются, как господам». Другие указывают, что у сарматов вместе с мужчинами шли на войну и женщины.

Любопытно, что античные писатели — Геродот, псевдо-Гипократ и другие — упорно утверждают, что амазонки распространяли свою власть на побережье Азовского моря и на южное Причерноморье, при чем в городах последнего культ женщин-героинь действительно сохранялся очень долго¹.

При современном уровне наших знаний нет места сомнениям, что единообразные утверждения античных писателей о женовластии у савроматов вполне обоснованы и относятся, прежде всего, к территории и подвластным царям Боспора племенам меотов в низовьях Дона, а также к соседним с ними на севере и востоке племенам савроматов — наиболее древним сарматским племенам. По Геродоту, меоты — обитатели земель, по которым течет Танаис (Дон), а савроматы живут за Танаисом.

Данные археологии также неоспоримо свидетельствуют о том, что среди сарматских племен бытовал культ женщины-жрицы.

Сосредоточение погребений вокруг прародительницы говорит о роли матери-предка в среде рода и большой семьи. Данные раскопок подтверждают и то, что многие сарматские женщины были женщинами-воинами, в частности, — стрелками из лука. Б. Н. Граков указывает на ряд курганных погребений различных периодов сарматского времени, в которых хоронились вооруженные женщины, иногда вместе со своими конями и даже с человеческими жертвами. У женских скелетов, наряду с украшениями — бусами, браслетами и предметами туалета — зеркалами и другими вещами, лежат мечи, наконечники стрел, остатки колчанов, копья, каменные блюда — алтари на ножках в виде голов животных (одно из таких блюд хранится в Новочеркасском музее). Лишь с течением времени патриархальное начало окончательно берет верх над материнским, и культ женщины-жрицы, воительницы, родоначальницы сходит на-нет.

¹ Отзвуком существования амазонок в Подонье-Приазовье является миф, скомпонованный жившим при Траяне и Адриане Плутархом из Александрии. «Танаис, — пишет Плутарх, — река в Скифии; она прежде называлась Амазонской, потому что в ней купались амазонки, а переименована была по следующей причине: Танаис, сын Беросса и одной из амазонок Лисиппы, будучи очень скромным, ненавидел женский пол, чтит только Ареса и с презрением относился к браку. Но Афродита вселила в него страстную любовь к его собственной матери; он сначала боролся со своей страстью, но затем, одолеваемый роковым мучением и желая остаться непорочным, бросился в Амазонскую реку, которая, по его имени, и была переименована в Танаис».

С III века н. эры в степях Причерноморья появились племена готов, родственные восточно-германским племенам. Они совершали нападения на греческие колонии, на территорию Восточной Римской империи, а также на ранне-славянские племена. Готы не принесли с собой новой, более высокой культуры, и потому не только не оказали сколько-нибудь заметного влияния на местную культуру, но, наоборот, сами подверглись значительному воздействию старой культуры сарматского населения южно-русских степей. К тому же само пребывание здесь готов явилось недолговременным. Уже в IV веке их вытеснили другие племена, и лишь в крымских горах на некоторое время сохранилось численно небольшое готское население. Тенденциозные попытки немецко-фашистских историков доказать якобы крупную политическую и культурную роль готов в южно-русских степях абсолютно беспочвенны и не выдерживают никакой критики.

Новейший исследователь готской проблемы проф. А. Д. Удадьцов приходит к выводу, что готы никогда не составляли на юге единого государства, обширной «державы», якобы господствовавшей над населением Восточной Европы, в том числе—над славянами. Занятая готами территория была очень незначительной по размерам. Сами готы распались на ряд военных групп, независимых друг от друга. Большинство местных племен оставалось независимым от готов, образуя в борьбе с ними военные союзы¹.

Что касается пребывания готов в Подонье-Приазовье, то этот вопрос остается открытым. Связи между сарматским населением приазовских и придонских степей III—IV веков и готами существовали несомненно. Явных же следов пребывания в нашем крае самих готских племен не установлено.

ВТОРЖЕНИЕ ГУННОВ В ПОДОНЬЕ-ПРИАЗОВЬЕ

В IV—V веках н. эры в истории Подонья-Приазовья произошло много событий, правда, не совсем еще ясных, в результате которых кипучая жизнь на какой-то срок утрачивает здесь былую широту и размах.

Трудно сказать, что именно и когда точно прервало длительную жизнь сарматских поселений Подонья-Приазовья и такого крупного центра, как Танаис, но основной причиной этого явилось, несомненно, вторжение гуннов, появившихся здесь в конце IV века.

Гунны (китайское «хунну») в европейских источниках встречаются впервые в конце I—начале II веков н. эры, но в ки-

¹ А. Д. Удадьцов.—Древнейшее население Восточной Европы и проблема славянского этногенеза. Реферат работы, М.-Л., 1947.

тайских источниках они упоминаются уже во II тысячелетии до н. эры, когда гунны кочевали на территории от Тянь-Шаня и степей Казахстана до Желтой реки¹. Центром державы гуннов были степи современной Монголии, к югу от реки Орхон. Мирное сожительство гуннов с китайцами часто сменялось враждебными отношениями, жестокой борьбой друг с другом.

Во II веке до н. эры союз 24-х гуннских племен контролировал все пути и подступы из Китая на запад, но уже в I в. н. эры гунны оказались вынужденными признать владычество Китая. Что касается северных гуннов, то они оставались самостоятельными до конца I века н. эры. К этому же времени относится начало движения северных гуннов на запад. Союз племен—«сянь-би»—в Центральной Азии оттеснил гуннов за Алтай, и вскоре мы застаем их уже в бассейне реки Или и озера Балхаш, где они явились организаторами «варварских» племен Средней Азии.

Объясняя причины движения «варварских» племен, Маркс говорит: «...давление избытка населения на производительные силы заставило варваров с плоскогорий Азии вторгаться в древние культурные государства... То были пастушеские племена, охотники и воины; их способ производства требовал обширного пространства земли для каждого отдельного индивидуума... Когда они увеличивались в числе, то сокращали друг другу площадь производства. Поэтому избыточное население было вынуждено пускаться в те великие сказочные странствия, которые положили начало образованию народов в древней и новой Европе»².

Литературные и вещественные памятники свидетельствуют, что гунны были типичными кочевниками и, при этом, хорошими воинами—прирожденными наездниками и меткими стрелками из лука. Сами о себе гунны говорили: «Сражаться на коне есть наше господство, и мы страшны перед всеми народами».

По пути своих передвижений гунны вовлекали в свой состав и некоторое количество других кочевых племен. Проникнув в Среднюю Азию, часть гуннских племен осталась кочевать в ее пределах, а часть двинулась дальше на запад, в направлении прикаспийских и приволжских степей.

Около 370 года н. эры гунны вошли в соприкосновение с обитателями берегов Азовского моря и низовьев Дона.

В 375 г., предводительствуемые царем Баламером, гунны перешли реку Дон. Сарматские племена аланов, оказавшие им сопротивление, подверглись разгрому. Вслед за тем мы

¹ К. Иностранцев.—Хунну и гунны. Издание института живых восточных языков, Л., 1926, 152 стр.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IX, стр. 278—279.

встречаем гуннов уже далеко на запад от Дона—на северном берегу Дуная, между Дунаем и Тиссой, где и сложился политический центр гуннской державы (крупного племенного объединения) Атиллы, распавшейся из-за внутренних междоусобиц после смерти в 453 году самого Атиллы—«бича божия и молота вселенной».

У римского историка Аммиана Марцеллина содержится следующее указание относительно нашествия гуннов и конца Танаиса: «Именно гунны,—пишет Аммиан Марцеллин,—вторгнувшись в земли тех аланов — прежних массагетов, которые сопредельны с гревнугами и обыкновенно называются танаитами,—многих перебили и ограбили, а остальных присоединили к себе».

Нашествие гуннов было настолько сильным и грозным, что, подобно позднему нашествию монголо-татар, произвело потрясающее впечатление на современников. Один из римских писателей образно сравнивал нашествие гуннов со снежным вихрем, налетевшим с высоких горных вершин.

Аммиан Марцеллин писал: «Племя гуннов... превосходит всякую меру дикости... Все они отличаются страшным и чудовищным видом... Кочуя по горам и лесам, они с колыбели приучаются переносить холод, голод и жажду... У них никто не занимается хлебопашеством и никогда не касается сохи... Их можно назвать самыми яростными воителями... Это подвижной и неукротимый народ».

«Вот весь Восток задрожал,—добавляет Евсевий Иероним (IV—V века),—при внезапно разнесшихся вестях, что от крайних пределов Меотиды, между ледяным Танаисом и свирепыми народами массагетов... вырвались рои гуннов, которые летали туда и сюда на быстрых конях, все наполняя резней и ужасом...».

Проходя по степям, гунны сгоняли с земли прежнее население. Часть жителей истреблялась или обращалась в рабов, другая часть вливалась в гуннский племенной союз и следовала вместе с ним дальше. Все же большое количество алан и после гуннского нашествия еще бытовало в VI—IX веках н. эры на Северном Кавказе и от Волги до Днепра, в том числе—и в бассейне Дона, подпав тогда частично под владычество хазар¹.

¹ Иногда аланы выступали и тогда в качестве самостоятельной, притом, враждебной хазарам силы.

«Когда властодержец Алании,—свидетельствует Константин Багрянородный,—с хазарами не в мире, а предпочитает дружбу императора ромеев (восточной римской империи), то хазарам, если они не захотят также пребывать с императором в дружбе и мире, он может наделать весьма много зла, залегая им в пути и нападая на них внезапно, при проезде их в Саркел (на Дону—Б. Л.), или в Климаты (Крым—Б. Л.) или Херсонес».

Падение Танаиса и северно-причерноморских греко-римских колоний было ускорено ослаблением самой Римской империи. Уже в III веке н. эры в Риме шли непрерывные политические смуты. Восстания рабов, крестьян и ремесленников являлись признаком наступления революции и начала гибели рабовладельческого Рима. Вторжение варваров еще более ослабляло империю. Рим стал терять свои колонии. Гибель Танаиса и других городов Боспора была одной из страниц в истории столкновения «варварского» мира с рабовладельческим римским государством и его владениями.

Приход гуннов пресек тысячелетнюю жизнь Танаиса и связанных с ним поселений. Во всяком случае, последующие два столетия, судя по письменным источникам, касающимся Подонья-Приазовья, и по археологическим памятникам, заполнены неясными для нас передвижениями, столкновениями, распадом и объединением различных старых и новых племен,

СЛАВЯНЕ И ВОПРОС ОБ ИХ ПОЯВЛЕНИИ НА ДОНУ

В это время в истории Подонья-Приазовья открываются новые страницы, тем более значительные, что они будут связаны вскоре с историей заселения нашего края славянскими племенами, сам процесс формирования которых, как мы уже говорили, неотделим от процесса развития племен скифо-сарматского круга. Как в свое время скифы не исчезли бесследно, но в значительной своей части влились в состав сарматских племенных образований, так и приход гуннов не мог, разумеется, навсегда и полностью оборвать жизнь сарматских племен Причерноморья-Приазовья.

К тому же, вообще, «ни один народ, — замечает по сему поводу проф. В. В. Мавродин, — как физическая величина, не исчезает бесследно. Народ вечен. Каждый народ, имя которого, речь, культура, обычаи, соматические (антропологические) особенности с течением времени исчезают, все же продолжает жить в лице своих далеких потомков, и древние племена и народы должны быть учтены как творческая сила формирования позднейших и современных народностей и наций... Все передвижения и переселения народов, — а они в истории бывали и неоднократно, — как правило, не затрагивают основных масс населения той или иной области, страны, края как физической величины...»¹.

Не все, конечно, племена Восточной Европы играли равную роль в качестве творческой силы формирования славянства. Установлено, что в этногенезе восточного славянства

¹ В. В. Мавродин. — Начальный этап в истории русского народа и государства. Труды Секции Исторических Наук Юбилейной Научной Сессии Ленинградского Государственного Университета, Л., 1948, стр. 80.

значительно большую роль играли древние оседлые земледельческие племена, например, Среднего Приднепровья и в гораздо меньшей степени — кочевые и полукочевые племена южно-русских степей. Заселение южно-русских степей славянами, как таковыми, относится к более позднему времени.

Но к какому именно?

Как особый народ славяне были известны очень давно. Еще древнеримские писатели I и II веков н. эры упоминают о ранних славянских племенах—венедах. Много сведений о ранних славянах мы черпаем в трудах византийских историков VI—VII веков (Прокопия, Агафия, Менандра, Протиктора, Феофилакта, Маврикия, Феофана), в трудах готского историка VI века епископа Иордана (или Иорнанда), а также в сирийских и других источниках.

В V главе своей готской истории (551 г.), посвященной географии Скифии, Иордан указывает на территорию расселения славян западных и южных (склавин) и восточных (антов), которые раньше были известны под одним общеплеменным именем — венедов (славян вообще)¹. Оказывается, уже в те далекие времена славянские племена были расселены на весьма обширной территории.

В VI веке у славян существовал родовой строй, жили они отдельными родами и племенами. Счет родства велся у славян по отцовской линии, что говорит о патриархальной родовой общине. Отдельные племена славян нередко находились во вражде друг с другом. Однако, когда славянам угрожала опасность со стороны врага или когда они выступали в походы против соседей, между славянскими племенами заключались союзы, во главе которых становились старейшины, наиболее влиятельные и родовитые военные вожди². Все это говорит «о развивающейся из родового строя военной демократии» (Энгельс).

На военно-демократический образ жизни славян указывает и то, что они созывали народные собрания по военным и другим вопросам.

Занимались славяне земледелием, скотоводством, охотой; они также вели торговлю. Известно, что в земли, населенные антами, ввозились украшения и оружие из причерноморских и придунайских городов. Вывозились от антов различные меха и т. д.

Жилищами восточных славян часто являлись землянки, которые имели по бокам земляные «скамьи», а в середине —

¹ Склавины (словене)—племенное название, которое дали себе сами славяне. Антами же славяне сами себя не называли (это было имя, данное восточным славянам иностранцами).

² Когда военные действия прекращались, переставала действовать и власть общего начальника славянских племен.

круглые глинобитные печи. Рядом с землянками располагались хозяйственные ямы—хранилища. При раскопках древних славянских поселений в таких ямах обнаруживают зёрна проса, что свидетельствует об использовании ям для хранения хлебных зерен, а также кости домашних животных — коровы, свиньи, овцы, козы. В ямах, куда выгребалась зола из печи, находят рыбы кости и чешую. Славяне выделявали в своих поселениях глиняную посуду, изготавливали металлические изделия — железные ножи, серпы, рыболовные крючки и т. д.

Жили славяне также в хижинах. Для защиты от внезапных нападений врагов славяне нередко строили свои жилища в районе леса, болот, рек и стоячих озёр. Иногда жилища имели несколько выходов — на случай внезапной тревоги¹.

Замечательной чертой древних славян являлась их любовь к свободе и независимости, ненависть к иноземному господству, стойкая и решительная борьба против попыток порабощения.

Византийские писатели отмечают храбрость и свободолюбие славян, их честность, гостеприимство. В общественных делах славяне видели свое собственное дело и принимали в них горячее участие. С рабами-военнопленными, как правило, славяне обращались мягко и по истечении некоторого срока предоставляли им свободу. В военной обстановке, однако, в битвах и сражениях, они были беспощадны к врагам. Своей храбростью и стремлением к независимости славяне нередко достигали побед и над более сильным по вооружению противником, как это было, например, в схватках с восточно-римскими войсками.

О мягком отношении славян к рабам византийский писатель Маврикий, рассказывая о славянах VI века, пишет: «Находящихся у них (славян) в плену они не держат в рабстве, как прочие племена, в течение неограниченного времени, но, ограничивая их рабство известным сроком, предлагают им на выбор: желают ли они за некоторый выкуп возвратиться в их земли или же — остаться с ними на положении свободных и друзей»².

Во время походов славян дома оставались старики и старики, женщины и дети, а также лишь очень небольшое, необходимое для текущих работ и охраны количество мужчин.

¹ Любопытно, что при раскопках славянских городищ у Борщева на Дону были обнаружены землянки, связанные между собой подземными ходами.

² «Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н. э.» (сост. А. В. Мишулин). «Вестник древней истории», М., 1941, № 1 (14), стр. 253.

В походы выступали дружины; захватив добычу, они возвращались обратно.

Львиная доля добычи, полученной во время завоевательных походов, доставалась военным вождям, затем—дружинникам. Это усиливало имущественное неравенство внутри славянских племен.

Рабство у древних славян не получило такого широкого распространения, какое оно имело на территории древней Греции и Рима. Своими походами и набегами на территории рабовладельческих стран славянские племена способствовали окончательной гибели рабовладельческих государств, уже находившихся в то время в состоянии упадка.

Славяне сталкивались с рабовладельческими государствами в ту эпоху, когда рабовладельческий строй в этих государствах являлся в основном пройденным этапом, уступал дорогу новым общественным отношениям—феодализму. Это обстоятельство способствовало тому, что славяне сравнительно быстро вступили на путь феодального развития.

В VI—VII веках поселения славян в Западной Европе покрывали значительные части восточной Германии, а также территории современной (до первой мировой войны) Австро-Венгерской империи и Балканского полуострова.

Начиная с VI века, походы и набеги славян приобретают все более ярко выраженный завоевательный характер.

В VI веке военные дружины славян составлялись как из пеших, так и из конных воинов, вооруженных тяжелыми щитами, мечами, метательными копьями, луками и стрелами с ядовитыми наконечниками. Славянские воины умели хорошо биться и в степях, и в лесах, и в ущельях; они быстро ориентировались в местности, изобретая различные военные хитрости. Если враг настигал славян в походе в степи, то славяне устраивали укрепление из телег. Хорошо умели они скрываться от врага под водой, дыша через тростник. В бой славяне шли чаще всего пешими.

В начале VI столетия произошло первое вторжение славян на территорию Балканского полуострова. Они прошли Македонию, Фессалию, дошли на юге до Фермопил, на западе—до старого Эпира. С этого момента начинается длительное сопротивление византийского правительства дальнейшему вторжению славян на Балканский полуостров. Тем не менее их набеги и походы продолжались, и славяне не раз хозяйничали на полуострове, пока в VII веке Дунай не перестал служить каким-либо препятствием для вторжения славянских племен. Вскоре поселения славян покрыли почти всю территорию Балканского полуострова.

Утвердившись на морском побережье, славяне предпринимали отсюда на своих ладьях успешные морские набеги на

острова Эгейского моря, доходя до Крита, а также совершали нападения на крупнейшие центры Восточной римской империи—Фессалоники и даже Константинополь. Вслед за Балканским полуостровом славяне стали массами появляться в Малой Азии.

Как быстро возрастало военное могущество славян, можно судить, например, по тому факту, что в середине 70-х годов VI века 100-тысячный отряд славян, разделенный на 4 колонны, прошел по всей Фракии до Фракийского Херсонеса и до линии крепостных стен города Анастасия. Греки не могли противостоять натиску славян.

Славянам приходилось воевать не только с греческим государством в лице Византии, но еще и с германскими и другими племенами.

Славяне постепенно переходили от первобытно-общинного строя к истокам своей государственности.

Долгое время многие ученые считали, что начало государства Руси совпадает с призванием варягов. Это, конечно, не так. Сказание о призвании варягов представляет собой лишь материал к истории северного княжества¹. Первая известная точная дата существования государства Руси относится ко времени еще до появления варягов. Так, в одном из старинных документов (аналы епископа французского города Труа Пруденция) говорится о прибытии в 839 году к императору франков Людовiku Благочестивому (814—840), сыну Карла Великого, послов от Византийского императора Феофила вместе с представителями «народа Рос». Этот же документ рассказывает, что росы имели у себя царя, посылавшего в Византию послов «для заключения дружбы»².

Таким образом, Рос, или Русь, к 839 году имела царя, посылала своих послов в соседние страны. Значит, 1100 лет тому назад государство Русь уже существовало и было известно в ряде стран. А так называемое призвание варягов, будто бы имевшее место в 862 году, никак, следовательно, не может считаться началом существования государства Руси, даже если это событие—призвание варягов—имело бы место в действительности и не является легендой. А ведь летописный рассказ о «призвании» варягов полон всяких несуразностей и очень похож на известное ирландское предание о призвании трех братьев. Своими корнями рассказ о призвании варягов уходит в глубь веков и представляет собой по вре-

¹ Б. Д. Греков.—О роли варягов в истории Руси, журн. «Новое время», 1947, № 30.

² Царь росов носил также название хаkana, или кагана. Слово это восточного происхождения и указывает на длительное и тесное общение славян с восточными народами и, в частности, с хазарами. Арабский писатель X века Ибн-Руста называет правителя Руси—хаканрус, т. е. царь русских.

мени значительно более ранний рассказ, чем киевская летопись XI—XII веков.

Слово «Русь», следовательно, гораздо древнее и Киева, и Киевского княжества. Слово это пришло на север с юга. Некоторые ученые предполагают возможность существования с давних времен Азово-Черноморской Руси.

Когда же появились славяно-русы в Подонье-Приазовье?

Любопытно, что само национальное название русского народа—«Русь, Россия» связано с наименованием тех же алан-сарматов, обитавших в междуречье Дона и Днепра. Древние писатели (Страбон, Плиний, а затем византийские и другие писатели более позднего времени) упоминают о роксалах (рокасах или росах). При этом, само русское слово «язык» тоже ведет начало от наименования одного из сарматских племен—«языгов», обозначая первоначальное понятие «племя», «народ».

«За сагинами,—сообщает греческий историк Прокопий,—осели многие племена гуннов. Простирающаяся отсюда страна называется Эвлинсия; прибрежную ее часть, равно и внутреннюю, занимают варвары, вплоть до так называемого Меотийского озера и до реки Танаиса, которая впадает в озеро. Устье этого озера находится на берегу Понта Эвксинского (Черного моря). Тамошние жители, известные в древности под именем киммериян, теперь называются утигурами. Дальнейшие края на север от Меотийского залива занимают бесчисленные племена антов. Рядом с теми местами, где начинаются озера, живут готы, называемые тетракситами».

Прокопий, следовательно, прямо указывает, что племена антов занимали территорию на север от Азовского моря и Дона (рис. 20). Сведения Прокопия подтверждает и Иордан, рассказывающий, как готам пришлось выдержать натиск антов как раз в районе Азовского моря.

Интересно, что еще римский географ Птоломей (II век н. эры) сообщал, что в местностях по нижнему течению р. Дон живут «савиры». И у позднейших писателей мы находим указания, что на нижнем Дону живет народ, известный под названием савриков, сабиров, или савиров. Эти савиры (одно из сарматских племен) оказываются связанными исторически со славянскими племенами, с «северой»¹—упоминаемой в древнерусских летописях как самое юго-восточное из славянских племен.

Тот факт, что, например, сарматы были ближайшими родственниками некоторых славянских племен Восточной Европы, подтверждается и прямыми указаниями письменных документов². Так, известно, что аланы, представлявшие собой

¹ От северы и наименование Донца—Северский Донец.

² Очень любопытно, что в древних надгробиях III века, найденных в гор. Керчи (древнегреческая колония—Пантикапей), встречается имя Антас. Можно думать, что среди скифских племен около времени нашей эры уже имелось одно из племен, носивших это имя,—анты.

одно из сарматских племен, населяли территорию будущей южной Руси, что аланы и руссы предпринимали совместные военные действия, объединялись в общие дружины и т. д.

Можно привести, одним словом, много доказательств в пользу того, что история появления первых славянских племен в Приднестровье, в Подонье-Приазовье своими корнями

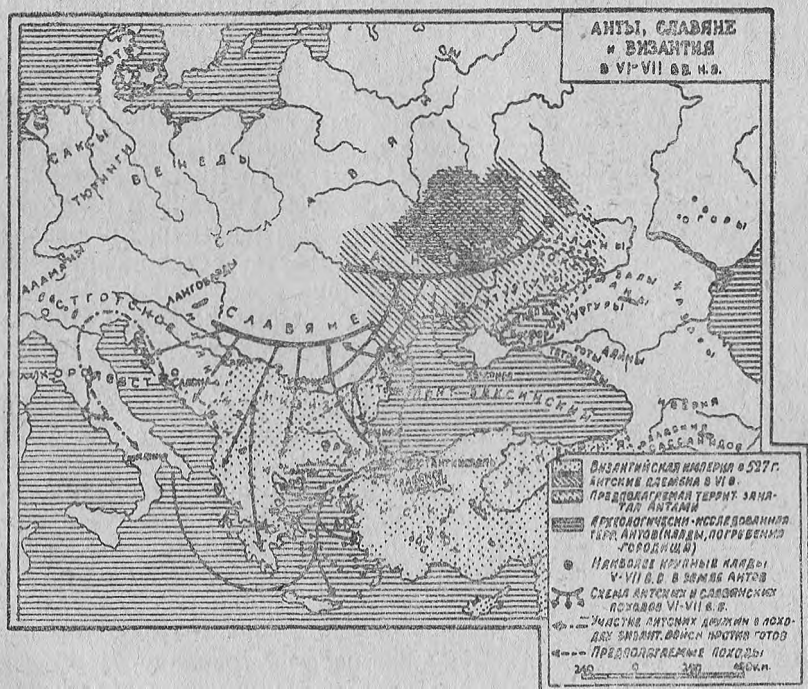

Рис. 20. Анты, славяне и Византия в VI—VII веках н. эры
(по Б. А. Рыбакову).

уходит в далекое прошлое, в глубь веков, в древний скифо-сарматский мир. С давних времен жили в степях по Дону и Донцу славянские и славянизирующиеся (близкие к славянам) племена. Впрочем, и некоторые из соседних с ними степных неславянских племен (из числа касогов, ясов и др.) тоже были не столь чужды славянам, находясь с ними в постоянном экономическом, торговом и культурном общении; часть славян в далекие времена проникала в глубь степей, оседала там, смешивалась с местным населением, воспринимала его в свою среду¹.

¹ Анты, в частности, участвовали в процессе смешивания северокавказских и приднестровских племен.

Все сказанное выше свидетельствует, что историю русско-го народа мы должны начинать с первых веков н. эры—периода оформления восточной ветви славянских племен, выступавших под именем антов и становившихся решающим началом в истории народов Центральной и Юго-Восточной Европы.

С конца V—начала VI веков племена восточных славян с особой силой вступают в активную политическую жизнь. Продвигаясь с течением времени на юг и юго-восток, восточные славянские племена начали заселять и бассейн Дона, местности по верхнему течению Дона, затем — области Нижнего Дона и Тамани. Проникновение славян на юг Восточной Европы было через некоторое время отмечено в Византийской империи и других государствах юго-востока указанием на появление здесь народа рос-русь. Византийские источники различают при этом антов, заселявших область северо-западного Причерноморья, и росов, обитавших в восточном Поднепровье, на Дону, по берегам Азовского моря, на Волге. Новейшие исследователи полагают, что в бассейнах Дона, Донца, Азовского моря пребывали не анты, но именно росы, русы, «представшие как новая могучая сила в политической жизни Причерноморья VIII—IX ст. и давшие восточно-славянским племенам свое древнее имя рос-русь»¹.

К сожалению, и до сих пор еще наука не в состоянии дать точного и бесспорного ответа, когда впервые появились поселения ранних славян в Подонье-Приазовье. На этот счет существуют различные точки зрения, и последнее слово науки далеко еще не сказано. Полагаться в данном вопросе только на известия древних писателей нельзя. В них мы находим самые общие определения, нуждающиеся в уточнении. Наиболее достоверные данные должны дать раскопки, изучение остатков материальной культуры, но и здесь только наша, советская наука обратила надлежащее внимание на работы в этом направлении, и должен пройти известный период времени для накопления достаточного количества тщательно и всесторонне изученного материала.

Что древние славяне в какой то мере были связаны с Подоньем-Приазовьем уже в VI—IX веках, проникали сюда, вели здесь меновые операции, жили среди других племен, — не подлежит сомнению. Этот факт начинает получать свое подтверждение и в вещественных находках.

На Дону, в окрестностях станции Романовской, были найдены, например, золотые аграфы—застежки времени VI века,

¹ П. Н. Третьяков.—Восточно-славянские племена в свете археологических исследований последних лет. Краткие сообщения Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра Академии Наук СССР, Вып. XIII, Л., 1946, стр. 39—44.

очень близкие к застешкам, обнаруженным в славянском кургане близ города Чернигова. О связях древних славян с Подоньем-Приазовьем говорят и письменные источники, сообщающие, например, о пребывании славян среди хазар и др.¹

Что же касается возникновения в Подонье-Приазовье постоянных собственно славяно-русских поселений, то пока они точно известны здесь лишь начиная с конца X века (так называемое «левобережное» городище в окрестностях станицы Цымлянской, поселение у хутора Потайновского, Кобяково городище у станицы Аксайской). 965 годом датировано и первое упоминание о славянах на юго-востоке в древнерусской летописи.

Специально изучавший данный вопрос И. И. Ляпушкин приходит к выводу, что «до второй половины X ст. поселения восточных славян не выходят в юго-восточном направлении за пределы лесостепи (верховья Ворсклы, Сев. Донца, устье Тихой Сосны), доходя на востоке до правого берега р. Воронежа (рубеж верхнего и среднего течения Дона, поселения в районе г. Воронежа); это определяется, во-первых, трудностью освоения для славян степных тяжелых почв, в силу наличия у них земледельческой техники, приспособленной лишь к более легким лесным и лесостепным почвам; во-вторых, довольно ранним (конец VII — начало VIII ст.) освоением лучших участков этого района (границы степи и лесостепи, а также берегов рек) степным туземным полуоседлым населением (Салтовское, Саловское, Ольшанское, Алексеевское, Маяцкое, Цымлянское и др. поселения так наз. салтово-маяцкой культуры); в-третьих, отсутствием у славян потребности в продвижении на юго-восток в степь в виду слабой заселенности той территории, на которой они обитали»².

Появление с конца X века славяно-русских поселений в Подонье-Приазовье не может быть полно и правильно понято без ознакомления с предшествующим периодом в истории нашего края.

¹ Восточные источники IX века называют три центра древней Руси: «Куябе» (Куяве, Куявию), под которым подразумевается Среднее Приднепровье с центром в Киеве, «Славию», представлявшую собой сложившееся в борьбе с грабителями-норманнами политическое объединение ильменских словен, кривичей, чуди, мери и веси, и «Артанию», расположенную где-то на юго-востоке.

Но где? Не включала ли эта «Артания» азово-черноморские земли? До сих пор вопрос о месте «Артании» остается открытым.

² И. И. Ляпушкин.—Славяно-русские поселения IX—XII вв. на Дону и Тамани по археологическим памятникам. Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 6, М.-Л., 1941, стр. 91.

К V веку в приазовских степях кочевали мало известные нам утургуры (или оногуры), а в степях, к западу от реки Дон и до реки Днестра—кутургуры.

В VI веке в южно-русские степи проникают родственные гуннам уйгурские кочевые племена аваров, или вархонитов, как их называли тюрки. По свидетельству древних писателей, авары походили своим внешним видом на «прочих гуннов», но носили длинные волосы, заплетали их в косы и украшали.

Племена аваров разгромили утургуров, а вслед за ними—и кутургуров. Аварам удалось довольно быстро продвинуться далеко на запад. Известно, что авары были союзниками Византии, но под конец выступали против нее, подвергнув, в частности, около 626 года, неудачной осаде столицу Византии—Константинополь.

С появлением аваров имя народа антов вскоре исчезает из римских и византийских литературных и других источников, хотя о поголовном уничтожении аварями антов, этой сильной и многочисленной группы славянских племен, конечно, не может быть и речи¹. Хорошо известно, что именно культура антского союза племен послужила основой для культуры Киевского государства и что многие явления в жизни Киевской Руси восходят своими корнями именно к антам—создателям всей культуры восточных славян. Появление аваров привело лишь к территориальным сдвигам в расселении антов, к частичному вытеснению их из ранее занимавшихся ими земель, что могло иметь место и в отношении некоторых местностей Подонья-Приазовья.

После свержения власти авар (аварский каганат был разбит тюрками) в степях Подонья-Приазовья (до начала VIII века) кочевала часть болгарских племен. Раньше считалось, что болгары происходят из среды тюркских племен. Однако ни болгарский, ни родственный ему чувашский язык в своей основе не принадлежат, к языкам тюркской группы. Болгарские племена представляли собой коренное население Приволжья. В X веке возникает болгарское государство, столицей которого вскоре становится «великий город Болгар», располагавшийся вблизи впадения р. Камы в Волгу, недалеко от города Спасска. Та же часть болгар, которая ушла на Дунай, подчинила там себе ряд славянских придунайских племен, а затем, сроднившись и слившись с ними, ославянилась и око-

¹ Известно, в частности, что на предложение аварского хакана славянским князьям покориться аварам и платить дань, князья отвечали: «Родился ли на свете и согревается ли лучами солнца тот человек, который бы подчинил себе силу пашу... и в этом мы уверены, пока будут на свете война и меч».

ло 679 года образовала славянское Болгарское царство, населенное болгарским народом, говорящим на близком к русскому славянском языке¹.

Через некоторое время после авар и болгар в степях Нижней Волги и Дона начали все больше и больше появляться турки. Каждое из турецких племен имело своего вождя; все вожди подчинялись верховному хану.

Местности, занятые турецкими племенами, были заселены не только одними турками. Среди туруков было немало племен иного происхождения, живших здесь ранее или вновь пришедших на территорию, подчиненную туркам.

Так, византийский писатель Феофан в своей хронике (758—818 гг.) сообщает, что «на восточных берегах Меотийского озера, за Фанагорией (на Таманском полуострове), кроме евреев, живут многие народы. За тем озером, выше реки Куфиса (Кубани), в которой ловят болгарскую рыбу коист, находится древняя Болгария и живут соплеменные болгарам «котраги» (которые, заметим, были, очевидно, родственны уже упоминавшимся выше кутургурам).

Одним из гунно-болгарских племен и являлось крупное племя хазар, обитавшее в степях Волги и Дона под именем акациров еще при гуннском царе Аттиле. Это племя особенно возвысилось после включения его в турецкую державу.

ХАЗАРЫ И РУСЬ

Начиная с VII века хазары приобретают все большее и большее значение и вскоре становятся властителями обширных земель на юге нынешней территории СССР.

Известно, например, что уже в начале VII века византийский император Гераклий обращался к хазарам, как к могущественному племени, ища у них помощи против персов. К половине VIII века хазары покорили племена славян, живших близко к южным степям.

В своем целом хазарская держава представляла собой объединение феодальных и полуфеодальных образований степей Волги и Дона, а также Северного Кавказа. Сами хазары, как таковые, составляли лишь часть населения Хазарии; это было, скорее всего, городское население, жившее в торговых городах Хазарии: Итиле, Семендере, Саркеле (на Дону) и других. Армянский историк X века Моисей Каланкатвади, описывая осаду хазарами в 626 году Тбилиси, говорит о хазарах, как о людях «широколицых, безресничных», явно указывая на их монголоидный тип.

По своему общественному строю хазарское царство явля-

¹ Н. С. Державин.—История Болгарии, Изд. Акад. Наук СССР, т. 1, М.-Л., 1945.

лось феодальным государством с сильными пережитками родо-племенных отношений.

Владения хазар простирались на многие сотни километров и занимали огромное пространство между Каспийским и Черным морями, ограниченное Волгой и Доном и Кавказским хребтом.

В VII веке владения хазар доходили до Закавказья. Из-за земель Закавказья хазарам пришлось вынести упорную и жестокую борьбу с арабами-мусульманами. Борьба эта продолжалась 80 лет. Несмотря на длительное сопротивление хазар, в половине VIII века арабы вытеснили их из Закавказья, и попытки хазар вновь вернуть там свои владения окончились неудачей. Арабы-мусульмане (халифат)¹ прочно утвердились в Закавказье.

Вообще, история хазарского государства обильно насыщена упорной борьбой хазар с другими народами. Так, желая сохранить в числе своих данников славянские племена, хазары вступили в борьбу с русскими князьями. В последней четверти IX века в степях начали усиливаться печенеги, и возникла борьба между ними и хазарами. Границы Хазарии не были постоянными; в зависимости от успехов или неудач в борьбе с неприятелем, границы то расширялись, то сужались.

Наивысшего могущества Хазарское государство достигло в VIII—IX веках, когда и Киев платил им дань.

Насколько широко распространилось влияние хазар и, в частности, насколько тесны были их взаимоотношения со славянами, показывает, например, тот факт, что на территории бывших Воронежской и Тульской губерний даже по сей день есть селения и места, носящие названия: «Казаричи», «Козары», «Козар», «Каган» (название хазарского царя) и т. д.

С самого начала хазарского господства в южно-русских степях установились связи между русскими и хазарами. Еще до того как хазарский каган распространил свою власть на некоторые восточно-славянские племена (ограничиваясь, впрочем, лишь сбором дани с покоренных племен), в городах и селениях Хазарии уже обитала определенная часть и русского населения. Хазарию часто посещали русские купцы. Русские воины-дружинники находились в войсках хазарского кагана. Ибн-Хордадбех (середина IX века) сообщает, что «русы, а они принадлежат к славянам», ездят в Хазарию по Дону и Волге. Масуди (X век) свидетельствует, что «русы и славяне» были в составе стражи кагана. В материальной культуре также прослеживается обоюдное славяно-хазарское влияние. И, вообще, нахождение Хазарии в районе скрещения торговых пу-

¹ «Халифат» — название, данное в Европе арабскому государству, — от слова «халиф»; халифами назывались арабские мусульманские государи, считавшие себя преемниками пророка Мухаммеда (Магомета).

тей, ведших в Причерноморье, Византию, Хорезм, Иран, Азербайджан, области по течению Дона и Волги и т. д., способствовало проникновению сюда самых различных влияний. Именно поэтому хазарская культура носит столь смешанный характер. Показателен в этом отношении один из хазарских городов на Дону (близ станицы Цымлянской), раскопки которого дают предметы самого различного происхождения—русские, византийские, среднеазиатские, иранские, закавказские и другие.

Для понимания образа жизни населения Хазарии очень важно сообщение о хазарах арабского писателя Ибн-Даста: «Зимою все население живет в городах, с наступлением же весны выходит из них в степь, где и остаются до приближения зимы». Таким образом, большинство населения Хазарии вело полукочевой образ жизни—занималось скотоводством, зимою проживая в городах, а весною выходя со стадами скота на степные пастбища. Известно, впрочем, что в Хазарии также занимались земледелием, разводили виноградники; процветала торговля.

Широкий размах торговли способствовал возникновению и развитию хазарских городов. По некоторым данным, число городов Хазарии доходило до ста.

Среди хазар, как пережиток родового общества, еще существовало разделение на отдельные роды, каждому из которых отводилась определенная территория. Однако, родовой строй доживал свои последние дни. Из состава отдельных родов выделился влиятельный слой родовой, в последующем—феодальной знати. Во главе хазарского государства стоял наследственный феодальный монарх—каган, или хакан, — окруженный богатыми сановниками, носившими название бегов (беков), или пэхов и тарханов.

Хазарскому царю воздавались божественные почести. Эти почести доходили до того, что никто, за исключением самых важных сановников, не имел права видеть кагана. При встрече с ним все падали ниц. Даже тогда, когда каган стоял во главе войска, то он находился на колеснице под покрывалом, при чем олицетворял собой не полководца и непосредственного руководителя военными действиями, а божество, приносившее счастье своему народу. Когда каган умирал, место его погребения тщательно скрывали. Гробницу помещали в реке, а строивших ее и производивших погребение людей убивали.

Действительная власть в Хазарии принадлежала, однако, не кагану, а его наместнику—каган-бегу (из числа бегов), который фактически и управлял государством, и к тому же командовал войсками. Местные чиновники-администраторы на-

значались обычно из числа родственников кагана. Крупными сановниками, после кагана-бега, являлись кендер-хакан и гаушнар (джавишгар).

Известный арабский писатель Ибн-Фадлан, совершивший путешествие к волжским болгарам в начале X века, так рассказывает обо всем этом:

«Что же касается царя хазар, которого называют хакан, то, право же, он не показывается иначе, как (раз) в каждые четыре месяца, появляясь в (почетном) отдалении. Его называют великий хакан, а заместителя его называют хакан-бег. Это тот, кто предводительствует войсками и управляет ими, руководит делами государства и заботится о нем (государстве), и появляется (перед народом), и ему изъявляют покорность цари, находящиеся с ним по соседству. И он входит каждый день к великому хакану смиренно, проявляя униженность и серьезность (спокойствие), и он не входит к нему иначе как босым, (держа) в своей руке дрова, причем, когда приветствует его, он зажигает перед ним эти дрова. Когда же он покончит с топливом, он садится вместе с царем на его скамью с правой стороны. Его замещает муж, называемый кендер-хакан, а этого замещает также муж, называемый джавишгар. И обычай (правило) большего царя тот, что он не дает аудиенции людям и не разговаривает с ними, и к нему не является никто, кроме тех, кого мы упомянули, а управление по администрированию, исполнению наказаний и управлению государством (лежит) на его заместителе хакан-беге. И обычай (правило) (касательно) большего царя тот, что если он умрет, то строится для него большой двор, в котором (имеются) двадцать домов, и вырывается для него (хакана) в каждом из домов его (этого двора) могила, и измельчаются камни настолько, что они делаются похожими на сурьму, и расстилаются в ней (могиле) и бросается негашеная известь поверх этого, а под этим двором и этой могилой есть большая река, которая течет и они помещают (проводят) эту реку над этой могилой и говорят, что это для того, чтобы не добрался до нее ни шаптал, ни человек, ни червь, ни гнус. Когда он похоронен, то рубят шеи тем, которые его хоронят, чтобы не было известно, в каком из этих домов (находится) его могила»¹.

Местопребыванием хазарского кагана являлась столица Хазарии — город Итиль, расположенный в устьях Волги. Итиль был большим и многолюдным городом. Царский дворец, выстроенный из кирпича, стоял на острове, который соединялся с берегом Волги при помощи пловучего моста. Итиль представлял собой крупнейший центр торговых и меновых операций на юго-востоке Европы. Одним из важнейших доходов царской казны была пошлина с купцов. В Итиль приезжали купцы — русы, арабы, греки, евреи и другие. На рынках Итиля торговали товарами и изделиями, доставленными сюда из Средней Азии, Кавказа, Приволжья и славянских земель. Хазария была особенно тесно и повседневно связана

¹ «Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу». Перевод (А. П. Ковалевско-го) и комментарии под редакцией акад. И. Ю. Крачковского, Изд-во Академии наук СССР, М.-Л., 1939.

с Востоком. Более культурные тогда народы Востока оказывали большое влияние на хазар¹.

Любопытно, что представители различного рода религиозных воззрений усиленно конкурировали друг с другом в попытках распространить среди хазар именно свою религию, что способствовало бы усилению политического и экономического влияния той или иной страны на хазар. Борьба шла, в частности, между магометанством, христианством, иудаизмом и язычеством. Внимание к хазарскому государству объяснялось, главным образом, тем, что хазары занимали тогда центральное положение между Азией и Европой.

В целях поддержания хороших отношений с хазарами, усердно стремилась к внедрению христианства в Хазарию и византийская дипломатия. С этим стремлением связан, между прочим, и дошедший до нас любопытный рассказ о том, что на территории Хазарии побывал, якобы, и знаменитый миссионер Кирилл, брат Мефодия.

В истории хорошо известна плодотворная деятельность уроженцев города Солуни, братьев Константина (Кирилла) и Мефодия, основоположников и пионеров славянской письменности, создателей славянской азбуки (Кирилл) и переводчиков первых культовых книг с греческого языка на славянский (IX век). И вот, по некоторым данным оказывается, что перед тем как отправиться в 863 году к славянам Моравии, Кирилл был послан византийским императором в Хазарию, где он был хорошо принят, вел длительные споры с раввинами и, в конце концов, добился от кагана права для греческих священников на свободную проповедь христианства². Однако сам хазарский царь—каган и высшие слои хазарского общества приняли иудейское вероисповедание, проникшее к хазарам из Крыма и из Малой Азии через Кавказ. Среди широких же масс населения Хазарии оставались распространенными не только иудейская вера, но и (в более широких размерах) магометанство, а также христианство и язычество. Арабские писатели Масуди, живший в первой половине X века,

¹ Дон играл видную роль в экономике Хазарии. Из Дона в Волгу переходили волоком (в районе современного Сталинграда). На Дон шли пути из Десны, Сейма и Северного Донца. Был и кружной путь: по Днепру в Черное море, а затем на Дон через Керченский пролив и Азовское море. Направление сухопутных дорог на Дон пока точно не установлено.

² По поводу миссии Константина Философа (Кирилла) в Хазарию В. В. Мавродин справедливо замечает, что посылка знающего славянский язык греческого дипломата свидетельствует прежде всего о стремлении Византии упрочить свой авторитет в Хазарии путем внедрения христианства среди обитавших там многочисленных славян и русов. Ср. В. В. Мавродин—«Образование древнерусского государства», Изд. Ленингр. Гос. Университета, Л., 1945, стр. 185.

и Ибн-Хаукаль сообщают, что «в городе Итиле было 7 судей, двое из них — для мусульман, двое, которые судят по закону Торы (т. е. иудейскому), — для хазар; еще двое, которые судят по закону инджилля (евангелия), — для тамошних христиан, и, наконец, один — для славян, русов и других язычников — он судит по закону язычества или по закону разума».

Это еще раз свидетельствует о том, что население Хазарии было неоднородно по своему составу.

Наряду с исконным населением южно-русских степей, в Хазарии обитали множество пришельцев из Средней Азии, Кавказа, Ирана, потомки еврейских беженцев — изгнанников из Византии. На территории Хазарии, как сказано, жили и славянские племена. Это подтверждает и арабский писатель Масуди. Он говорит, что берега реки Танаиса (Дона), «которая приходит с севера, обитаемы многочисленным народом славянским и другими народами, углубленными в северных краях». На пребывание славян в Хазарии указывает и славянское происхождение названий рек в бассейне Среднего Дона и Донца. Есть сведения, что славяне обитали и в самой столице Хазарии, проживая в одной из двух половин города Итиля.

Влияние Руси на хазар и ее удельный вес в жизни Хазарского государства были большими, нежели это обычно себе представляют. И хотя господствующим народом здесь являлись не русские, а хазары, все же хазарская держава была русской в большей степени, чем это может показаться на первый взгляд.

Покойный академик Н. Я. Марр указывал, что свидетельство армянского историка Моисея Утийца (Каланкатвацци) о племени рос «косвенно может давать нам указание на наличие в составе хазарского объединения не библейских, а реальных росов, т. е. уже восточных славян»¹. Он же, приводя слова арабского писателя Ал-Бекри о наличии у хазар славянского языка, писал, что «история хазар есть часть древней истории Руси в состоянии особого с ней сплетения»².

В X веке (не позже 976 г.) еврейский сановник при дворе испанских халифов Хасдая-Ибн-Шафрута просил хазарского царя Иосифа сообщить ему о действительном существовании

¹ Моисей Утийц (X век) называет хазар «росмасохами», что указывает на высокий удельный вес росов в жизни Хазарии.

² Н. Я. Марр. — По поводу русского слова «сало» в армянском описании хазарской трапезы. Тексты и разыскания по кавказской филологии, т. I, стр. 105—106; также — Избранные работы, т. V, М.-Л., 1937.

в Хазарии еврейского царства — «дабы я знал начало и основание дела, как попал Израиль в эту местность». В своем ответном письме царь Иосиф так описал Хазарское государство:

«Что касается твоего вопроса о протяжении нашей страны и ее длине, то она расположена подле реки, примыкающей к Гурканскому (Каспийскому — Б. Л.) морю, на восток на протяжении 4 месяцев пути. Подле (этой) реки расположены весьма многочисленные народы в бесчисленном множестве; они живут в селах и городах и в укрепленных городах.

Их девять народов, которые не поддаются распознаванию и которым нет числа. Все они платят мне дань. Оттуда граница поворачивает (и доходит) до Гургана. Все живущие по берегу этого моря на протяжении одного месяца пути платят мне дань.

С южной стороны живут 15 народов многочисленных и сильных, которым нет счета, до Баб-ал-Аббаба (Дербента — Б. Л.). Они проживают на горах. Все жители страны Баса и Танат (под басами некоторые ученые понимают осетинское племя басын, а под Танатом — страну по Нижнему Дону — Б. Л.) до (самого) моря Кустантинии (Черное море — Б. Л.), на протяжении двух месяцев пути, все платят мне дань. С западной стороны живут 13 народов многочисленных и сильных, располагающихся по берегу моря Кустантинии. Оттуда граница поворачивает к северу до большой реки по имени Юз-Г (может быть, р. Днепр, по старинному турецкому обозначению Июза — Б. Л.).

Они живут (здесь) в открытых местностях, не защищенных стенами и переходят во всей степи, доходя до границы (страны) Хин-Диим (под страной Хин-Диим, а в других редакциях Х-г-риим, некоторые ученые понимают страну угров, т. е. венгров — Б. Л.). Они многочисленные, как песок, который на берегу моря, и платят мне дань. Страна их простирается на протяжении 4 месяцев пути. Я (сам) живу у входа в реку (т. е. в устье р. Итиль, или Волги) и не пускаю руссов, прибывающих на кораблях, проникать к нам. Точно так же я не пускаю всех врагов их, приходящих сухим путем, проникать в их страну. Я веду с ними упорную войну. Если бы я их оставил (в покое), они уничтожили бы всю страну измаильтян (мусульман — Б. Л.) до Багдада...

Страна (наша) не получает много дождей. В ней имеется много рек, в которых выращивается много рыбы. Есть (также) в ней у нас много источников. Страна плодородна и тучна, состоит из полей, виноградников, садов и парков. Все они орошаются из рек. У нас есть очень много всяких фруктовых деревьев. Я еще сообщу пределы моей страны. В восточную сторону она простирается на 20 фарсахов¹ пути, до моря Гурганского, в южную сторону на 30 фарсахов пути и в западную сторону на 30 фарсахов пути. Я живу внутри острова. В северную сторону она простирается на 30 фарсахов пути (и имеет здесь) много рек и источников»².

По этому письму хазарского царя мы можем судить, что собой представляли Хазария, её географическое положение, природные богатства, каковы были размеры территории этой страны и сколько в ней обитало племен и народов.

¹ Величина фарсаха — примерно 5—6 километров.

² Цит. по работе П. К. Коковцева — Еврейско-хазарская переписка в X веке, М.

КРЕПОСТЬ-ГОРОД САРКЕЛ НА ДОНУ

С историей хазар, а затем и славянорусского населения Подонья-Приазовья неразрывно связана история крепости-города Саркела.

В первой половине IX века каган и бег хазарские обратились к византийскому царю Феофилу (829—849 гг.) с просьбой помочь им в строительстве на Дону крепости для защиты от нападений со стороны кочевников. Византия тем охотнее пошла в тот момент на удовлетворение просьбы хазарского кагана, что до X века между Византией и Хазарией существовали мирные и даже дружественные отношения. В союзе с Византией хазары действовали против болгар. Общим врагом Византии и Хазарии были арабы. Хазария сдерживала опасный для Византии натиск степных кочевых племен Причерноморья — печенегов и других. Крепость на Дону должна была явиться опорным пунктом на главном пути из Хазарии на запад, «аванпостом феодализирующей хазарской державы в Подонье»¹. Построенная византийскими мастерами на Дону крепость и получила название Саркела.

Ценные сведения о том, когда и как было осуществлено строительство саркелской крепости, сохранились в трудах византийского писателя Константина Багрянородного. Он был византийским императором, внуком Василия I-го — основателя македонской династии. Родился Константин Багрянородный в 905 году, умер в 959 году. В его работе «Об управлении государством» содержится много сведений о печенегах и руссах, о турках, болгарях, о Херсоне (в Крыму) и т. п. В 42-й главе этой работы содержится: «Землеописание от Фессалонники до реки Дуная из города Велеграда, турки и печенеги до Хазарской крепости Саркела, Руси до находящихся на Понтийском море близ реки Днепра Некропил, Херсона с Боспором, где находятся города климатов, затем до озера Меотиды, называемого и морем по величине, и до города, называемого Матархой, кроме того, Зихии, Палагии, Казахии, Алании и Авазгии до города Сотириполя».

Приведем строки из сочинения Константина Багрянородного, содержащие в себе сведения о хазарской крепости Саркел:

«Должно знать, что от Фессалонники до реки Дуная, на котором лежит город, называемый Велеградом, восемь дней пути, если кто двигается не спеша, а с роздыхом. Турки живут по ту сторону Дуная в земле Моравской, а также и по сю сторону между Дунаем и рекой Савой. С низовьев реки Дуная напротив Дистры (ныне Силистрия—Б. Л.) начинается Печенегия, и область их поселения простирается до хазарской

¹ В. В. Мавродин. — Образование древнерусского государства, Издание Ленингр. Гос. Университета, Л., 1945, стр. 188.

крепости Саркела, в которой сидят ежегодно сменяемые воинские отряды в триста человек.

Название «Саркел» объясняется у них «белый дом». Он был построен спфарокандидатом Петроною, по прозванию Каматиром, когда хазары попросили императора Феофила построить им эту крепость; ибо каган и бек Хазарии, отправив послов к царю Феофилу, попросили построить им крепость Саркел. Царь, согласившись на их просьбу, послал им вышеназванного спфарокандидата Петрону с судами царского флота и суда катепана Пафлагонского. И вот Петрона, прибыв в Херсон, нашел там суда, отправился к тому месту р. Танаиса, где намерен был строить крепость. Так как на месте не было камня, годного для постройки, то он, устроив печи и обжегши в них кирпич, воздвиг из него крепостные строения, причем известь вырабатывал из мелких речных голышей. После постройки крепости Саркела вышеназванный спфарокандидат Петрона, получив аудиенцию у царя Феофила, сказал ему: «Если ты хочешь подлинно владеть городом Херсоном и его областью и не выпускать их из-под своей руки, то назначь гуду собственного стратига и не доверяй их «первенствующим и начальникам». Ибо до царя Феофила там не было стратига, посылаемого отсюда, а всеми делами правил так называемый «первенствующий» с лицами, носившими название «отцов города». Царь Феофил, обсудив, послать ли стратигом то или другое лицо, наконец, решил послать вышеназванного спфарокандидата Петрону, как хорошо ознакомившегося с краем и искусного в делах. Почтив его чином протоспафария, он назначил его стратигом и отправил в Херсон, повелев тогдашнему «первенствующему» и всем прочим подчиниться ему. С тех пор и до сего дня принято назначать отсюда стратигов в Херсон. Так состоялась постройка крепости Саркела»¹.

Греческий перевод слова «Саркел» соответствует словам, которые в русском языке означают «Белый дом» или «Белая гостиница». В этом случае становится понятным и то, почему Саркел в русских летописях известен под названием Белой Вежи.

Вообще же говоря, слово «Саркел», его происхождение еще точно не изучены. Некоторые исследователи считают, что слово Саркел происходит из турецкого языка («Белая глина»). Академик Н. Я. Марр указывал, что слово «Саркел», вероятнее всего, значило «город саров, т. е. хазаров», но могло быть и просто составным нарицательным словом—«сар-кел», что значит—город.

Саркел был не только крепостью, в узком смысле этого слова, но и укрепленным городом, ибо в нем жили, помимо воинского гарнизона, и мирные жители — мужчины, женщины и дети.

Где же именно располагался город Саркел? Как найти его остатки? Много ученых занималось этим вопросом, но долгое время местонахождение Саркела оставалось неизвестным. Одни ученые искали его в устьях Днепра на Белобережье (имея в виду название Саркела в летописях «Белой Ве-

¹ «Известия византийских писателей о северном Причерноморье». Вып. I; «Известия» Государственной Академии истории материальной культуры, Вып. 91, Соцэкгиз, М.-Л., 1934.

жей»). Другие искали его в теперешнем Белгороде. Но Белгород лежит по течению р. Донец, а не по Дону. Донец в те времена был несудоходен, и плыть по нему Петрона не мог.

Один из спутников, сопровождавших митрополита Пимена, совершившего весной 1389 года путешествие по Дону в Азов и Царьград (Константинополь), описывая свое плавание по Дону, рассказывал:

«и в неделю же пятую минухом реку Медведицу и горы высокая реку и Белый яр реку; в понедельник же горы каменные красныя, во вторник же Серклию град минухом плоуше: не град же убо, но точию городище».

Пимен, следовательно, проплывал, очевидно, мимо Саркела (Серклии, Терклии), который в его время представлял собой уже не населенный город («не град же убо»), а городище, развалины, место прежнего города.

Следуя маршруту Пимена, пытались, да и сейчас пытаются, высказать предположение, что Саркел располагался около нынешних станиц Качалинской или Трехостровянской, где сближаются Дон и Волга и где хазары удобнее всего могли построить крепость для защиты своих владений от уже кочевавших тогда за Доном печенегов. Проф. К. В. Кудряшев предлагает искать Саркел между устьем реки Вертячей и Ново-Георгиевской станицей.

Но ни у Днепра, ни у Белгорода, ни у станицы Качалинской не обнаружили таких памятников древности, в которых могли бы признать развалины крепости и города Саркела. И если бы не археологические раскопки, то место расположения древнего Саркела так и осталось бы неизвестным. Археологические же раскопки показали, что месту расположения древнего города Саркела больше всего соответствует одно из городищ, расположенное на территории нашей Ростовской области, по течению р. Дон, на левом берегу реки, почему городище и называется «левобережным».

Городище это находится в окрестностях хутора Попова, в 7—8 км. от одной из наиболее обширных станиц — Цымлянской. Русло Дона отстоит теперь от городища не меньше, чем на 4 км. по прямой линии. В древности же Дон протекал у самого городища, омывая своими водами мыс, на котором располагалось поселение. Со стороны степи городище было защищено от нападений неприятеля глубоким и широким валом, который и сейчас еще поражает своими размерами. Внутри городища, у берега реки, имеется возвышенность (внутреннее укрепление), обнесенная некогда кирпичной стеной. Общая площадь городища, обнесенная рвом и валом, занимает не менее 18 гектаров.

К числу первых в России людей, интересовавшихся вопро-

сом о месте нахождения Саркела и придонскими древностями вообще, принадлежал (о чем мало кому известно) великий русский писатель Александр Сергеевич Грибоедов.

Страстно любя свою родину и жадно интересуясь ее историческим прошлым, А. С. Грибоедов перечитывал множество книг по истории России, делая для себя многочисленные исторические заметки. Любопытно, что среди этих записей мы находим немало заметок, посвященных древностям Дона и Кубани.

Когда А. С. Грибоедов ознакомился с описанием путешествия по Дону митрополита Пимена, у него возник ряд вопросов и, в частности, — о месте расположения Саркела. Вот что писал об этом в одной из своих заметок великий русский писатель:

«Любопытное известие, в наших летописях есть описание путешествия (плавания) по Дону митрополита Пимена в 1389 г. Там между прочим сказано, что в пятое воскресенье (мая 16) они проехали реку Медведицу и горы высокие и Белый-Яр реку. Эта река, кажется, должна быть Перекопка. Но как велико расстояние между Медведицею и Перекопкою? Можно ли туда поспеть в один день? В понедельник они проехали горы каменные красные и, коли не ошибаюсь, прибыли к Иловле. Во вторник они видели развалины Теркляго-града, которые вероятно находились между Качалинскою и Трех-Островянскою станицею. (Речка, которая ниже Трех-Островянской станицы вливается слева в Дон, называется в подробной карте, № 54, Сакарка. Не Саркела ли?). При Петре еще тут неподалеку находился высокий и крутой вал, будто бы из глины. Существует ли он еще? И как называется? Какая его фигура? Точно ли он сделан просто из глины или, может быть, из кирпичей? Не находится ли здесь, как обыкновенно на правом берегу Дона, известковая земля? Потом странствовали в тот же день проехали перевоз; не там ли летом Дон спадает до 4 футов глубины, несколько повыше реки Голубенки? Но во скольких от нея верстах? Не худо бы знать замечательные броды и перевозки реки Дона».

Еще более интересно то, что А. С. Грибоедов обращал внимание и на городища у ст. Цымлянской, имея в виду уже известные нам левобережное и правобережное (о нем смотри ниже) городища:

«Академик Фальк говорит о двух городищах значительных возле Цымлянской станицы, — пишет в своих заметках А. С. Грибоедов. — Он сам их не видал, но что казачий атаман ему об них рассказывал, всемерно заслуживает любопытного исследования имени, фигуры и вещества этих развалин. Не видать ли там следов искусства? Каково свойство грунта? Не раскапывали ли землю и что в ней найдено?»

Правда, А. С. Грибоедову еще не приходила мысль, что одно из Цымлянских городищ как раз и может оказаться местом расположения древнего Саркела. Великий писатель считал, что Саркел находился где-то значительно ниже и что «Саркел стоял на Дону, ниже Черкаска, между ним и усть-

ем Дона, притом на восточной стороне». В этом отношении точка зрения А. С. Грибоедова совпадала со взглядами некоторых современных ему исследователей.

Раскопки на Цымлянском городище были начаты еще в 20-х годах прошлого века, то есть, свыше 100 лет тому назад. Затем раскопки на этом городище велись в 1860, в 1884—1885, в 1887 гг. и т. д.

Эти раскопки дали определенный и интересный материал, но имели они характер случайный, захватывали ограниченные участки земли, иногда велись неумело, недостаточно тщательно. Широкие, серьезно поставленные и хорошо организованные раскопки на территории Цымлянского городища начались только после Великой Октябрьской социалистической революции и, в частности, в последние годы, когда на городище стала систематически работать экспедиция Государственной академии (ныне Института) истории материальной культуры им. Н. Я. Марра в Ленинграде. Во главе этой экспедиции стоит советский археолог, профессор Михаил Илларионович Артамонов.

Как изучение Танаиса связано в первую очередь с именами П. М. Леонтьева и А. А. Миллера, а в наши дни — Т. Н. Книпович, так и в деле изучения вероятных остатков Саркела наибольшая заслуга принадлежит профессору М. И. Артамонову.

Проведенные им раскопки показали, что перед нами — остатки довольно крупного и хорошо обстроенного города. На городище существовала кирпичная стена (скреплялись кирпичи крепкой известью). Было установлено, что жилые постройки города в более ранний период представляли собой кирпичные дома с кирпичными же полами. Дома эти были оштукатурены, а иногда и окрашены; имели печи или очаги. В более поздний период жилые дома в Саркеле представляли собой кладку на глине или насухо из обломков старых кирпичей. Сооружали, очевидно, и деревянные постройки, на что указывали прослойки обгоревшего дерева. На территории города располагался христианский храм. В Новочеркасском музее краеведения хранятся обломки мраморных колонн от этого храма. Тут же можно видеть мраморную капитель¹ ионическо-византийского типа от одной из колонн, с рельефным изображением креста. На распространение (в определенный период) среди населения Саркела христианства указывают также и находки крестов различных форм и размеров (энколпионы, складни, нательники). Иногда на таких крестах изображены распятия. На одном кресте (складне) изображены князя Борис и Глеб, одетые в княжеские шапки с околыша-

¹ Капитель—верхняя, обыкновенно орнаментированная часть колонны.

ми, в кафтаны и плащи, застегнутые на правом плече. В левой руке у каждого князя — изображение церкви. На кресте хорошо читаются надписи на русском языке: «Глеб» и «Борис». Среди находок — немало небольших нательных крестиков. Встречались также каменные четырехконечные крестики¹.

На Цымлянском городище было найдено много отдельных предметов древности, в том числе железные наконечники стрел и железный топор с широким закругленным лезвием и выступом вверх у обуха. Топор этот особенно интересен тем, что очень сходен с боевыми топорами, находимыми при раскопках русских курганов и городищ XI—XII веков.

Из предметов украшений и домашнего обихода найдены были бронзовый наконечник пояса, серьги, бубенчики, пряжки, обломки зеркал и т. д.

Можно упомянуть еще о медном светильнике, о двух украшенных резной костяных цилиндриках, большой медной ложке, гирьках, о множестве бус различных цветов и форм, обломках стеклянных браслетов, пряслицах из глины и красного шифера (рис. 21 на стр. 117).

Определению времени существования поселения на Цымлянском городище, т. е. датировке городища, помогают находки древних монет. Монеты эти относятся к IX—XI векам. Среди них преобладают византийские монеты: императора Василия I (867—886), Романа I (920—944), Никифора Фоки (963—969), Василия II Болгаробойца (975—1025), Алексея Комнена (1081—1118) и т. д. Таким образом, монеты прямо указывают, что поселение на левобережном Цымлянском городище существовало с IX и по XI век включительно, а возможно — частично и в XII столетии. Это время подтверждают не только монеты, но и все остальные предметы древности.

Раскопки, произведенные в последние годы, еще больше расширили и углубили наши представления о Цымлянском городище.

Плановые раскопочные работы на левобережном Цымлянском городище экспедиция под руководством проф. М. И. Артамонова начала в 1934 году². Шаг за шагом открывала

¹ Изображение Бориса и Глеба в древнерусском искусстве (главным образом до XIII в.) встречается очень часто — в фресковой живописи, в миниатюрах, на заглавных листах рукописей и т. д. Чаще всего Борис и Глеб изображались именно так, как изображены они на кресте-эколонии из Цымлянского городища: каждый с изображением церкви в руке, т. е. символом того христианского города, князем которого он был (Ростова или Муром).

² М. И. Артамонов. — Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии, «Советская археология», VI. Изд-во Академии наук СССР, М.-Л., 1940, стр. 130—167.

земля советским ученым свою тайну. Столетиями наросшая, плотно слежавшаяся земля медленно, как бы нехотя, уступала напору лопаты землекопа. Копали, как того требуют правила археологических раскопок, осторожно, обходя находимые предметы, камни, кирпичи, выясняя картину залегания и распространения последних. День за днем росла раскопанная площадь древнего города, с остатками строений, различными предметами обихода и другим вещественным материалом. Загорелые и обветренные археологи-наблюдатели зорко следили за каждым взмахом лопаты, за каждой новой находкой. Непривычно медленно и осторожно вскрывали городище землекопы. Место раскопок посещали колхозники, рабочие, учащиеся ближайших селений, с огромным интересом следившие за ходом работ и внимательно выслушивавшие объяснения руководителей экспедиции. Раскопки продолжались и в 1935—1939 гг.

Раскопки на левобережном городище в 1936 году окончательно установили, что внутренняя часть крепости Саркела имела форму вытянутого с юго-востока на северо-запад прямоугольника и была обнесена мощными кирпичными стенами, выстроенными без фундамента на материковой глине. Толщина стен достигала 3,7 м. Пространство, огражденное крепостными стенами, представляло собой прямоугольник в 180 м. в длину и 125 м. в ширину. По углам крепости возвышались массивные квадратные башни. Каждая сторона башни достигала 8 м., это значит, что башня выступала за стену более чем на 4 м. Стены имели вышину в 6—7 м. от поверхности почвы, а башни — еще большую. И стены и башни имели зубчатый парпет. Помимо угловых башен, имелись, видимо, и башни вдоль каждой из крепостных стен. Стены сложены из квадратных и прямоугольных кирпичей на извести, изготовлявшейся из известняка, находящегося на другой, нагорной стороне Дона. Каждая сторона квадратного кирпича равнялась 24 см. при толщине в 6 см.; прямоугольный кирпич представлял половинку квадратного при той же толщине.

Характерно, что внутри крепости находили ряд постоянных построек, а за пределами крепости, на площади, обнесенной первой линией укреплений (ров и вал), следов постоянных построек не было. Очевидно, внутри крепости был расквартирован постоянно тот небольшой гарнизон в 300 человек, о котором сообщает Константин Багрянородный. На площади же внутри рва и вала могли размещаться дополнительные войска и гражданское население во время военных действий.

С внутренней стороны к раскопанному углу крепости при-

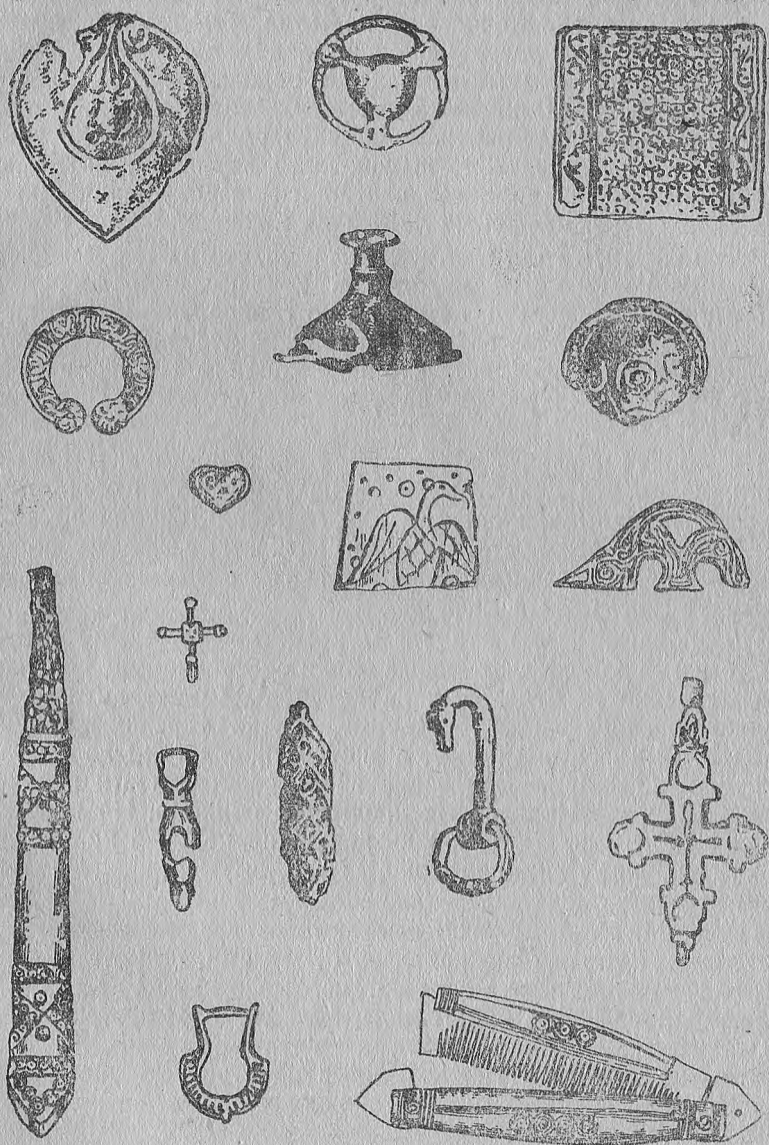

Рис. 21. Различные предметы из находок на левобережном Цымлянском городище (по М. И. Артамонову).

мыкало большое кирпичное сооружение, очевидно, служившее в качестве складочного помещения. Сооружение представляет собой длинное помещение, разделенное внутри стенками толщиной в 0,75 м. на ряд отделений. То, что это помещение было складочным, подтверждается и тем, что в двух из таких отделений, находящихся рядом в углу крепости, устроены квадратные, выложенные кирпичом, подвалы. Над одним из этих подвалов частично еще сохранилось плоское перекрытие, сделанное также из кирпича.

Раскопки 1936 года подтвердили и то, что на месте первоначальных построек из кирпича в последующем сооружались строения из дерева, обмазанного глиной, или же из кирпича, добытого среди развалин прежних построек. Все это лишний раз подтверждает, что возникшая в 834 году крепость вскоре была разрушена и затем на ее месте возник новый город.

На многих кирпичах встречаются знаки различных начертаний. Знаки эти делали пальцем на глине до ее обжига, а иногда выцарапывали острием какого-нибудь орудия по уже обожженной поверхности. Помимо различных линейных фигур и знаков, на кирпичах встречаются также схематические изображения животных и людей.

Предполагают, что эти знаки представляют собой тавро или тамги — родовые, семейные знаки собственности или знаки собственности отдельных владельцев¹. Такие тамги были широко распространены, например, среди горских народов Кавказа: ими клеймили скот, в частности, лошадей на случай их пропажи. В древности такие знаки собственности широко применялись и на различных предметах обихода. Но на кирпичах знаки встречаются очень редко: на каждый кирпич со знаком приходится, примерно, 1500 штук кирпичей без знаков.

Проф. М. И. Артамонов высказывает предположение, что эти знаки на кирпичах являлись отметками, по которым определяли мастера или мастеров, изготовлявших ту или иную партию кирпичей. В самом деле, едва ли отряд строителей, с Петроною, мог своими силами изготовить столь большое количество кирпичей, употребленных на строительство крепости. По всей вероятности, к изготовлению кирпичей привлека-

¹ Еще более важно, что цымлянские и маяцкие знаки (Маяцкое городище—при впадении р. Тихой Сосны в р. Дон) и расположение некоторых из них в строковой планировке наводят исследователей на мысль, что в этих знаках можно видеть следы той русской письменности, которая существовала на Руси задолго до 989 года, т. е. до принятия христианства.

ли много людей и со стороны, возможно даже из среды местного населения самих хазар¹.

То обстоятельство, что цымлянские знаки столь сходны со знаками Маяцкого городища—а это последнее в свою очередь очень близко к памятникам Северного Кавказа — наводит исследователей на очень важные мысли. Дело в том, что Маяцкое городище отражает собой культуру племен аланского круга. Вполне вероятно, что перед нами поселение одного из тех аланских племен, которые уцелели и сохранили свое существование после нашествия гуннов, а впоследствии составили часть населения Хазарского царства. В этом случае здесь можно видеть не только хазарский, но алано-хазарский город. На Северном Кавказе нынешние осетины—явные потомки северо-кавказских алан. Что ясы (асы, осы, осетины) жили на Дону, в половецких степях, прямо указывает русская летопись, которая сообщает, что в 1116 году князь Ярополк «ходи на Половчскую землю к рече, зовомой Дон, и ту взя полон мног и три города взя Половечские: Галин, Чешлюев и Сугров и приведе с собою ясы, и жену полони собе Ясыню».

При раскопках Цымлянского городища обнаруживали большое количество фрагментов древней керамики различных форм и размеров.

Несомненно, что значительная часть глиняной посуды, включая такие сосуды, как амфоры, была изготовлена на месте. Недалеко от левого бережного городища, по старому берегу Дона, в направлении к хутору Красноярскому обнаружены остатки гончарной печи. Печь представляла собой овальную яму, горизонтально разделенную на две части. Частично сохранившееся перекрытие, разделявшее нижнюю и верхнюю часть печи, имело несколько круглых отверстий. Внизу была топка. В печи найдены обломки выделявавшихся в ней амфор.

Из отдельных находок, обнаруженных экспедицией при раскопках, следует упомянуть представляющий большой интерес крупный лемех (часть сохи, плуга). Эта находка проливает свет на технику земледелия того времени.

Каков был хозяйственный образ жизни населения цымлянского городища? Обилие ям для хранения зерна (ячменя, проса и пшеницы), находки крупных каменных жерновов, железных серпов, массивного железного лемеха тяжелого плуга говорят о развитом земледелии.

В одном из раскопанных жилищ была найдена железная мотыга, в другом—целый комплекс земледельческих орудий:

¹ Какое количество кирпичей было затрачено на строительство Саркела показывает хотя бы тот факт, что в 80-х годах XIX столетия, во время неурожая, многие жители станицы Цымлянской — бедняки — занялись добычей кирпича из развалин Саркела, продавая его торговцам. Один торговец закупили партию в 16000 кирпичей.

коса, два сошника, нож от сабана, маленькая железная лопаточка и т. д.

Важная роль принадлежала и скотоводству. Среди множества найденных костей различных животных явно преобладают кости домашних животных — овцы, быка, лошади, свиньи; попадались также кости кошки и собаки. В меньшем количестве встречались кости кабана и благородного оленя, в том числе — оленьи рога. Олень на Дону? Для нашего времени это звучит неожиданно и странно. И действительно, — олень не водится здесь уже очень давно. Из факта же находок костей оленя и кабана следует сделать вывод, что некогда долина Дона была покрыта лесом. Что касается оленя, то есть много данных о том, что он здесь использовался и в качестве средства передвижения.

Как и в более давние времена, немалым подспорьем в жизни людей являлось развитое рыболовство. Находки грузил для сетей и рыболовных крючков сочетаются здесь с кусками рыбьей чешуи и костей.

Занимались жители и различными ремеслами. Наряду с лепными, сделанными от руки и плохо обожженными глиняными горшками, изготовлялась и более высококачественная посуда, делавшаяся при помощи гончарного круга. Металлический шлак, плавильные тигли и формочки для литья украшений говорят о местной обработке металла. Стекланный шлак указывает, повидимому, на изготовление здесь каких-то предметов из стекла.

В непосредственной близости к Цымлянскому городищу располагались другие, менее значительные по площади, постоянные поселения с жилищами типа полуземлянок.

К числу таких земледельческо-скотоводческих поселений относятся: укрепленное городище недалеко от хутора. Среднего (в 6 км. от станицы Цымлянской), городища у хутора Карнаухова (в 10 км. от Цымлянской) и у хутора Потайновского (в 2 км. ниже станицы).

Все эти поселения были основаны несколько позднее возникновения жизни людей на левобережном городище у станицы Цымлянской; об этом говорит, например, отсутствие среди находок на Среднем и Карнауховском городищах древней лепной посуды, изготовленной без применения гончарного круга, тогда как Цымлянское городище дало археологам находки и такой посуды.

Из числа связанных с левобережным городищем и близких к нему по своему местоположению поселений, наибольший интерес представляет городище, находящееся в 7 км. ниже ст. Цымлянской, вниз по течению Дона, на правом крутом берегу, между двумя глубокими балками, вершины которых почти сходятся друг с другом, придавая площадке горо-

дища форму треугольника, основанием которого служит берег Дона. Высота берега достигает тут 70 м. над уровнем реки, что хорошо сочетается с крутыми и высокими склонами балок. В отличие от левобережного Цымлянского городища, это городище носит название правобережного.

Сама природа как бы позаботилась сделать это место неприступным; люди же еще больше усилили его оборонные преимущества. Высокий и широкий вал образует укрепление также в виде треугольника, стороны которого имеют от 250 до 350 шагов в длину. Второй вал замыкает еще одно внутреннее, четырехугольное укрепление, в которое ведут двое ворот. По углам укрепления располагались, видимо, башни. На валах и поверхности городища встречаются множество обломков щебня от известковых камней, а также обломки таких же, что и на левобережном городище, кирпичей.

Выбор здесь места для поселения был тем более удачным, что широко раскинувшаяся левая, пойменная сторона Дона представляла собой прекрасное пастбище для скота, а с западной стороны к городищу примыкали целинные степные земли. Протекавший у подножья городища Дон был судоходен и богат рыбой.¹

Допустимо предполагать, что на месте правобережного городища некогда стоял укрепленный, обнесённый каменной стеной замок какого-нибудь крупного хазарского властителя. Во всяком случае, сильная крепость, построенная на правобережном городище, была воздвигнута раньше кирпичной крепости на левом берегу Дона.

В период же существования поселения на левобережном городище, стоявшем на перекрестке сухопутных и водных торговых путей, правобережное городище служило целям усиления обороны поселения на левом берегу.

Имеются сведения, что на правобережном городище в прошлом столетии еще сохранились кое-где стены до 5 футов (около 1½ м.) в высоту, сложенные из известковых белых камней. К сожалению, это были уже ничтожные остатки древних стен, которые (стены) еще в 1744 году были разобраны и камни от них перевезены в город Черкасск (ныне станция Старочеркасская) для постройки бастионов.

Во время одной из раскопок на городище, произведенной в XIX столетии, были обнаружены также следы какого-то здания квадратной формы. Находки же бытового характера на правобережном городище не столь многочисленны, как на левобережном, что также указывает, что здесь мы имеем ос-

¹ И. И. Ляпушкин.—Раскопки правобережного Цымлянского городища. «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры Академии наук СССР», Вып. IV, М.-Л., 1940, стр. 58—62.

татки не столько поселения, сколько именно укрепленного пункта оборонного значения.

Из всех перечисленных выше городищ наиболее древними являются правобережное и левобережное. Поселения на других городищах возникли уже в несколько более позднее время. Расцвет жизни всех этих поселений падает на X век нашей эры. К XI—XII векам оказались заселенными уже только одно левобережное городище и Потайновское, при чем в это время оба поселения тесно связаны с славяно-русским населением, с Русью.

На расположение Саркела на территории левобережного Цымлянского городища указывал несколько десятков лет тому назад известный донской краевед Харитон Иванович Попов. Он считал, что указание местоположения Саркела, сделанное в описании путешествия по Дону Пимена в 1389 году, не противоречит возможности нахождения Саркела вблизи нынешней ст. Цымлянской. Однако многих ученых смущало то, что вслед за упоминанием Саркела Пимен сообщал о своем проезде мимо перевоза.

Где же находится этот перевоз? Тот же Х. И. Попов весьма основательно указывал, что этим перевозом мог быть и сейчас еще существующий перевоз у хутора Потайновского, т. е. совсем недалеко от левобережного Цымлянского городища. Еще в древности к этому перевозу подходили караванные пути, а в недавнем прошлом—большие чумацкие шляхи: один—с Волги, а другой—из степей Маныча. Возможно, что именно этот перевоз входил в «Золотой путь», который вел из Киевской Руси к Нижней Волге. Таким образом отпадает возражение исследователей, указывавших, что у левобережного Цымлянского городища как будто бы нет поблизости места перевоза, отмеченного в описании путешествия Пимена в 1389 году. В таком случае становится понятным и нахождение остатков древнего поселения на правом берегу Дона, возле хут. Потайновского. Это поселение и находилось напротив перевоза через реку.

Есть основание предполагать, что сама крепость Саркел и была построена для охраны этого важнейшего места переправы через реку Дон. Цымлянское городище находилось тогда приблизительно в середине древнего изгиба Дона, т. е. как раз на том месте, которое в то время господствовало над переправой.

Многих ученых в их поисках местоположения древнего Саркела смущало и то, что, по имеющимся указаниям древних историков, крепость Саркел была выстроена для защиты хазарских владений от набегов печенегов. Считалось поэтому, что Саркел должен был представлять собой пограничную кре-

пость и что так как печенеги кочевали в поволжских степях, то и местоположение крепости нужно искать в том месте, где Дон сближается с Волгой. Между тем, Саркел вовсе не должен был являться обязательно пограничной крепостью. Набеги враждебных племен совершались и в глубь Хазарии. Нет ничего удивительного, что крепость была построена у одного из крупнейших перевозов через Дон и охраняла часть торгового пути, по которому шло значительное количество различных товаров, являвшихся заманчивой добычей для участников разбойных набегов.

История Саркела тесно связана и с историей появления на Дону постоянного и значительного славяно-русского населения и, в частности, с историей одного из замечательных военных походов русского князя Святослава.

Походы русских князей на хазар начались с X века. Один из крупных походов относится ко времени княжения Олега или его преемника Игоря.

Арабский писатель Масуди рассказывает, например, что в 925—926 гг. русы, отправившись в поход, поплыли по Днепру, затем перетащили свои лодки волоком через Крым до Керченского пролива, отсюда двинулись по Керченскому проливу, Азовскому морю и Дону; от Дона до Волги шли опять волоком, а затем по Волге вышли в Каспийское (Хазарское) море, подвергнув опустошению все южное и юго-западное Каспийское побережье. После этого русы с добычей поплыли вверх по Волге. Хазарский каган не препятствовал проходу русов по Хазарии, но на обратном пути русы подверглись внезапному нападению со стороны мусульманских подданных хазарского кагана. За этим походом последовал ряд других, из которых наиболее значительным по своему размаху и последствиям явился поход на хазар Святослава.

СВЯТОСЛАВ И ЕГО ПОХОДЫ

Святослав (один из Рюриковичей, сын князя Игоря и Ольги) был одним из крупнейших полководцев в истории человечества¹.

По меткому и образному замечанию проф. В. В. Мавроди-на, «Княжение Святослава—это последний взмах меча, создавшего основу Киевского государства. Недолгое, продолжавшееся менее десяти лет, княжение Святослава наполнено шумом битв. Русские дружины прошли от Оки до Кавказа и от Волги до Адрианополя, вписав славную страницу в великую книгу истории русского народа.

¹ Святослав умер в 972 г. Он был убит печенегами по пути в Киев, куда он возвращался из Болгарии после войны с болгарами и византийцами.

Венчанное победой и славой овеянное русское оружие положило Руси дорогу на восток и на юг и в бесчисленных битвах вселило в «ворогов» Руси убеждение в ее могуществе и монолитности»¹.

Военная деятельность Святослава, серьезно задуманные им крупные походы на юг были тесно связаны с замыслами его как крупного государственного деятеля и патриота русской земли.

Известно, например, что, освободив от осады печенегов Киев, Святослав не остался жить в нем. «Не любо мне в Киве, — говорил Святослав, — хочу жить в Переяславце на Дунае, потому что там середина моей земли. Там все хорошее сходится: из Греции поступают: золото, шелк, вина и фрукты, из Чехии и Венгрии — серебро и лошади, из Руси же — меха, воск и челядь». В этих словах Святослава запечатлено страстное желание закрепить за Русью экономически выгодные придунайские области, получить выход в Черное море, укрепить свои позиции в борьбе с притязаниями Византийской империи на политическое и экономическое господство в бассейне Черного моря. Святослав упорно стремился создать сильную славянскую русско-болгарскую державу у самых стен Византии и был непрочь завоевать последнюю.

Греческому историку X века Льву Диакону мы обязаны описанием внешнего облика великого русского полководца древности:

«Прибыл он (Святослав) на простой скифской лодке и, взяв в руки весло, греб наравне с прочими, как простой воин. Вот какой он был по внешности: он был умеренного роста, ни слишком высок, ни слишком мал; брови густые, голубые глаза, плоский нос, редкая борода, верхняя губа его была обильно покрыта густыми и вниз спускающимися волосами. Голова была совсем голая, лишь на одной стороне висел локон волос — знак благородного происхождения, шея толстая, плечи широкие и все сложение очень стройное. Взгляд его был мрачный и суровый. В одном ухе висела золотая серьга, украшенная двумя жемчужинами с рубином посреди. На нем была белая одежда, только чистой отличная от других. Поговорив немного... сядя на лавке лодки, он отпирался к себе».

Все годы своего княжения Святослав провел в походах и войнах, опираясь на боевую дружину, составленную из отборных воинов-смельчаков². Дружина Святослава славилась

¹ В. В. Мавродин. — Древняя Русь. Происхождение русского народа и образование Киевского государства, М., Госполитиздат, 1946, стр. 193.

² При чем надо иметь в виду, что в больших походах Святослава участвовала не только княжеская дружина, но и многочисленные русские «вои» — вооруженный народ. О качествах воинов Святослава свидетельствует Лев Диакон: «говорят, что побежденные тавроскифы (русские — Б. Л.) никогда живыми не сдаются неприятелям... что сей народ отважен до безумия, храбр, силен».

своими большими и быстрыми переходами. Дружинники были вооружены длинными копьями, а еще чаще — мечами, луками и высокими щитами. Они имели также засапожные ножи, которыми действовали в рукопашных схватках, когда длинные копья и мечи теряли свои преимущества, становясь неудобным, малоподвижным оружием.

Каково было вооружение русских дружинников в X веке?

На этот вопрос хорошо отвечают данные археологических раскопок древних курганных погребений. Находки оружия в этих курганах показывают, что дружинники имели мечи с прямой крестовиной и, обычно, полукруглым набалдашником. Мечи были массивными, свыше 90 сантиметров длиною. Иногда встречается наряду с мечами так называемый скрамасакс—большой боевой нож. В X веке были также распространены на Руси копья и боевые топоры. Наконечники стрел изготовлялись ромбовидные. Шлемы дружинников были вытянуты кверху. Такие шлемы в более позднее время называли шишаками. Имели дружинники и щиты. Широко применялись в X столетии кольчуги—железные рубахи. В этом отношении русская дружина опережала западных воинов (Скандинавии, Франции, Германии), у которых доспехи были кожаные, часто покрытые металлическими нашивками, в том числе и кольцами, но у которых настоящего кольчужного плетения до XII века не было.

В X веке от печенегов, торков и половцев проникла на Русь и сабля. Лук и стрелы применялись дружинниками очень широко и с большим успехом.

Таким образом, как правильно отмечает проф. А. В. Арциховский, «русские дружинники X—XIII веков были настоящими профессиональными воинами, не уступавшими по вооружению своим западным современникам. Военная отсталость Руси—явление позднейшее».

Вступая в бой, дружинники представляли собой сплошной и глубокий строй, составленный из двадцати, а то и больше шеренг и включавший в себя несколько тысяч человек, надвигавшихся на врага, сомкнув щиты и выставив копья, могучей и несокрушимой стеной.

Любопытно, что во времена Святослава копье, брошенное в направлении войска противника, означало и сигнал к началу боя. Так, «Повесть временных лет» сообщает, что когда Ольга, собрав воинов, пошла в 946 году со своим сыном Святославом на древлян, то «суну копьем Святослав на древляны, и копье лете сквозь уши коневы и удари в ноги коневы, бе бодетек (ибо был Святослав дитя и не мог бросить копья далеко). И рече Свенелд и Асмолд: «Князь уже почал; потягнете, дружина, по князе».

У рядовых воинов Святослава копье было не только основным, но чаще всего и единственным оружием. Мечи и саб-

ли были распространены реже и, очевидно, являлись принадлежностью знатных богатых воинов.

Византийский писатель Скилица, говоря о походах Святослава, добавляет, что славяне шли на войну в веселом, бодром настроении, с музыкой, свирелями, бубнами и с танцами, то есть сохраняя бодрое и уверенное расположение духа.

Вот как проникновенно писал про Святослава поэт-декабрист Рылеев:

«По манию его руки
Бесстрашный рос, пылая местью,
На грозные врагов полки
Летал—и возвращался с, честью.
Он на равнинах дальних сих,
Для славы на беды готовой,
Дивил и чуждых и своих
Своею жизнью суровой.
Ему свод неба был шатром
И в летний зной, и в зимний холод,—
Земля под войлоком одром,
А пищею конина в голод.
«Друзья, нас бегство не спасет!
Гремел герой на бранном поле,
Позор на мертвых не падет;
Нам биться волей иль неволей...
Сразимся ж, храбрые, смелей;
Не посраим отчизны милой—
И груды вражеских костей
Набросим над своей могилой!»
И горсть славян на тьмы врагов
Текла—вождя слышав голос—
И у врагов хладела кровь
И дыбом становился волос!»¹.

Своими военными подвигами Святослав и его войско вписали замечательные страницы в историю русского оружия.

Известны слова Святослава—«Иду на вы», которые часто посылались им врагу как грозное предупреждение. Талантливый полководец древней Руси никогда не нападал на противника без того, чтобы не быть уверенным в своих силах и победе, и лишь после того, как были тщательно заранее изучены сильные и слабые стороны врага и учтены свои собственные возможности. «Иду на вы», «хочю на вы итти» — в устах такого непобедимого, покрывшего себя славой военачальника, как Святослав, звучало для противника серьезной и реальной угрозой, действовало на него устрашающе.

В своих походах Святослав на голову разбивал не только

¹ «Святослав». Поэма К. Ф. Рылеева. Цит. по кн.: К. Рылеев. Стихотворения. Библиотека поэта, № 57, Издательство «Советский писатель», М., 1947, стр. 49.

легкую восточную конницу. В известной войне с дунайскими болгарами и Византией Святослав наносил сокрушительные удары прославленной своей мощью тяжелой римской кавалерии.

В 966—967 гг. Святослав со своей дружиной выступил из Киева против волжско-камских болгар. Разбив армию болгар и овладев их столицей Болгаром (у устья реки Камы), Святослав продолжал свои боевые действия, спустился вниз по Волге к Каспийскому морю. По дороге он вышел победителем и в схватках с племенем бургасов.

Проплыв далее Каспийским морем на юг, Святослав достиг местности между реками Кумой и Тереком, разбив здесь ясов и касогов. Обрато в Киев Святослав возвращался через Северный Кавказ. По пути он на Азовском море завоевал и присоединил к Руси Тмуторокань (Таманский полуостров, составлявший тогда часть хазарских владений). После этого, окруженный ореолом бесстрашного победителя, Святослав вернулся в Киев.

В боях и сражениях Святослав прошел по малоизвестным местностям 3.000 километров по суше и 1.500 километров по воде.

Еще до похода 966—967 гг., в 965 году Святослав нанес сокрушительные удары по Хазарскому царству, овладев, в частности, известной нам крепостью на Дону—Саркелом.

Русская летопись XII века, рассказывающая нам «откуда пошла Русская земля, кто в Киеве первым начал княжить и как устроилась Русская земля», так сообщает о взятии Саркела Святославом:

«В лето 6473 иде Святослав на Козары. Слыша же Козары изыдоша противу с князем своим каганом и соступиша бити; и бывши брани межи ими, одоле Святослав Козаром и град их Белу Вежу взя.. Ясы победи и касоги»¹, т. е.:

«В лето 6473 (в 965 г.) пошел Святослав на козар. Услышали козары, вышли против с князем своим—каганом и вступили в бой. Ододел Святослав козар и город их Белу Вежу взял. Ясов победил и касогов».

В чем смысл похода Святослава на Хазарию? Каган Хазарий подчинил себе и сделал своими данниками ряд славянских племен, и они ждали своего освобождения от вассальной зависимости. Без этого освобождения замедлялся процесс объединения русских племен под эгидой Киевского князя, тормозился рост русского государства. Хазарский барьер отсекал Русь от Волги, Дона, Кавказа, преграждал Святославу путь на юг и восток. Освобождая из-под ига хазарского кагана

¹ Полное собрание русских летописей, том II, изд. 2-е, СПб, 1908, стр. 53.

восточную ветвь славяно-русских племен, Святослав ставил своей целью обезопасить Русь с Востока и, выйдя на Кавказ, к берегам Азовского, Черного и Каспийского морей, завершить начатую еще до Святослава борьбу Руси за выход на Восток.

Со взятием Святославом Саркела греки лишились важного опорного пункта своего влияния на север Черного моря. После же побед Святослава над прикавказскими племенами ясов и касогов, в южно-русских степях преобладание хазар уступило место преобладанию русских. Черноморские владения Византийской империи были поставлены отныне под угрозу. Известно, что в 968 году Святослав предпринял успешные походы за Балканы. Его отряды появились в непосредственной близости к Константинополю.

Удары Святослава были тем больше чувствительны для хазар, что хазарская держава ко времени княжения Святослава находилась в состоянии междоусобных феодальных распрей и внутренней борьбы между отдельными племенами. С падением Хазарского царства прекратило свое существование и большинство его населенных пунктов, и лишь некоторые города, подобно Саркелу, устояли и продолжали свое дальнейшее существование.

Немалую роль в падении Хазарского царства сыграл и русский князь Мстислав Владимирович. В союзе с византийским императором Василием, который прислал греческий флот в Азовское море, Мстислав разбил хазар и взял в плен хазарского кагана Тузлу.

Как бы на развалинах Хазарского царства и возникло сильное русское государство — Киевская Русь.

«Киевская Русь,—говорит акад. Б. Д. Греков,—последнее звено древней исторической цепи и первое новой. Она унаследовала от великого прошлого города торговлю, культуру. Святослав борется за скифское наследство, прочищает пути восточных сношений».

Так «упрямой связью мертвых и живых» тянулись нити из древнего скифо-сарматского мира Подонья-Приазовья к славяно-русскому населению времен Святослава и через них—к русскому населению нашего края в последующий период—в лице бродников XII—XIII веков, а затем—донских казаков. Так уходит своими корнями в глубь веков история освоения Подонья-Приазовья великим русским народом.

В результате походов русских князей на Хазарию средне-русские оседлые племена отпали от хазарской власти. Разгром Святославом хазарского каганата и взятие Саркела усилили движение на юго-восток славяно-русского населения и, в частности, создали более благоприятные условия для роста славяно-русского населения в Подонье-Приазовье.

СЛАВЯНО-РУССКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ПОДОНЬЯ-ПРИАЗОВЬЯ

Через Саркел шел крупнейший степной торговый путь из Руси на Восток¹. Охраняемые дружинами купеческие караваны шли степью к Саркелу и дальше по Дону—в Азовское море. Можно было также, перейдя Дон, двигаться степью же к низовьям Волги или на Северный Кавказ. Все больше росло русское население в степях Подонья-Приазовья, все более русским городом становился Саркел. Русские прочно обосновались в низовьях Дона. Русские князья установили непосредственные связи с народами юга—ясами, касогами и обезами (осетинами, черкесами, абхазцами). В Причерноморье и Приазовье возникли опорные пункты русских княжеств (Тмуторокань в Прикубанье). Над важнейшим торговым путем в восточной части Черного моря устанавливалось господство русских князей.

«Живых свидетелей», рассказывающих об усилении роли и влияния русского населения в степях Подонья-Приазовья, мы опять-таки встречаем среди развалин на левобережном Цымлянском городище. Там находится немало предметов древности, характерных, прежде всего, не для хазар, а для славяно-русского населения.

В этом отношении чрезвычайно показательно не только само левобережное городище, но и некоторые из прилегающих к нему курганов.

В последние годы, под руководством проф. М. И. Артамонова, был раскопан один из больших курганов. Он занимал площадь 50 м. в ширину и имел высоту над уровнем земли примерно 3 м.

В насыпи кургана было обнаружено свыше 230 погребений XI—XII вв.

Все погребенные лежали головою на запад. На некоторых скелетах взрослых мужчин явственно заметны следы ранений холодным оружием. Это воины, павшие в стычках с кочевниками. Многих покойников хоронили в гробах. Среди могильного инвентаря найдены железный кинжал с деревянной рукояткой, лепные торшки и т. д., но больше всего обнаружено различных украшений: бус, подвесок, бубенчиков, височных колец, стеклянных браслетов и пр. (рис. 22, стр. 131). Замечателен богатый пояс с серебряными наборными бляшками. Одни погребения—беднее (без вещей или всего лишь с несколькими простенькими бусами-пронизками), другие—богаче (вплоть до

¹ Другой важнейший путь лежал по воде—по Днепру в Черное море и вдоль крымских берегов к русскому Тмутороканю, что на Таманском полуострове.

золотых височных колец). Много покойников захоронено непосредственно в восточном конце вала городища.

Изучение черепов, найденных в курганах, показало, что наряду с черепами монголоидного туранского типа здесь много европеоидных черепов, свидетельствующих о пребывании в этой местности славян¹.

Большой интерес представляют встречающиеся повторные погребения в одной и той же могиле и даже в одном и том же гробу. В таких случаях скелет погребенного первым сдвинут к краю, при чем оба погребенных—разные по полу. Отсюда следует сделать вывод, что, несмотря на то, что смерть обоих погребенных относится к разному времени, мужа и жену очень часто хоронили в одной могиле, и даже в одном гробу. Большая насыпь кургана образовалась в результате многократных присыпок.

Обнаруженные при скелетах вещи совершенно ясно показывают, что здесь располагалось кладбище именно русского населения. Погребения в кургане резко отличаются от тех, что в маленьких надмогильных насыпях, под которыми содержатся типичные кочевнические погребения нерусского населения.

Примечательно, что находки славяно-русских древностей все чаще относятся к периоду, начиная с X века.

Именно в X веке разгромил хазарское царство князь Святослав, в частности,—в X веке он овладел Саркелом. Нет ничего удивительного, что начиная с X века, славяно-русское население в Подонье-Приазовье быстро разрастается и что основными обитателями здесь становятся славяно-русы. В этом отношении очень ценным является сообщение русской летописи, которая упоминает о том, что в 1117 году, т. е. в начале XII века, на Русь переселились беловежцы («пришли беловежцы на Русь»). Это было как раз в то время, когда в результате захвата южных степей половцами славяно-русское население юга начало отступать, отходить на север. Можно полагать, что под беловежцами летопись разумеет именно население Белой Вежи, а под этим названием был известен летописцам город Саркел.

Свое существование Саркел и прекратил, очевидно, из-за частых набегов степняков, ставших к началу XI века полными хозяевами южно-русских степей.

ПЕЧЕНЕГИ, ПОЛОВЦЫ И РУСЬ

Уже в начале IX века между Яиком и Волгой кочевали печенеги. Теснимые тюркским же племенем узов (торков), печенеги стали передвигаться в районе между Доном и Днестром.

¹ Г. Ф. Дебец. — Палеоантропология СССР. Издательство Акад. Наук СССР, М.-Л., 1948, стр. 256—259 (Саркел).

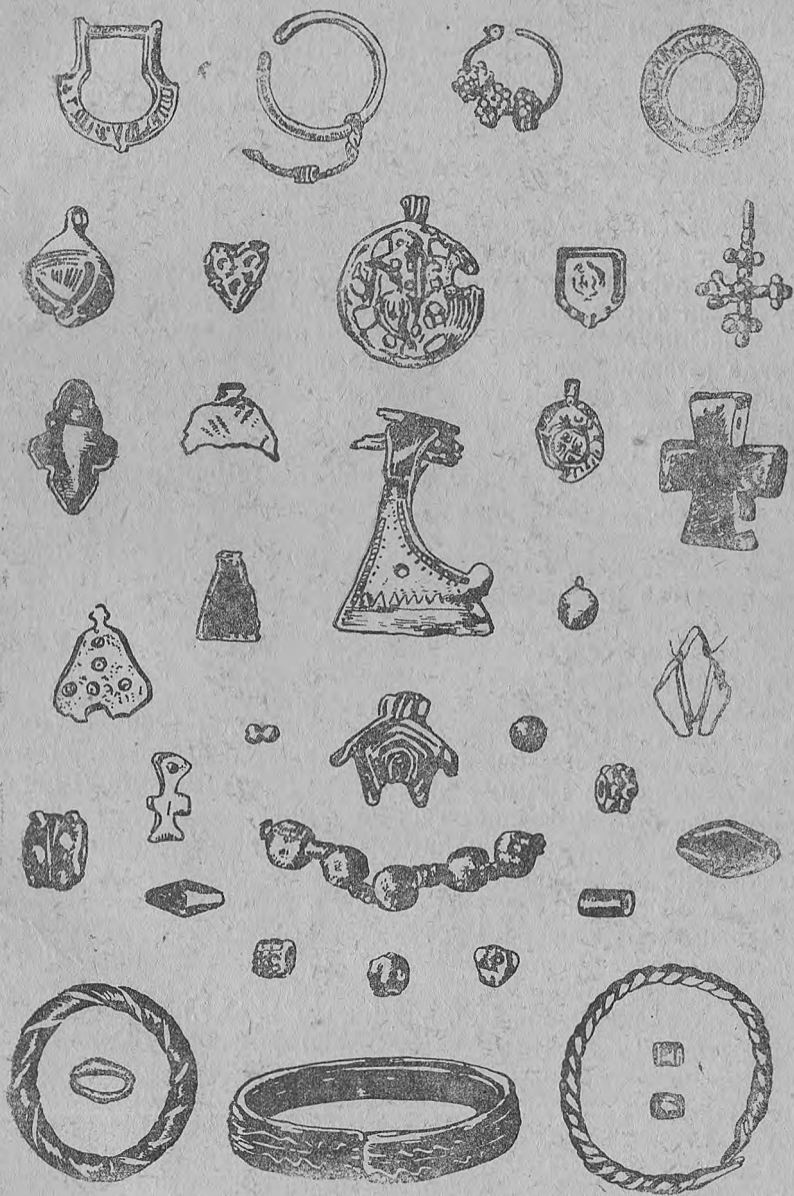

Рис. 22. Предметы из погребений в большом кургане близ Цымлянского городища (по М. И. Артамонову).

По словам византийского писателя X века Льва Диакона,—«печенеги—многочисленный пастушеский народ, всеядный, кочующий и живущий большою частью в кибитках». Печенеги делились на восемь орд, а каждая орда — на сорок улусов.

Византийский писатель XI века Феофилакт Болгарский говорит, что для печенегов «жизнь мирная — несчастье, верх благополучия — когда они имеют удобный случай для войны. Самое худшее, что они своим множеством превосходят весенних пчел, и никто еще не знал, сколькими тысячами или десятками тысяч они считаются; число их бесчисленно».

Воины-печенеги имели при себе не менее двух лошадей, а иногда (в зависимости от конского поголовья) и больше. Лошадь под всадником постоянно менялась, и перемена коня очень значительно увеличивала быстроту и дальность пробега. «Они не перестают ехать,—говорит о печенегах Роберт де Кларк,—днем и ночью с такой неутомимостью, что за ночь и день совершают шесть, семь и восемь конных переходов».

В X веке кочевья печенегов занимали обширные степные пространства от правого берега Дона до впадения Прута в Дунай на западе. На юге земли печенегов доходили до Черного моря, на севере—граничили с Русью. Появившись у русских границ, печенеги стали тревожить Русь. В первой половине XI в. русским удалось основательно ослабить печенегов, но на смену им в степях появились торки. В 1060 году объединенные силы русских князей разгромили и торков. Вскоре появились новые грозные кочевники—половцы, которым подчинились остатки печенегов и торков.

В сравнении со степными кочевниками—своими предшественниками,—половцы (повидимому, одна из ветвей канглы) явились наибольшей угрозой для Руси. В числе племен, населявших на Киевскую Русь в домонгольский период, половцы были более многочисленны и могущественны, чем их предшественники.

О половцах Рабби Петакиа (около 1170 г.) сообщает, что «они живут в палатках, чрезвычайно дальнорезки, обладают прекрасными глазами... Они отличные стрелки и убивают птиц на лету». По свидетельству Эломари, «питание их составляют животные их: лошади, коровы и овцы... Большая же часть их еды состоит из мяса, добываемого посредством охоты». В общем основной отраслью хозяйства половцев являлось кочевое скотоводство. В местностях по соседству с русскими княжествами половцы частично переходили к оседлости и занимались земледелием. Важнейшими предметами вывоза у половцев были меха и рабы, которые приобретались путем вооруженных набегов и обложения покоренных племен данью.

По своему социальному строю половцы находились в стадии разложения патриархально-родовых отношений, выделения родовой знати, перехода к феодализму, но основой общественного производства еще оставался труд свободных членов родовых общин.

В южно-русских степях половцы образовали большое объединение, основная масса населения которого вела кочевой образ жизни, а часть уже переходила на оседлый земледельческий труд. Половцы поглотили население Хазарин, — частично истребили его, частично слились с ним, чем и можно объяснить тот факт, что в XII—XIII веках о хазарах ничего уже не было больше известно.

У окружающих их оседлых народов половцы не имели общего названия. В мусульманских источниках они фигурируют под именем кипчаков, в византийских — куманов, в венгерских — кунов и т. д. Византийское имя «куман» было собственным турецким именем этого тюрко-язычного народа. Имя же «половцы» ему дали русские. О происхождении слова «половцы» было много споров. Наибольшее признание получило объяснение слова «половцы» от «половый» (старославянское слово «плюва» — солома, откуда и происходит — «полова», «половый» — бледный, белесовато-соломенного цвета). Так русские будто бы называли половцев по их белокурости, светловолосости. Однако светловолосость половцев не засвидетельствована письменными источниками. Гораздо более вероятно, поэтому, что слово «половцы» — перевод собственно-половецкого (турецкого) наименования — «куман». Река Куман (ногайское название) известна у русских под именем Кубани. Корень этого слова — «Куба» — у ногайцев — «бледный», у шорцев — бледный, сероватый, у казахов — бледножелтый. Казахи называют степь «куба — жон» (сравни с русским «половеть» — блекнуть, вянуть, желтеть). Слово «кубан — куман», очевидно, и было принято русскими в соответствующем смысловом переводе («половцы») ¹.

С пребыванием на Дону половцев следует связать и происхождение названия — «Кобяково городище», как именуются известные остатки крупного древнего поселения близ станицы Аксайской.

«Кобяк» — широко распространенное среди тюркских племен имя, которое носили и некоторые из знатных лиц в Малой Азии, например, у сельджукидов Рума был визир Са'д — эд — дин Кобяк.

Исторически засвидетельствовано имя крупного половецкого хана Кобяка, который вместе со многими половецкими

¹ Ср. А. Пономарев. — Куман — половцы, «Вестник древней истории», М., 1940, № 3—4, стр. 366—370.

князьями был разбит и захвачен в плен русскими в 1183—1184 гг. во время их похода против половцев.¹

В XI—XII вв. владения половцев-кипчаков составляли степи северного Причерноморья между Дунаем и Волгой, включая также крымские степи и берега Азовского моря с Предкавказьем.

Северные границы земли Половецкой соприкасались с юго-восточными рубежами Киевской Руси. Значительное количество половецких становищ располагалось по Северскому (Северному) Донцу и за ним, в частности,—между Сев. Донцом и Тором (Торцом). Это были донецкие половцы. В бассейне р. Дон кочевали донские половцы. Известно, что в бассейне р. Молочная находился один из крупных центров приморских половцев (а позднее—ногайцев), которые кочевали от Днепра до нижнего Дона по берегам Азовского моря. Между Сев. Донцом и Тором, в глубине Половецкой земли, лежали города Шарукань, Сугров, Балин. В смелых походах против половцев — в 1103, 1109, 1111, 1116 гг., русские достигали этих земель.

Что половцы, обитавшие в Подонье, были многочисленны—подтверждается летописью, свидетельствующей о том, что, когда князь Игорь Святославович совершил свой известный поход на половцев в 1185 году, то, по словам самого князя, он «собрахом (собрал на себя) всю землю Половецкую» (Ипатьевская летопись)².

Половецкие древности известны нам по курганным погребениям. В этих погребениях имеются при скелетах (лежащих головою на восток) сабли, колчаны, стрелы, кольчуги (кстати сказать, во всем мире постепенный переход от меча к сабле прослеживается подробно именно по южно-русским погребениям родственных друг другу печенегов, торков и половцев). В женских погребениях встречаются находки серебряных бус. Часто, вместо того, чтобы насыпать над могилами покойников курганы, половцы предпочитали хоронить умерших в насыпях уже существовавших, более древних курганов—брон-

¹ В 1184 г. князь Святослав одержал блестящую победу над половцами на реке Орели (впадающей в Днепр). Войска Святослава захватили в плен более 7000 половцев, в том числе—свыше 400 половецких князей. В числе пленников был хан Кобяк.

² Иногда отдельные группы половцев покидали свои кочевья и переходили на сторону русских князей. В отличие от степных «диких» кочевников, таких замиренных выходцев звали на Руси «своими поганymi», поручая им в отдельных случаях несение сторожевой военной службы, то есть—оборону русских границ. Подобного рода замиренные кочевники (половцы, печенеги, торки, берендеи и другие) были известны под общим названием «черных клобуков». Некоторая часть торков постепенно окончательно слилась с русскими, приняв участие в общей государственной жизни Руси.

зового века или скифо-сарматского времени (так называемые «впускные» погребения).

С половцами связан и такой распространенный в южно-русских степях вид памятников древности как «каменные бабы».

Вспомним «Степь» А. П. Чехова: «Летит коршун над самой землей, плавно взмахивая крыльями, и вдруг останавливается в воздухе, точно задумавшись о скуке жизни, потом встряхивает крыльями и стрелою несется над степью... Для разнообразия мелькнет в бурьяне белый череп или булыжник, вырастет на мгновение серая каменная баба или высохшая ветла с синей ракшей на верхней ветке, перебежит дорогу суслик, — и опять бегут мимо глаз бурьяны, холмы, грачи...»

Вечер, ночь. «Едешь час-другой... Попадается на пути молчаливый старик-курган или каменная баба, поставленная бог ведает кем и когда, бесшумно пролетит над землею ночная птица, и мало-помалу на память приходят степные легенды, рассказы встречных, сказки няньки-степнячки и все то, что сам сумел увидеть и постичь душою... Душа дает отклик прекрасной, суровой родине, и хочется лететь над степью вместе с ночной птицей».

Каменная баба неслучайно показана Чеховым в качестве типичного элемента степного пейзажа, который великий писатель так хорошо знал и так вдохновенно воспел.

Неотъемлемой принадлежностью степного южно-русского пейзажа средних веков были стоявшие на курганах изваяния (из песчаника, гранита, известняка и других пород) мужских и женских фигур, так называемые каменные «бабы» (от тюркского — «балбалы»). Изваяния эти и поныне можно встретить в донских станицах и хуторах. Еще в прошлом столетии они насчитывались в донских степях сотнями. Несколько типичных экземпляров каменных баб собрано в Новочеркасском городском саду, отдельные экземпляры имеются во всех музеях Ростовской области (рис. 23 на стр. 136). Средняя высота «бабы» — примерно 2 м. Руки изваяния всегда сложены вместе на нижней части живота и держат ритуальный сосуд — кружку, кубок, рог. На лицах мужских фигур изображены усы и, реже — бороды. На некоторых мужских статуях изображалось вооружение — шлемы, сабли, луки, колчаны со стрелами, кресало на подвеске и т. д., на женских — серьги, бусы, ожерелья, нагрудные коробочки и другие украшения. Наличие серег характерно, впрочем, и для мужских статуй.

Чаще всего люди изображены в стоячем положении, но иногда — и в сидячем. Ноги всегда непропорционально коротки. Сделаны каменные бабы, как правило, грубо, но некоторые из них отделаны значительно лучше и тщательно (де-

тали одежды, прическа, вооружение, украшения), другие — предельно схематизированы.

Распространены каменные бабы очень широко — от Днестра на западе через Украину и Крым, южно-русские степи и Кавказ до Монголии. Найденные в Монголии по течению реки

Рис. 23. Каменные «бабы» из собраний в Новочеркасском музее:
А — женское изваяние. Б — мужское изваяние.

Орхон надписи и другие данные свидетельствуют о том, что каменные бабы воздвигались здесь тюркскими племенами, ставились всегда лицом к востоку и изображали собой главного врага того, кто похоронен под курганом и некогда сразил врага своей рукой. По шаманским верованиям, душа того, кто изображен в изваянии, будет вечно, и за гробом, служить тому, кто покоится под курганом. Такое толкование, однако, нельзя признать полным: оно не объясняет, в частности, значения женских фигур.

Каменные бабы южно-русских степей, таким образом, с

наибольшим основанием должны быть отнесены в своей массе к тюркским кочевникам и, прежде всего,—к половцам.

Обилие каменных баб в южно-русских степях было отмечено еще в начале второй половины XIII века. В 1253 году голландский монах Вильгельм де Рубрук был послан французским королем Людовиком IX к татарам для обращения их в христианство. Из Константинополя Рубрук проехал через Крым и приазовские степи, пересек реки Сев. Донец, Дон, Хопер, Медведицу и побывал в Сарае, на Кавказе, в Средней Азии и на юге Сибири.

В интересном описании своего путешествия Рубрук рассказывает, что, проезжая по степям, он заметил, что куманы (половцы) «насыпают большой холм над усопшим и воздвигают ему статую, обращенную лицом к востоку и держащую у себя в руке перед пупком чашу».

На каменных «бабах» с мужским изображением очень часто встречаются перекрещивающиеся на груди ремни, укрепленные по обе стороны металлическими бляхами.

Очень характерно зарисованное художником изваяние из известняка, обнаруженное на Дону в насыпи небольшого кургана (см. рис. 23-Б). На голове мужчины-воина — высокий конический шлем с накладной верхушкой, трубкой для перьев, венцом и наносником с двумя отверстиями. На плечах и груди воина три ремня, покрытые, видимо, прямоугольными металлическими пластинами с перекрещивающимися по диагонали насечками. Концы ремней свешиваются на грудь, пересекаясь с поперечным ремнем, при чем в этом месте сверх двух ремней—две нагрудные бляхи. Ремни и бляхи едва ли могли предохранять воина от вражеских ударов и, скорее всего, представляли уж не часть вооружения, а декоративную парадную военную деталь, «быть может, признак определенного военного достоинства или же атрибута определенной категории воинов»¹. Бросается в глаза ярковыраженная скуластость воина, усы, спадающие сзади косы.

Все это типичные элементы «половецкой» группы каменных мужских изваяний.

Любопытно следующее: в одном из курганов у пос. Гусельщикова в 10 верстах от Новониколаевской станицы, б. Таганрогского округа, в 1902 году было найдено средневековое погребение. Вдоль левого бока скелета лежал обоюдоострый прямой железный меч, у пояса—просверленный зуб (амулет), две яшмовых бусы, а на груди—несколько ремней, укрепленных и украшенных медной проволокой, и два круглых щитка, устроенных таким образом, что внизу помещалась кре-

¹ П. Н. Шульц—Каменные изваяния воинов из курганной группы «Чокрак». Сборник исследований и материалов Артиллерийского исторического музея Красной Армии, I, М.-Л., 1940, стр. 222—231.

етовина (из меди с примесью около 10% золота), на которую был одет кружок толстой кожи, окованный тонким листом серебра. Иначе говоря,—ремни эти полностью аналогичны тем, что изображены на каменных бабах¹.

* * *

Половцы причиняли Руси немало тревог и бед. Нападением половцев Русь начала подвергаться с 1061 года.

Особенно сильно стали они тревожить русские земли с половины XII века. Вообще же, за два столетия можно насчитать более 40 крупных опустошительных набегов половцев на Русь, не считая сотен повседневных мелких. Набеги эти прекратились только перед самым нашествием монголо-татар, покоривших половцев и частично приобщивших их к своим полчищам. Борьба Руси против половцев была длительной и упорной. Еще на съезде князей в Любече (1097 г.) раздавались голоса отдельных князей: «почто губим Русскую землю, сами на ся котору имуще? А половцы землю нашу несут розно и ради суть оже межи нами рать доньне. Отселе имемся по единому сердцу и соблюдаем Русскую землю!»².

Уже с начала XII века Русь перешла в наступление против степных кочевников. Русские нанесли половцам ряд сокрушительных ударов.

Одним из основных направлений русских походов в Половецкую землю, «на Дон», исследователи (К. В. Кудряшев и др.) считают пути по водоразделу между Осколом и Доном к нижнему течению Сев. Донца или же по водоразделу между Доном и Хопром (где в XVII в. будет проходить известный ногайский шлях) по направлению к Нижнему Дону. Этот последний путь затечатлен и летописцами.

Наиболее успешными были четыре похода против половцев Владимира Мономаха в 1103—1116 гг., когда Владимир сумел проникнуть в глубь Половецкой земли, «пил,—по словам летописи,—золотым шеломом Дон» и заставил значительное количество половцев откочевать на Северный Кавказ. Могущество половцев было серьезно ослаблено смелым и активным сопротивлением русских. Однако рост феодальной междоусобицы на Руси, заставлявшей отдельных князей искать себе среди половцев союзников для борьбы с другими князьями, позволял половцам еще некоторое время разорять южно-русские земли. Феодальные распри серьезно ослабляли Русь того времени, мешали объединению ее сил, что чувствительно сказалось в известном трагическом походе на половцев Северского князя Игоря в 1185 году.

¹ Раскопки в Таганрогском округе. Труды XV археологического съезда в Харькове, том I, М., 1905, стр. 748—751.

² Ипатьевская летопись, изд. 1871, стр. 167.

ПОХОД КНЯЗЯ ИГОРЯ НА ДОН

О походе Игоря рассказывают нам и летопись, и замечательное, бессмертное произведение древнерусской художественной литературы—«Слово о полку Игореве».

Игорь выступил в поход из Новгорода Северского 23 апреля; постепенно собирая свою дружину, он шел «тихо». Вскоре к нему присоединились его брат Всеволод из Трубчевска, из Путивля—сын Владимир, из Рыльска—князь Святослав Ольгович. От князя Ярослава Черниговского Игорь получил вспомогательный отряд во главе с воеводой Ольстином Олексовичем, и на этом закончил сбор дружины.

На 9-й день похода, 1 мая 1185 года, Игорь с дружиной подошел к Донцу, где их застало неожиданно наступившее солнечное затмение, которое дружина сочла за плохое предзнаменование. Однако Игорь успокоил дружинников, перевел дружину на другой берег Донца, а отсюда направился к реке Оскол, где через 2 дня соединился с вспомогательными отрядами князя Всеволода, шедшего сюда из Курска по другому пути. Соединенные силы Игоря прошли на юг до реки Сальницы, где разведчики донесли, что половцы находятся наготове.

Не желая отступать без боя, Игорь решил продолжать наступление. Русская дружина шла под защитой темноты всю ночь. На другой день, в пятницу, около 12 часов Игорь встретил половецкие полки, стоявшие на другом берегу реки Сюурлия. Выстрелив из луков и не приняв боя, половцы усаkali. Часть дружинников погналась за неприятелем и захватила богатую добычу.

Так прошло несколько дней. Далеко зашла в степь дружина Игоря. Обстановка была тревожной. Нужно было уходить обратно, но основные силы ждали возвращения передового полка, пустившегося в погоню за половцами. Люди и кони были утомлены. Святослав и Всеволод требовали от Игоря дать людям и коням отдых. В результате этих настояний русское войско расположилось в степи на ночлег. «Дремлет в поле Ольгово хороброе гнездо. Далече залетело!»—говорится в «Слове о полку Игореве».

В субботу ранним утром крупные силы врага начали наступление, окружая русских. Князя спешили конницу и стали пробиваться к Донцу. Весь день длилась жестокая битва. Ее не остановила и наступившая ночь. Бой продолжался и на второй день, в воскресенье. Половцы упорно не подпускали русских к воде и те очень страдали от жажды. Пытаясь подбодрить павших духом и предотвратить опасность разъединения русских отрядов, Игорь отошел неосторожно от своего полка и был схвачен половцами. Когда его брали в плен, он

еще видел, как брат его Всеволод стойко отбивался от нападавших на него половцев.

На реке Каяле происходила эта битва, закончившаяся поражением для русских войск. Только ничтожная часть игорева войска спаслась бегством, подавляющее же большинство воинов было убито. О гибели северских дружин даже некому было передать известие на Русь. «Слово о полку Игореве» так описывает конец побоища Игоря с половцами:

«Что мне шумит, что мне звенит издалека рано перед зарею? Игорь полки поворачивает: жаль ведь ему милого брата Всеволода. Бились день, бились другой; на третий день к полудню пали стяги Игоревы. Тут братья разлучились на берегу быстрой Каялы; тут кровавого вина нехватило; тут пир dokonчили храбрые русские: сватов напоили и сами полегли на землю Русскую. Никнет трава от жалости, и дерево с печалью к земле преклонилося» (Перевод С. Шамбинаго и В. Ржиги)¹.

Так повествует о битве с половцами и гибели русской дружины «Слово о полку Игореве» — этот ценнейший исторический памятник Руси XII века, это гениальное художественное произведение, свидетельствующее о высокой русской культуре того времени.

Великой печалью и глубокой обидой напоены страстные строки «Слова». Но за тоской и обидой в «Слове о полку Игореве» ярко выражено горячее желание неизвестного поэта, пылкого патриота своей родины, — чтобы великий русский народ перед лицом врага покончил с феодальной раздробленностью Русской земли, осуществил свое национальное единство, отстоял свою отчизну от всех вражеских нападений.

Автор «Слова» призывает русских князей к единению для защиты всей русской земли от внешнего врага, от черных воронов, от половчанина поганого. Карл Маркс, высоко ценивший «Слово о полку Игореве», писал, что «смысл поэмы — призыв русских князей к единению, как раз перед нашествием монголов».

Устами князя Святослава автор «Слова» призывает русских князей вступить:

¹ Князь Игорь под наблюдением 20 сторожей жил в плену у половцев вместе с несколькими своими слугами. Вскоре Игорь задумал побег. Выбрав вечер, когда бдительность сторожей, опьяненных кумысом, ослабла, Игорь тайком пришел к реке, переправился на другой берег и, сев на коня, с которым ожидал его там слуга, поскакал прочь. Погоня не настигла Игоря. Загнав коней, Игорь доскакал до русского брода, а оттуда 11 дней пешком добирался до города Донца, откуда направился уже в свой город Новгород Северский.

«За обиду нашего времени —
За землю Русскую,
За раны Игоревы —
Храброго Святославовича».

Свыше семи с половиной веков прошло с того времени как в Киевской Руси был создан замечательный памятник мировой поэзии «Слово о полку Игореве», но и сейчас еще это «Слово» волнует наши умы и сердца, еще больше усиливает чувство любви советских людей к своей священной земле — к социалистической Родине.

Ценные сведения о походе Игоря на половцев черпаем мы также из русской летописи по Ипатьевскому списку. Подобно «Слову», рассказ летописи глубоко патриотичен, проникнут гордостью за мужество Игоря и его соратников, горькой скорбью за поражение русского войска:

«И сказал Игорь (братьям своим и дружинникам): «Вот, должно быть, собрали мы на себя всю землю половецкую: Копчака и Козу Бурновича, и Токсобича Колобича, и Етебича, и Тертьробича». И посоветовались, слезли с коней, хотели они с боем дойти до реки Донца, а говорили: «Если побегим, убежим сами, а простых людей оставим, то будет нам грех, что их выдали врагам; или умрем, или живы будем вместе». И сказав так, слезли с коней и пошли сражаться... И так сражались мужественно весь день до вечера, и много было раненых и мертвых в полках русских; когда же настала ночь субботняя, русские пошли с боем... Храбро все сражались... И как приблизился (раненый) Игорь к своим полкам и переехал поперек поля, и тут его взяли в плен на один полет стрелы в отдалении от своего полка. Взятый в плен Игорь видел своего брата Всеволода мужественно сражающимся и просил себе смерти, чтобы не увидеть падение своего брата; Всеволод же до того бился, что и оружия не осталось в его руках, и бились в пути... И так, в день святого воскресения навел на нас господь гнев свой, вместо радости, навел плач и вместо веселья — горе, на реке Калке» (перевод М. Н. Тихомирова).

Интересен вопрос — где же именно происходила героическая схватка дружины Игоря с превосходящими силами половцев? Жителей Ростовской области этот вопрос особенно интересует еще и потому, что в пределах области имеются реки Сал и Кагальник, своими названиями напоминающие Сальницу, Каялу. Поход Игоря, должно быть, происходил где-то в близких к современной Ростовской области местностях. Где же?

По этому вопросу ученые высказывали самые различные соображения.

Еще известный историк Н. М. Карамзин предполагал, что Сальница — это река Сал, которая впадает в Дон с левой стороны, у Семикаракорской станицы, а река Каял — это река Кагальник, впадающая в Азовское море вблизи устьев реки Дон. Высказывалось и соображение о том, что Сюурлия — это донская протока Сусата, между устьями Сала и Маныча.

Если такая точка зрения правильна, тогда следовало бы признать, что решающие события похода князя Игоря на половцев разворачивались именно на территории современной Ростовской области.

Однако другие исследователи решительно возражали против мнения Карамзина. Подробно разбирая возможный путь Игоря, изучая географию местности, старинные названия рек, сопоставляя письменные источники и т. д., ученые расходились, да и сейчас продолжают расходиться в своих мнениях о том, где именно, в каком пункте произошла битва игорева войска с половцами, по какому точно маршруту пролегал путь Игоря в половецкую землю.

В 1937 году советский ученый проф. К. В. Кудряшев опубликовал работу, в которой, на основе тщательного разбора и анализа всех материалов, пытался установить местонахождение летописных рек Сальницы, Сюурлии и Каялы. Проф. К. В. Кудряшев считает, что Сальница впадала в Донец между Изюмом и Юзюмцем и что река Каял соответствует реке Кальмиус в бассейне Азовского моря¹.

Однако и точка зрения проф. Кудряшева не может быть признана окончательно разрешающей этот вопрос.

Одна из последних по времени попыток определить вероятный путь князя Игоря Северского на половцев в 1185 году (работа В. Афанасьева, опубликованная в 1939 г.) устанавливает, что местом гибели игоревых войск является междуречье рр. Белая Калитва — Быстрая, за рекой Сев. Донцом. Это — район расположения хут. Усть-Быстрянского, ст. Екатериновки, ст. Усть-Белокалитвенской и др. Место последней битвы Игоря с половцами усматривается в окрестностях хут. Усть-Быстрянского. Нынешняя река Быстрая, повидимому, и представляет собой реку Каялу.

Если взгляды В. Афанасьева правильны, то выходит, что заключительные действия похода Игоря на половцев разворачивались на территории нынешней Ростовской области.

Смертью храбрых закончили свой поход на половцев дружинники Игоря. Кровью лучших сынов платила Русь, героически отстаивая свободу и независимость своей земли...

¹ В новейшей своей публикации К. В. Кудряшев отстаивает вариант, по которому поражение северских войск Игоря произошло в районе Торских соляных озер и реки Макатихи («Каялы», то есть в местности между Сев. Донцом и Сухим Торцом (К. В. Кудряшев — «Слово о полку Игореве» в историко-географическом освещении», «Слово о полку Игореве», Сборник статей. Гос. Литер. Музей. М., 1947, стр. 43—94).

ЗОЛОТАЯ ОРДА И МОНГОЛО-ТАТАРСКИЙ АЗАК

XIII век принес русскому народу новые тяжелые и грозные испытания. На северо-западе завязалась упорная и кровавая борьба с шведско-немецкой агрессией, с юга последовало нашествие монголо-татар.

Нойоны Чингис-хана Джебэ и Субэдэ провели крупную монгольскую армию вдоль южного берега Каспийского моря в Закавказье и через «врата народов» (Дербентское ущелье) — на Северный Кавказ. Задержанные там объединенными силами алан и половцев, монголы заключили с последними мирный договор с тем, чтобы потом разгромить алан и половцев порознь.

Полчища монголов стали угрожать русским землям. Это заставило русских князей объединиться с половцами и выступить совместно против монголов.

В 1223 году монголы зимовали уже в черноморских и приазовских степях, вторглись в Крым. В решительном сражении на реке Калке (возможно, река Калмиус), впадающей в Азовское море, объединенные силы русских и половцев потерпели полное поражение. Последовавшее во время сражения бегство половцев с поля битвы расстроило ряды русского войска и предредило победу хищных завоевателей.

Жестокий отпор, который дали захватчикам камские болгары, заставил монголов, утомленных и ослабленных в длительном и трудном походе, вернуться через низовья Волги в Среднюю Азию. Вскоре, однако, они появились вновь. В 1235 году внук Чингис-хана и сын Джучи — Бату (Батый) начал с помощью Субэдэ поход на юго-восток Европы. Под ударами монголов пала Камская Болгария, в руки Батыя перешли значительная часть кочевья половцев, земли мордвы, вся территория от Каспийского и Азовского морей до юго-восточных пределов Руси. В 1237 году наступил черед русских городов. Подобно опустошительному урагану, обрушились монголо-татары на русскую землю, неся с собой смерть и разорение. Наступил длительный экономический и культурный упадок Руси. В 1239 году монголы завершили завоевание и всей половецкой земли.

На громадной территории, завоеванной войсками Батыя, сложилось в Восточной Европе новое, сильное феодальное монголо-татарское государство — «Золотая Орда», или «Улус Джучи» (улус потомков Джучи), «Синяя Орда» (по восточным источникам). Русские княжества стали вассалами Золотой Орды, под власть которой подпало множество народов, находившихся на разных ступенях общественно-экономического развития.

Северная граница Золотой Орды проходила по террито-

рии русских княжеств, на северо-востоке она захватывала большой торговый город Булгар с прилегающими к нему местностями, на западе—включала в себя степные пространства до Днепра и даже дальше, на востоке граница Золотой Орды тянулась до Западной Сибири и низовьев реки Сыр-Дарьи. На юге же в состав монголо-татарского государства входили Крым, Кавказ (до Дербента, а временами—и до Баку), северный Хорезм. Вошло в состав Золотой Орды и все Подонье-Приазовье.

Жизнь русских поселений в нашем крае прервалась к этому времени полностью; лишь кое-где в степных местностях Придонья продолжали обитать отдельные группы смелых русских людей, известных под именем «бродников», занимавшихся охотой, рыболовством и другими промыслами.

Что же касается половцев, то их общественно-экономическая близость к завоевателям-монголам (система кочевого феодализма с сильными родовыми пережитками) способствовала слиянию тюркского населения южно-русских степей с пришлым монголо-татарским.

Центр Золотой Орды находился в низовьях Волги. Это был сначала Сарай-Бату («Дворец Батые») близ нынешней Астрахани, затем (с начала XIII века)—Сарай-Берке («Дворец Берке», брата Батые)—недалеко от современного Сталинграда.

С течением времени Золотая Орда заняла важное место в системе торговых операций между Азией и Европой. Через Орду шли древние караванные пути, связывавшие запад Европы с крайним востоком Азии. Установились постоянные экономические связи Орды с окружающими ее странами Запада и Востока.

Караванная торговля на Востоке получила в XIII—XIV веках широчайшее развитие. Она находилась в руках специальных компаний, в состав которых входили не только купцы, но и монгольские феодалы, вплоть до ханов и эмиров.

Одним из крупных торговых городов Золотой Орды являлся город Азак, расположенный на берегу Азовского моря, на месте нынешнего города Азова (Азак—Азов).

Первые сведения об Азаке, как татарском городе, восходят к XIII веку.

Имя Азака встречается на картах Ибн-Саида из Магриба 1274 года, Абульфеди 1331 года.

В некоторые периоды существования Азака в нем имелся свой монетный чекан и собственный монетный двор. Монеты Азака заходили иногда весьма далеко. Так, например, одна из чеканенных в Азаке монет была недавно обнаружена в составе монетного клада, найденного в окрестностях города Спасска. На лицевой стороне монеты начертано: «Бердибек-хан», на оборотной—«Азак 759» (или 1358 год н. эры). Так как че-

рез города Золотой Орды велась торговля и с ближними, и с дальними странами и местностями, то не в диковину было встретить в Сарае, Азаке и других городах Орды кыпчака-половца, русского, черкеса, армянина, иранца, араба, грека, египтянина, а также представителей Западной Европы.

Арабский путешественник XIV века Абуабдаллах Мухаммед Ибн-Батута, посетивший Азак по дороге из Крыма, пишет: «Мы прибыли к городу Азаку... который лежит на берегу моря и отличается красивой постройкой. Приезжают туда генуэзцы и другие с товарами. Когда письмо эмира Тулуктумура прибыло к эмиру азовскому, Мухаммедходже Эл-харизми, то он вышел мне навстречу вместе с кадием и талибами (учениками) и предложил нам угощение... Расположились мы вне его (Азака), поблизости от тамошнего монастыря (христианского—Б. Л.) Хыдра и Ильи»¹.

ГЕНУЭЗСКО-ВЕНЕЦИАНСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ ПРИ ЧЕРНОМОРЬЕ-ПРИАЗОВЬЕ

История Азака неотделима от истории генуэзско-венечанской торговой фактории Таны, находившейся также на месте современного Азова, бок-о-бок с монголо-татарским Азаком. История Таны и ее роль в жизни Подонья-Приазовья средних веков связаны с итальянской (итальянской) колонизацией на побережье Азовского моря.

Известно, что Италия XIII—XVI веков не являлась единым государством. Неравномерность экономического, политического и культурного развития отдельных частей Аппенинского полуострова долгое время способствовала политической раздробленности Италии, распадавшейся на ряд отдельных крупных и мелких государств.

Среди последних мы встречаем на побережье Средиземного моря торговую республику Геную. На группе маленьких и низких островков северного побережья Адриатического моря находилась другая, и притом крупнейшая, морская торговая республика Венеция — опасный и постоянный конкурент Генуи.

Имея сильный торговый и отчасти военный флот, располагая рядом опорных пунктов вне Италии, Генуя и Венеция, вместе с портовым городом Пизой в устье реки Арно, играли весьма видную роль, осуществляя крупнейшие международные торговые операции, в частности, со странами Востока (Балканский полуостров, Сирия и др.). Все эти итальянские

¹ «Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды» В. Г. Тизенгаузена. т. I; «Извлечение из сочинений арабских», СПб, 1884, стр. 285—286.

города-порты вели между собой длительную и жестокую конкурентную борьбу, приобретавшую характер открытых войн. Генуя достигла максимального расцвета в последней четверти XIII века, на голову разбив в двух сражениях 1294 г. пизанский флот, что привело к длительному упадку Пизы.

Генуэзские колонии возникают тогда и на северном побережье Черного моря, где главной из них являлась Каффа (Феодосия), и в Приазовье — Тана (Азов).

Наиболее длительной и упорной была вековая борьба между Генуей и Венецией. Борьба эта шла с переменным успехом. Только после разгрома венецианского флота в битве при Курзоле 8 сентября 1298 года, Генуя сумела, наконец, не только сохранить свое господствующее положение на Босфоре, но и стать полным хозяином на Черном море, закрыв на некоторое, хотя непродолжительное, время доступ в него кораблям Венеции. В XIV веке борьба между Генуей и Венецией разгорелась с новой силой. 27 августа 1353 года венецианцы одержали крупную победу над генуэзским флотом у западного берега Сардинии. Обе стороны заключили в 1355 году мирный договор, одним из условий которого было закрытие главного венецианского порта Таны на три года. Новый открытый конфликт между двумя морскими торговыми республиками возник в 1372 году. Венеция терпит тяжелые поражения, но не сдается, а к 1380 году получает перевес над Генуей, не сумев, однако, поколебать позиций Генуи на Востоке.

В конце XIV века заморская торговля Италии достигает наивысшего расцвета. Причерноморские итальянские колонии, в том числе Тана, живут исключительно интенсивной жизнью.

Большое место в вывозе товаров занимают пшеница, а также черноморская и азовско-донская рыба. Рыбный промысел и добыча икры приносили итальянским купцам огромные прибыли. Известно, что ввоз рыбы из Азовского моря в Италию был настолько велик, что пошлина с этого предмета ввоза представляла собой один из главнейших государственных доходов.

Торговые операции генуэзских и венецианских купцов с Востоком имели сложную организацию. Обычно для найма кораблей объединялось несколько ассоциаций предпринимателей. Грузенные товарами корабли собирались в караваны — по десятку и более судов. На этих кораблях находились товары многих купцов, иногда пятисот-шестисот человек, однако число участников каждого плавания все более сокращалось за счет происходившего уже тогда процесса концентрации капиталов и обогащения отдельных крупных купцов-предпринимателей.

Караваны пускались в плавание обычно осенью, чтобы вернуться домой после зимы, или весной, дабы вернуться на родину осенью. Сами итальянские купцы, прибывая в тот или иной пункт (например, в ту же Тану), чаще всего предпочитали продавать товар через своих тамошних агентов или местных купцов — нередко своих же соотечественников. Здесь же закупались и вывозились в Италию другие товары, которые отправлялись затем для перепродажи в торговые центры Европы. Венеция, впрочем, меньше, чем Генуя или Пиза, переотправляла товары дальше, ибо в самой Венеции находился мировой рынок восточных товаров, за которыми съезжались купцы из Германии и других европейских стран.

Морская торговля выработала, с течением времени, тип предприимчивого, энергичного итальянского купца, хорошо знакомого с коммерческими «традициями» и техникой торговли. Некоторые из купцов стяжали себе широкую известность описаниями своих дальних заморских путешествий (например, сын венецианского купца Никколо Поло-Марко Поло), некоторые — своими «трудами» в области коммерческой «науки». Из числа последних очень любопытен, в частности, трактат жившего одно время в Тане Франческо Бельдуччи Пеголотти — «Справочник купца» — путеводитель для торговли с Китаем по пути через Тану: «Книга о различных странах и о мерах товаров, и о других вещах, которые надлежит знать купцу в разных частях света, а именно — о торговых обычаях, о денежных курсах, о том, как соответствуют товары одной страны товарам другой, и сведения о том, чем один товар лучше другого и откуда он получается и как его следует хранить возможно большее время».

Предпосланный трактату стихотворный эпиграф отлично отвечает на вопрос, как представляли себе в Италии XIV столетия идеальный тип купца:

«Что должен иметь в себе истинный и честный купец?
Быть честным и вести себя степенно,
Предвидеть все он должен непременно.
Все исполнять, что обещал, пусть тщится,
Изящным и красивым быть стремиться.
Как требует торговля мировая,
Дешевле покупать, дороже продавая.
Любезным быть, не гневаться напрасно,
Ходить во храм, на бедных не скупиться,
Что дорожает, продавать немедленно,
Игры и роста всюду сторониться,
Совсем их избегая, сколько можно.
Счета писать так, чтоб не ошибиться,
Аминь»¹.

¹ Цит. по кн. проф. М. А. Гуковского — «Итальянское возрождение», том I, Италия с 1250 по 1380 год, издание ЛГУ, Ленинград, 1947, стр. 218.

В жизни, конечно, облик итальянского купца выглядел намного иначе, ибо жажда наживы преобладала и над «любовью» к ближним, и над «щедростью» к бедным.

ТАНА

Подобно грекам и римлянам, генуэзских и венецианских колонистов влекли в северное Причерноморье и Приазовье не «идеалы» итальянских купцов, воспетые в коммерческих трактатах, а выгоды торговли, следствием чего и явилось основание на месте будущего гор. Азова крупного торгового поселения — Таны, стоявшей на пути, по которому осуществлялись связи между Европой и Востоком (от устьев Дона, где находилась Тана, шел караванный торговый путь через Туркестан в Персию, Китай и Индию). Так через несколько столетий после гибели Танаиса и вслед за Саркелом на Дону возникает новое большое торговое поселение городского типа. Географическое положение Подонья-Приазовья еще раз, на новом этапе его общественно-экономического развития, обусловило появление и развитие здесь крупного торгового центра.

Танаис, Тана, Азов, а затем и Ростов неслучайно возникли именно в дельте Дона, на берегу судоходной реки, у выхода в Азовское море. Экономические центры Танаис—Тана—Азов были как бы предвестниками, далекими предшественниками будущего крупного торгово-промышленного центра, города Ростова-на-Дону, отмечающего в 1949 году двухсотлетие своего существования (1749—1949).

На старинных картах местоположение Таны указывается иногда на правом, иногда на левом берегу южного Дона. Однако наиболее старые и наиболее достоверные карты Пьетро Висконти (1318 г.), братьев Пицигани (1367 г.) и другие указывают Тану именно на левом берегу Дона, что и является правильным.

Ранние сведения о Тане восходят к концу XII века. Известно, в частности, о договоре, заключенном тогда между Венецией и Трапезунтским царством, согласно которому Венеция получила право иметь в Тане своего консула.

Посылаемые в Тану представители Венеции снабжались специальными наказами. Так, в документе, датированном 3 ноября 1343 г., мы читаем:

«Помянутые Райнерио и Барбазелла, прибыв на место (в Тану), сами представят дожеские грамоты и исполнят в Тане все поручения, которые будут на них дожем возложены. Окончив это дело, они отправятся прямо в местопребывание хана, или императора Чани-бека (Джалибека) и употребят возможные старания для точнейшего исполнения возложенных на них поручений... Ежели же они оба, по воле Божией,

достигнут своего назначения и узрят хана, тогда обязываются ходатайствовать у него о выдаче охранительной грамоты для послов, каких правительство дожа намеревается к нему отправить... Если которыйнибудь из обоих товарищей пропадет или умрет на пути, а другой достигнет хана и получит от него охранительную грамоту, тогда ему должно возвратиться в Тану и остаться там... На место же товарища, коему следовало отправиться в Венецию, он пошлет на свой счет гонца с донесением, описывая все, что он совершил...»¹.

Таковыми же наказами напутствовала своих представителей в Тане и Генуя:

«Во имя господя, аминь. Лета от Его Рождества тысяча триста шестьдесят первого, первого Февраля, по Генуэзскому счислению — тринадцатого индикта; превосходительный и велелепный Симон Буканигра, милостию Божию, Дож Генуэзцев и защитник народа, наместник и адмирал императорский, для сохранения любви, благорасположения и мира между велелепным господином Иоанном Дельфино, тою же милостию Дожем Венеции и проч... и обществом Венецианским с одной стороны, и между им же, господином Дожем, и обществом Генуэзским с другой, и во избежание соблазнов между обеими сторонами, вместе со своим советом, торжественно и согласно во всех отношениях с законами — постановил, повелел и решил: написать от имени своего письма и присовокупить их к наказам, данным Генуэзскому консулу в Тане и байлу, пребывающему в Константинополе, и всем консулам и сановникам своим в империи Хазарской, настоящим и будущим: чтобы эти консула, байл и сановники, властью и в силу предписания, данного им теперь самим Дожем и обществом Генуэзским, обнародовали в Тане, в Константинополе и во всем Хазарском царстве: что всякий Генуэзец, и считающийся Генуэзцем, должен с Венецианцами и с теми, кои за Венециан почитаются, жить в мире, спокойно, в добром братстве, благорасположении и в искренней любви, и воздерживаться от взаимных ссор и драк. А если, от чего, да избавит Бог, произойдет спор или драка между Генуэзцами и Венецианцами или между почитающимися за Генуэзцев и Венециан, то ни один Генуэзец или считающийся за Генуэзца не должен трогаться с места и браться за оружие, или бежать туда, где происходит смятение, не имея на то ясного позволения или приказания со стороны консула или сановника, или байла Генуэзского, который теперь там находится, или со временем будет находиться в Тане, в Константинополе и во всем царстве Хазарском... Впрочем, в упомянутом случае драки или ссоры между Венецианцами и Генуэзцами, или между почитаемыми за Венециан и Генуэзцев, консул или сановники Генуэзские, которые находятся или будут находиться в Тане, обязуются приложить общее усилие с консулом и чиновниками Венецианскими, там же находящимися, для прекращения спора или драки. Этому же примеру должны следовать и Венецианские сановники во всем Хазарском царстве»².

Приведенная выше выдержка из наказа генуэзским представителям в Тане любопытна и с точки зрения взаимоотношений между пребывавшими в Тане генуэзцами и венецианцами.

Городу Тане был посвящен специальный обширный раздел

¹ «Записки» Одесского Общества истории и древностей, т. IV, Отд. 2-е, Одесса, 1858, стр. 185—188.

² Там же.

в уставе для генуэзских колоний в Черном море, изданном в Генуе в феврале 1449 года:

«1449 г., в последний день Февраля (28).

Людовик де Кампофрегозо, Божиею милостию светлейший и высокий Дождь Генуэзский, и восемь достопочтенных гг. чиновников комитета попечительного Романского общины-города Генуи, с четырьмя гражданами, присоединенными к ним, собравшись в полном составе... § 1. Постановляем и повелеваем, что в Тана должен быть Консул, которому ассигнуется и сим назначается однопроцентная пошлина за ввоз и таковая же за вывоз товаров. Эта пошлина, установленная и определенная в упомянутом месте, должна взиматься согласно с статьями о ее продаже, может быть продаваема только на год и назначается как жалованье Консулу и его пристава... § 3. Приехав на место, Консул обязан избрать двух управляющих из лучших жителей, с которыми должен отдать на откуп прочие сборы, существующие в том месте, оставляя их за тем, кто на публичных торгах предложит большую откупную сумму. Управляющие взимают деньги с откупщиков сборов каждые три месяца, наблюдая тот же срок при сборе платы за землю общины и штрафов, назначаемых Консулом. Они должны иметь книгу, в которой записывают и отмечают все доходы и расходы того места... § 5. А дабы упомянутое место расширилось и укрепилось, постановляем и предписываем, чтобы после уплаты жалованья и других расходов на праздник Рождества Христова и тому подобных, деньги, находящиеся в остаток у управляющих от разных сборов, податей и штрафов, выдаваемы были ими на починку стен, начатых священником Соломоном Терамо со стороны Зихии. Таковых денег не могут употребить управляющие ни на какие издержки, кроме упомянутой починки, под опасением заплатить в наказание столько же своими собственными деньгами»¹.

Как уже было отмечено, Тана являлась одним из объектов длительной борьбы за Восток между Венецией и Генуей.

Владея монополией в сношениях с юго-востоком современной территории СССР, Венеция имела здесь город и порт Тану в числе основных своих баз. Тана обслуживалась венецианской эскадрой, обеспечивавшей связь Венеции с Эгейскими островами, Сирией, Константинополем, побережьями Черного и Азовского морей и доставлявшей в Венецию хлеб, вино, соль, меха, шерсть, восточные ткани и другие грузы, и, кроме того, — рабов.

Война, начатая в XIII в., привела к преобладанию Генуи в черноморской торговле. С этого времени начала расти зависимость Таны от генуэзцев, продолжавших вытеснять военную и торговую конкуренцию Венеции. Дальнейшие попытки Венеции изменить положение дел в свою пользу также не имели успеха. Не претендуя более на главенствующую роль, венецианские купцы, однако, на протяжении почти всего этого времени продолжали участвовать в торговых операциях, которые велись через Тану, и вновь заняли в них важное место, когда Венеция, после многолетних усилий, все же добилась в 1380 году перевеса над Генуей.

¹ «Записки» Одесского Общества истории и древности т. V, Одесса, 1863, стр. 629 сл.

В числе других документов большое значение для истории Таны и прилегающих к ней местностей Дона с монголо-татарским населением имеют мемуары уроженца Венеции — Иосафата (Джозафата) Барбаро¹. В 1436 году Барбаро приехал в Тану, где прожил 16 лет, занимаясь торговлей.

Барбаро сообщает ценные сведения касательно характера ведшихся через Тану торговых операций. Как он, так и другие итальянцы занимались в Танае рыбным промыслом. Вблизи Таны располагались места, где солились рыба и икра².

У степных жителей закупали скот, лошадей и быков, причем животные иногда перегонялись в Италию на бойни далеким путем — через Польшу, Трансильванию и Германию. Несмотря на большие расходы по перегонке скота, дело это было прибыльным. Выгодной была и охота, поскольку окрестности Таны были богаты дичью.

Барбаро сообщает также о высоких урожаях хлеба в степях (пшеница — нередко сам-пятьдесят, а просо — сам-сто), но о торговле хлебом он не распространяется, упоминая, что татары хлебопашеством занимались мало. Среди лавок на городской площади в Танае отмечается лавка продавца стрел.

Татары доставляли в Азак-Тану своих пленников, в том числе русских. Так, некий Эдельмуг подарил Барбаро восемь русских из числа захваченных им в плен на Руси.

Как совместить нахождение в одном и том же пункте золотоордынского Азака и генуэзско-венецианской Таны?

Сосуществование Азака и Таны основывалось на определенных договорных отношениях между татарами, с одной стороны, генуэзцами и венецианцами, с другой. Известны письменные памятники, текст которых определяет место и размеры территории, отводимой в городе для поселения генуэзских и венецианских колонистов, размер уплачиваемых последними пошлин и порядок разрешения возникающих споров — по соглашению консулов с татарским старшиной.

Таким образом, Тана — это не что иное как часть татарского Азака, населенная генуэзцами и венецианцами. По сви-

¹ О Барбаро см. Э. Крусман — Джозафат Барбаро и Помпоний Лэт и их путешествие по югу России, «Записки» Одесского Общества истории и древностей, т. XXXIII, Одесса, 1917; также в кн. М. А. Полиевктова — Европейские путешественники XIII—XVIII вв. по Кавказу, Тифлис, 1935.

² Вообще же, при татарах-кочевниках рыбные промыслы Приазовья пришли в упадок. Сами татары были плохими рыболовами, потребляли главным образом конину, верблюжатину, коровье мясо и баранину. Тем не менее, рыбные богатства Приазовья-Придонья и тогда бросались в глаза. Характерны в этом отношении названия Азовского моря у кочевников: Карбарук («рыбное пристанище») — у команов, Чабак-денгис («море, изобилующее лещами») — у татар в эпоху итальянской колонизации, (откуда и итальянское — «Забахское море»), Балук-денгис («рыбное море»).

детельству жившего в Тане Иосафата Барбаро, венецианские кварталы представляли собой отдельное поселение, с площадью и лавками, обнесенное стенами и башнями. Ворота запирались и отпирались по распоряжению консула. Кварталы Таны, в свою очередь, разделялись еще на кварталы венецианцев и генуэзцев.

Только совместным существованием Азака и Таны можно объяснить то обстоятельство, что, например, арабские писатели Ибн-Батута, Абульфеда и другие географически показывают Азак именно на том месте, на котором итальянские карты показывают Тану.

Интересно, что на Каталонской карте 1373—1375 гг. из библиотеки французского короля Карла V (собрания Лувра), где города обозначены башнями с развевающимися знаменами, Тана обозначена под мусульманским знаменем Орды с тамгой и полумесяцем, тогда как на карте 1367 года, составленной венецианцами Франческо и Доминико Пиццигано, Тана фигурирует под знаменем с венецианским львом.

Подобное сосуществование поселений, а в них — представителей различных народов, характерно для ряда золотоордынских городов, в частности, — поволжских. В городских поселениях Золотой Орды татары нередко не составляли большинства населения; они были представлены лишь стоявшей у власти военной знатью и воинскими отрядами.

Эксплуататорская верхушка татар была кровно заинтересована в существовании Таны. В сферу торговых операций, проводившихся через Тану, входила не только караванная торговля, но и постоянный товарообмен с кочевой Половецкой степью. Население степей, в частности кочевники, поставляло городу скот, мясо, шерсть и пр. Использование караванных путей для покупки и дальнейшего продвижения товаров создавало Золотой Орде благоприятные условия для привлечения иностранного капитала и использования связанных с ним торговых рынков. Караванная торговля, проходившая через Тану, охватывала самые различные товары и изделия и обслуживала весьма значительный рынок.

Сохранилась грамота хана Узбека от 1333 года, в латинском тексте, с разрешением венецианцам селиться в Тане.

По данным этой грамоты, пошлины с товаров в пользу монголо-татарских властей устанавливались в размере 30% с цены товара, при чем нереализованные товары могли вывозиться обратно без оплаты пошлины. Характерно, что от пошлин освобождались драгоценные камни, жемчуг, золото и серебро.

В грамоте хана Узбека специально указано, что для поселения венецианцев в Азаке отводится место позади госпиталя.

ной церкви—здания, построенного европейцами (несомненно, итальянцами же) и существовавшего уже до 1333 года.

Что отношения между татарами и итальянцами были достаточно напряженными, свидетельствует случай, когда оскорбленный азацким жителем генуэзец убил татарина и тем самым вызвал острую вражду между населением Азака и Таны. Дело завершилось тем, что сын Узбека—хан Джанибек изгнал итальянцев из Таны и предал их дома разграблению. Взаимные выгоды от торговли были, однако, столь велики, что вскоре же (в 1344 г.) генуэзцы вновь были допущены в Тану, а спустя два года отдельное от генуэзцев место в городе (вблизи от баней Сахфадии) было отведено для венецианцев при условии уплаты 5% пошлин с продаваемых товаров.

Уполномоченный хана по сбору пошлин с товаров жил непосредственно на территории Таны.

Стремясь к господству на Черном море, генуэзцы выговорили себе право, чтобы никто, кроме них, не жил в Тане. К тому же в 1352 году Генуя заключила договор с византийским императором. Этим договором было обусловлено, что никакие греческие корабли не будут заходить в Азовское море и в Тану без сопровождения генуэзских судов. Все это, разумеется, наносило удары по интересам Венеции. Однако в 1358 году хан Бердибек, сын Джанибека, вновь позволяет венецианцам поселиться в Тане на старых местах.

В периоды расцвета Азака и Таны поселения не ограничивались одной только городской чертой, они существовали и вне самого Азака и Таны, в частности,—на правом берегу Дона.

Наряду с генуэзцами в Черном и Азовском морях вели торговые операции и пизанские купцы, не представлявшие, однако, серьезных конкурентов для Генуи. Пиза имела в Приазовье недалеко от Таны свою колонию—Пизанский порт («Порто-Пизано»). Первая карта с обозначением Порто-Пизано относится к 1318 году. Пеголотти отмечает Порто-Пизано как первый пункт, встречающийся морякам, плавающим от Таны вдоль берега.

Трудно сказать, когда Пизанский порт прекратил свое существование. В 1373 году он еще функционировал. Предполагают, что Пизанская колония на северном берегу Азовского моря существовала и в первой половине XV в. Название же «Порто-Пизано» продолжает встречаться на картах XVI и даже XVII веков. На многих подробных картах этого периода Пизанский порт показан расположенным в северо-восточном углу Азовского моря, на его северном побережье у восточного основания неизвестного мыса¹. Именно так указано

¹ Примерно в районе современного Таганрога помещают Порто-Пизано и карты 1375 г. и 1497 г.

место Порто-Пизано на одной из карт знаменитого атласа Герарда Меркатора, 1554 г. Этот атлас и текст к нему («Космография») впервые был издан полностью Иосифом Гондием в Амстердаме в 1606 г. и послужил основным источником для составления многих карт последующего времени. На русский язык «космография» была переведена в 1630 году с латинского языка. Кстати сказать, благодаря Меркатору название «атлас» и стало в России общеупотребительным, заменив собой прежние названия: «зрелище вселенной», «Театрум всего света» и т. п.

Но где искать точное место нахождения Порто-Пизано? Вопрос этот и сейчас остается открытым. Много оснований, однако, усматривать возможное место Порто-Пизано в остатках древнего поселения на Петрушиной Косе, примерно в 6 км. к западу от Таганрога. Археологами установлено, что на всем протяжении восточного берега косы попадаются следы протекавшей тут некогда человеческой жизни. Наряду с фрагментами архаической (доскифской) керамики и керамики периода существования древнего Танаиса здесь находят много обломков средневековой посуды времен итальянской колонизации. Особенно выразительны сосуды, покрытые ярко-зеленой поливой, а также поливой белой, коричневой и желтой. Такая посуда вполне соответствует посуде, известной из находок на месте бывшей Таны. Но это не дает еще основания для окончательных выводов о местонахождении Порто-Пизано.

Генуэзские и венецианские купцы и посредники проникали в Причерноморье и Приазовье в качестве хищных и жадных предпринимателей, жестоко эксплуатировавших иноплеменных людей из коренного местного населения и своих немущих соотечественников, не брезгуя даже торговлей живым товаром и прямым разбоем.

Внешняя политика Генуи и Венеции была связана «с насильническим грабежом, морским разбоем, похищением рабов, порабощением колоний»¹.

В Каффе, Тане и других колониях генуэзцы и венецианцы составляли привилегированное полноправное меньшинство. Большинство же горожан находилось в прямой зависимости от этого меньшинства. Устав генуэзских колоний прямо обязывал избирать в органы местного «самоуправления» наиболее богатых и знатных генуэзцев, и власть в колониях всегда принадлежала предпринимательской верхушке.

Как в самой генуэзской республике, все население ее колоний делилось на знать и простонародье. Это последнее

¹ К. Маркс. — Капитал, том III. гл. 20, Маркс и Энгельс, Соч., том XIX, ч. I, стр. 359.

не было однородным, оно, в свою очередь, распадалось на богатых и бедных. В генуэзских колониях шла жестокая борьба низов и средней прослойки горожан против торгово-ростовщической эксплуататорской верхушки. Наряду с классовой борьбой, там шла упорная борьба антиколониальная, вызванная стремлением коренного местного населения освободиться от иностранного владычества. В известной мере борьба местного населения против генуэзской власти объясняется также генуэзско-венецианскими отношениями, на что указывает донесение генуэзского консула в 1471 г. о «непокорных жителях» окрестных деревень, с которыми, якобы, сговаривается о нападении на генуэзский замок венецианский консул Таны.

РУСЬ, ВИЗАНТИЯ И ДОНСКОЙ ПУТЬ

Говоря о Тане и ее экономическом значении, нельзя забывать о том, какую крупную посредническую роль в торговле средиземноморских стран с Восточной Европой играл тогда Константинополь. Хотя в XIV—XV веках Византийская империя клонилась к своему упадку, ее столица—Константинополь еще продолжала оставаться одним из крупнейших центров мира.

Константинополь стоял на скрещении многих торговых путей, был ключом к Черному морю и портам северного Причерноморья и Приазовья.¹ Он был и международным рынком для товаров Европы и Азии. Здесь были представлены купцы Италии, стран Балканского полуострова, Малой Азии, Золотой Орды, Руси. Еще со времен Киевской Руси в Константинополе существовала русская колония.

Уже с XIII века в связях Московской Руси с Византийской империей особенно большое развитие получил донской путь. Дон был самым прямым водным путем из Руси к берегам Черного моря.

Митрополит Пимен «ходил» в Царьград (Константинополь) именно донским путем. Из Москвы он выехал 13 апреля 1389 года, речным путем добрался до Рязани (Переяславль Рязанский). От Рязани до верховьев Дона Пимен со своими спутниками шел сухим путем, везя на колесах три судна («три струги да насад на колесах»), затем «спустили их на реку Дон... и поплыли вниз рекою Доном...» Накануне Вознесения достигли Азова, города фряжского и немецкого («а в Азове

¹ При чем в течение XIV века в торговом отношении Константинополь был во власти «гегемонов морей»—генуэзцев, которые душили коммерческую самостоятельность и инициативу византийцев, ведя себя как хозяева и получая в свою пользу львиную долю доходов константинопольской торговли.

Фрязове и Немцы»)¹, а «в неделю святых отцов перегрузились в корабль в устье Дона».

«Хождение» Пимена в 1389 году явилось первым русским путешествием по Дону, интереснейшее и очень ценное описание которого дошло до нас благодаря путевому дневнику, который вел один из спутников Пимена (архимандрит Сергей, или, что более вероятно, смоленский уроженец — дьякон Игнатий).

Описание пименовского путешествия важно и для понимания ужасающих последствий татаро-монгольского нашествия. Описание так фиксирует впечатления путешественника, ехавшего по течению Дона: «... бяше бо пустыня зело всюду, не бе бо видети тамо ничтоже: ни града, ни села; аще бо и быша древле грады красны и нарочито зело видением места, точю пусто же все и не населено; нигде бо видети человека точю пустыни велиа...» (Полное собрание русских летописей, т. XI, стр. 96).

Маршрут путешествия Пимена прослежен теперь в подробностях, особенно в работах проф. К. В. Кудряшева.

Вниз по Дону Пимен и его спутники поплыли из Чур — Михайловых в воскресенье 2 мая 1389 года, 9—15 мая путешественники миновали реки Червленый Яр, Битюг и Хопер; в воскресенье 16 мая — реки Медведицу, Горы Высокие и Белый яр — реку²; в понедельник — Горы Каменные красные; во вторник миновали «град Серклию», а также «перевоз», где впервые встретили «татар много зело»; в среду прошли Великую Луку и «царев Сарыхозин улус»³; в пятницу 21 мая миновали Червленые горы; в понедельник шестой недели прошли Бузук реку, и через день, в среду, в канун Вознесеньева дня «приспехом плывуще до моря града Азова», куда путешественники и прибыли в среду 26 мая 1389 года (рис. 24).

20 июня 1389 года, то есть через два с половиной месяца, Пимен прибыл в Константинополь — конечный южный пункт великой черноморско-донской торговой артерии. Помимо всего прочего, следовательно, азовская гавань играла роль и в связях между Русью и Византией.

«Купцы и путешественники, — пишет проф. М. Н. Тихомиров, — от Босфора плыли на кораблях вдоль северных берегов Малой Азии до Синопа, отсюда направлялись прямо на север, пересекая Черное море, к Судак (в Крыму). Судак был бли-

¹ То есть, — итальянцы и другие европейцы (а не немцы в собственном смысле этого слова)

² Яр — крутизна, обрыв, отрубистый берег.

³ Где путников «начал страх обдержати, яко внидомом в землю Татарскую, их же множество оба пол Дона реки, аки песок». 20 мая миновали «Бекбулатов Улус», где «стада же татарские видехом толико множество, яко же ум превосходящ: овцы, козы, волы, верблюды, кони».

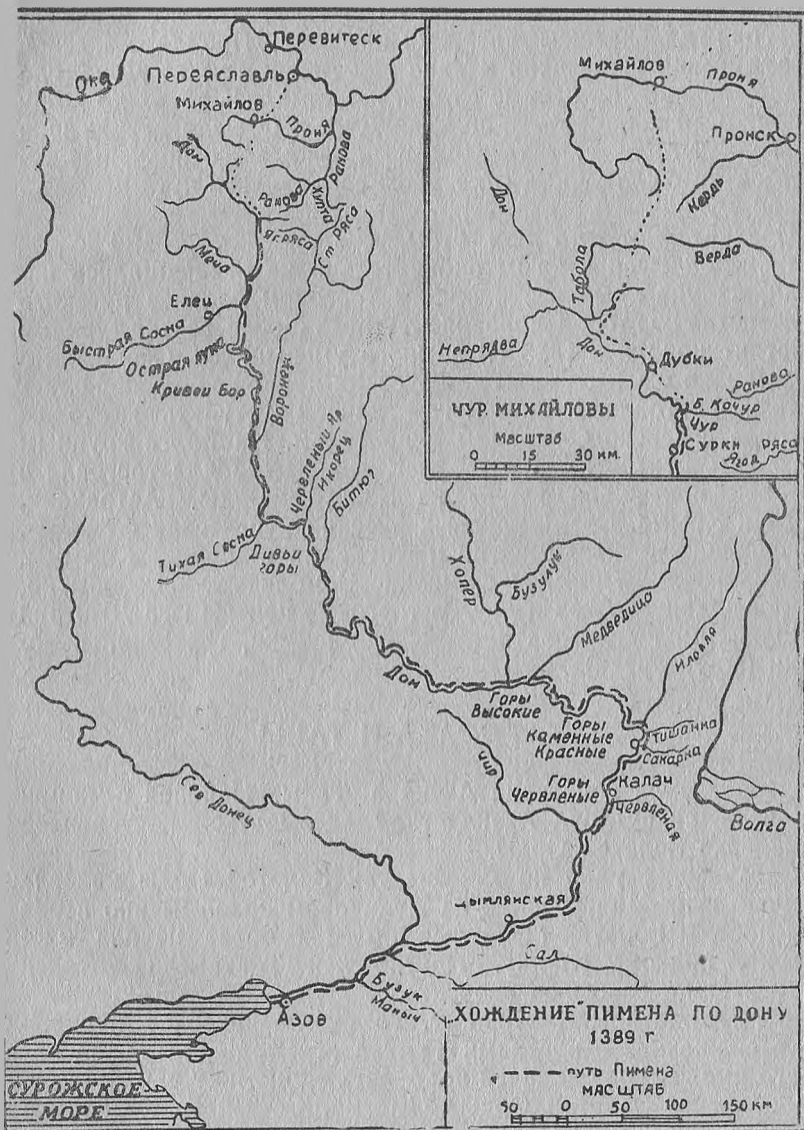

Рис. 24. «Хождение» Пимена по Дону в 1389 году
(по К. В. Кудряшеву).

жайшей и самой удобной гаванью для судов, переплывавших Черное море в самом узком месте. Поэтому для русских Судак имел большее значение, чем Каффа, которую корабли оги-бали при дальнейшем плавании на север. Пройдя Азовское море, путники прибывали к Тане или Азову в устье Дона, где пересаживались на речные суда и поднимались вверх по Дону примерно до городка или селения Дубок. Отсюда дорога шла к Рязани и Москве, куда сходились речные и сухопутные пути. Москва была узлом, в котором соединялись пути всей Северной Руси»¹.

Следует заметить при этом, что, хотя торговые связи Московской Руси с югом окончательно не прекращались никогда, их удельный вес в общем торговом балансе русского государства во второй половине XV века (после взятия турками Константинополя в 1453 г.) немного уменьшился. Сношения с Азовом уже были связаны для русских купцов с большой опасностью. Торговля Руси с югом начала уступать место ее торговле с севером, западом и востоком. На Волге крупным торговым центром стала тогда Казань, куда для торговли с Москвой приезжали купцы из Золотой Орды, Астрахани, Азова и Крыма. Среди крупных русских купеческих семейств, торговавших с итальянцами и татарами в Азове, Крыму и Константинополе, была фамилия Ермолиных. Любопытно, что посещавший Азов и другие торговые центры юга Дмитрий Ермолин умел «глаголати (говорить) русски, гречески, полочеки (по-татарски)».

ЗАКАТ АЗАКА И ТАНЫ

Но вернемся к истории Азака и Таны. Начиная с конца XIV века, на судьбах Азака стало сказываться постепенное ослабление Золотой Орды.

Сильнейший удар по могуществу Золотой Орды нанесла знаменитая победа русских на Куликовом поле. Именно после этой победы Золотая Орда все более и более начала клониться к полному упадку. Тщетно хан Тохтамыш пытался вернуть Орде ее бывшее значение.

К тому же в 1391—1395 гг. Тохтамыш потерпел поражение в сражениях с войсками Тимура (Тамерлана), борьба которого имела своей задачей подорвать экономику самых богатых областей Золотой Орды — Крыма, Северного Кавказа и Нижнего Поволжья. Исследователи правильно замечают, что победы Тимура над Тохтамышем объясняются не только военным превосходством Тимура, но и особенно, — победой рус-

¹ М. Н. Тихомиров. — Византия и Московская Русь. «Исторический журнал», М., 1945, № 1—2, стр. 10.

ских на Куликовом поле, после которой Орда уже не могла оправиться.

Приход Тимура сопровождался жестоким разгромом Золотой Орды. Пострадал от этого разгрома и Азак (Азов). По свидетельству Ибн-Арабшаха, Тимур «завладел (в 1395 г. — Б. Л.) движимым и разделил его, да недвижимым и унес его с собой, собрал все захваченное и роздал добычу, дозволил грабить да полонить, произвел гибель и насилие, уничтожал племена их, истребил говоры их, изменил порядки да увез захваченные деньги, пленных и имущество. Передовые войска его дошли до Азака, и он (Тимур) разрушил Сарай (Сарай-Берке), Сарайчук, Хаджитархан (Астрахань) и все эти края»¹.

Разгромил Тимур также Крым и Каффу, Увек в Поволжье, Маджар (близ современного Ставрополя) и др. Что касается Азова, то Тимур, как повествует Шереф ад-дин Али Незд, овладев Азовом, повелел отделить всех мусульман от остального населения города и отпустил их с миром. Всех же немусульман Тимур приказал предать «мечу Джихада» (войны за веру), то есть — казнить, а дома их ограбить и сжечь².

Во время нашествия Тимура в Азак и Тана было много генуэзских, венецианских, каталонских, бискайских и других купцов. Они отправили от себя по одному представителю, при чем интересы итальянцев представлял венецианец Петро Миани. Послы были обнадежены военачальниками Тимура, что, однако, несколько не помешало ему ворваться вскоре в Азак и предать его разорению.

Попытки возродить Золотую Орду предпринимались и после Тохтамыша, но и они не увенчались успехом. Наиболее энергичные действия в этом направлении предпринимались известным белоордынским эмиром Едиге (Едиге) из племени мангиат. Коварный и хищный, Едиге возглавил в конце XIV в. вооруженные силы Золотой Орды и стал вскоре фактическим ее правителем. «Лукавый и злохитрый», — как называл Едиге русский летописец, — он затевал немало козней против Руси, совершал жестокие набеги на русскую землю, стравливал отдельных русских князей.

Тщетными, однако, были расчеты Едиге на ослабление Руси.

Постепенно преодолевая феодальную междоусобицу, Русь шла на подъем. Ее экономика была сильнее экономики улуса Джучи, причинившего столько горя и бедствий русской земле.

¹ «Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды» (сост. В. Тизенгаузен), том I, стр. 466.

² «Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды», том I, стр. 762—763, том II, стр. 180.

Русь жила своими ресурсами, тогда как Орда вела паразитический образ жизни, существовала за счет грабежа, разбоя и насилия, а торговля и ремесло глохли в Орде все больше и больше.

Несмотря на удары, нанесенные в 1395 году войсками Тимура, Тана и Азак продолжали свое существование.

Во времена Шадибека в Азове чеканились даже монеты. В 1421 году французский путешественник де-Ланоа застал в Каффе прибывшие туда из Таны четыре галеры венецианцев.

Все же бывшее значение Азака и Таны было утрачено.

На судьбах Азака сказались разрушение Тимуром в 1395 году Астрахани, которая вела крупную торговлю с Азовом. Из Астрахани в Азак и Тану доставлялось большое количество шелков, пряностей и других товаров для дальнейшей отправки на галерах в Италию. Из Европы в Астрахань через Тану шел ответный поток различных товаров. Во времена Барбаро товары шли из Европы на Дальний Восток уже через Сирию.

«До разрушения Читракана,—свидетельствует Барбаро,—пряности и шелк, идущие ныне через Сирию, доставлялись в Тану через Читракан, а оттуда в Европу. Одна Венеция посылала в Тану шесть или семь больших галер, ибо ни венецианцы, ни какая-либо другая заморская нация не производили тогда торгова с Сирией».

В 1436 году и в последующие годы степи между Азовом (Азаком) и Астраханью (Хаджитарханом) посетил Иосафат Барбаро, а в 1476 году другой венецианец — Амброзио Контарини. Оба они свидетельствуют о захиревшей здесь торговле, о глубоком упадке Астрахани, изобиловавшей в 1478 г., по словам Контарини, мазаными постройками, тогда как большие постройки бывшего времени лежали в развалинах. Сказалось на экономической жизни Азака и Таны и разорение Тимуром цветущего среднеазиатского города Ургенча (столицы Хорезма), который был тесно связан караванными торговыми путями с Золотой Ордой.

Свое существование Азак и Тана прекратили окончательно в последней четверти XV века, когда на берегах Черного и Азовского морей утвердилась власть османской (турецкой) империи.

Время сохранило нам мало материальных остатков Азака и Таны

Азов был очень часто объектом военных действий (нашествие монголо-татар, борьба из-за Азова между турками и казаками, русско-турецкие войны). Многократные разрушения крепостных сооружений враждующими сторонами, позднее употребление местным населением для своих нужд строительного материала из различных старинных сооружений Азова—

повлекли за собой уничтожение материальных памятников азовской старины.

Если не считать земляных валов, часть которых может относиться и к Тане, то в Азове давно уже нет ни одного древнего надземного памятника.

Единственным исключением являлись остатки каменных ворот, подвергнутых изучению путем раскопок, проведенных в 1935 году экспедицией Ростовского областного бюро охраны памятников¹.

К моменту раскопок ворота представляли собой две параллельные каменные стены (пилоны), расположенные по ширине земляного вала крепости и отстоящие друг от друга более чем на три метра. Длина стен достигала 13,5 метра. Стены ворот были облицованы тесаным камнем на известковом с примесью песка растворе, а их середина забучена мелким камнем.

В средней части южной стены еще сохранялись остатки верхних плит, образующих карниз. Сохранились и кованые железные штыри, по одному с каждой стороны ворот, вдолбленные в цельный камень. На эти штыри надевались двери ворот².

Все основные архитектурные черты остатков ворот явно говорили об их принадлежности ко времени Таны. Подтверждалось это и частыми находками обломков поливной посуды при раскопках, особенно, — характерных обломков от тонкостенных мисок и чашек, покрытых (часто с обеих сторон) поливой яркозеленого цвета.

Впрочем, в пользу того, что перед нами были остатки ворот именно итальянской Таны, свидетельствовало еще одно обстоятельство.

При раскопках (с восточной стороны) на 0,9 метра ниже основания фундамента были обнаружены остатки шести деревянных свай, забитых в землю, а на глубине 2,25 метра от поверхности выступила подпочвенная вода. Таким образом выяснилось, что северная сторона ворот была построена на болотистой местности, которую приходилось укреплять деревянными сваями, камнями и насыпной землей.

Уже после проведения раскопок, в тексте одного из итальянских документов времени Таны нам довелось встретить указание, что при постройке ворот строители столкнулись с

¹ Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг. Краткие отчеты и сведения, под редакцией В. В. Гольмстен. Академия наук СССР. Институт истории материальной культуры им. Н. Я. Марра. Изд-во Академии наук СССР, М.-Л., 1941 (гор. Азов, 1934—1935 гг., Б. В. Лунин, стр. 206—208).

² Сподвижник Петра I адмирал Крюйс говорит, что в бытность его в Азове над воротами еще были видны генуэзские надписи.

подпочвенными водами, что заставило их забивать сваи и крепить землю под фундаментом.

Так произошла переключка веков между данными раскопок и древним письменным документом и обнаружилось еще одно доказательство, что остатки каменных ворот представляют собой остатки ворот именно генуэзской Таны.

В числе наиболее примечательных памятников древности, связанных с Таной, укажем на найденную в Азове и хранящуюся в Новочеркасском музее надгробную плиту из белого мрамора. На ней высечены герб в виде щита и латинская надпись: «1362 месяца августа (следует изображение креста). Здесь покоится почетный и благородный господин Иаков (Жиакомо) Корнаро, уважаемый граф Арбэ и, по дожескому повелению, посланник и консул в Тане и по всей империи Газарии (Хазарии), который скончался, душа которого в покое отдыхает».

Интересно, что наведенные в архивах Венеции справки показали, что консул в Тане Иаков Корнаро родился в 1305 году в семье Раннеро Корнаро и был графом острова Арбэ. Смерть застала Иакова Корнаро в возрасте 57 лет, в далеком Азове, где он был посланником и консулом Венецианской республики.

Азак и Тана, как сказано, прекратили свое существование с появлением в Приазовье турок.

ТУРКИ-ОСМАНЫ В ПРИАЗОВЬЕ

Начало владычества османской (турецкой) империи¹ в северном Причерноморье и Приазовье следует отнести к концу третьей—началу последней четверти XV века. Приазовьем турки овладели, насколько можно судить по имеющимся указаниям, в 1471 и последующие годы. В руки турок в 1475 году перешел и Азак с Таной. Появление здесь турок отражало ту агрессивно-завоевательную политику, которую проводили на протяжении длительного времени властители Турции. Следует иметь в виду, что османская империя представляла собой тогда крупную военную державу. Государство османов являлось, по словам Маркса, «единственной подлинной военной державой средневековья»². Оно было одним из могущественнейших государств тогдашнего мира.

Турки вели завоевательные войны в Европе, Азии и Африке, стремились подорвать венецианскую и генуэзскую торгов-

¹ С конца XIII века началось возвышение малоазийского эмирата Османа. Осман (1299—1320), объединив значительную часть турецких владений, создал государство, которое, по его имени, называлось османским. Осман, а за ним и его сыновья приняли титул султанов.

² Архив Маркса и Энгельса, том VI, Госполитиздат, 1939, стр. 189 (2-я тетрадь «Хронологических выписок» Маркса).

лю на Востоке. Под ударами турок, после 53-дневной осады, 29 мая 1453 года пала древняя столица Восточной римской империи—Константинополь. В боях за него погиб последний византийский император Константин Палеолог. Султан Мухаммед II переименовал Константинополь в Стамбул и сделал его столицей своего государства.

С падением Константинополя прекратились и вековые культурные и экономические связи Византии с Русью. Сильная османская империя стала угрозой и для русского государства.

Обосновавшись на берегах Азовского моря, султан Мухамед II обратил серьезное внимание на военно-стратегическое значение Азова и повелел укрепить его.

В руках турок Азов стал крупной военной крепостью, запиравшей выход из Дона в Азовское, а затем в Черное море. «Азов бо есть град Салтана Турецкого на берегу реки Дона у озера Меотского стоящий» — говорилось в старинных русских документах.

Известны попытки и турецких властей создать благоприятные условия для развития в Азове торговых операций. При Селиме I (1512—1520) были установлены правила свободной торговли в нем для русских купцов. Все это время имя Таны продолжало жить в памяти людей и даже существовать в обиходе. В Азове и при турках жило некоторое количество венецианцев и генуэзцев, которых на их родине считали жителями Таны.

Однако значение Азова как крупного торгового пункта продолжало падать. Причиной этого было открытие новых мировых торговых путей. В конце XV в. был найден прямой путь в Индию через мыс Добрая Надежда, последовало открытие Америки. Торговля пошла по иным путям, начались поиски новых рынков. В результате перемещения центров мировой торговли, она изменила свой характер, превратившись из торговли морской в торговлю океанскую. В связи с этим Азов быстро терял почву для дальнейшего развития в качестве крупнейшего пункта международных торговых операций.

АЗОВ В РУССКО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЯХ

На протяжении XV—XVII вв. Турция вела наступательную политику в Восточной Европе, на Кавказе и в Иране. Мирные дипломатические и торговые сношения России с Турцией время от времени уступали место политическим и территориальным спорам и разногласиям, очень часто доходившим до военных столкновений. В войнах с Россией (1569, 1637—1642, 1677—1678 гг.) активным союзником Турции яв-

лялся крымский султан — владетель вассального от Турции Крымского ханства.

Наступления Турции на Россию шли отчасти через Молдавию и Валахию на Украину, но, главным образом, — через Крым на центральные районы Московского государства, а через Черное море, устье Дона и Азов — на Поволжье и юго-восточные окраины и границы России. Устье Дона и азовская крепость всегда играли крупную стратегическую роль, являясь исходным пунктом турецкой экспансии.

Как правильно указывает новейший исследователь русско-турецких отношений XVI—XVII вв. профессор Н. А. Смирнов, «Эрзерум в Азии и Азов в Европе являлись важнейшими базами турецкого наступления», после того, как, потерпев неудачу при осаде Вены (1529 г.), турки стали переносить направление своего военного удара на юго-восток Европы¹. Именно этим объясняется то упорство, с каким турки всегда удерживали Азов с помощью своего флота и крупных гарнизонов лучших полков янычар. Потеря Азова грозила утратой господства Турции на Черном море и концом самостоятельного существования Крыма. Азов был и как бы «залогом возможного расширения империи в сторону Дона, Донца, Волги, Кавказа и даже Ирана»².

Через Азов осуществлялись военные, политические, религиозные связи султана-халифа Турции с Казанью и Астраханью, с мусульманскими ханствами и владениями Средней Азии и Кавказа. Азов стоял на водном пути, связывавшем его с южными районами Московского государства и Поволжьем. Через Азов в XV—XVI вв. велась немалая торговля между купцами русскими и турецкими (собственно, не

¹ Н. А. Смирнов. — Россия и Турция в XVI—XVII веках, том I. XVI век, М., 1946.

² Насколько крупное значение придавали турки Подонью-Приазовью и как далеко шли их стратегические замыслы, свидетельствует относящаяся к 1568 году попытка султана Селима II (1566—1574) прорыть в месте наибольшего сближения Дона с Волгой (от станицы Качалинской) канал. Через этот канал турецкий морской флот долженствовал пройти через Дон и Волгу в Каспийское море с тем, чтобы нанести решающий удар по Ирану. По приказу султана, азовский паша согнал к намеченному месту прорытия канала военнопленных. Из Турции в Азов двинулись морские и сухопутные караваны с рабами, пленными и насильно увезенными крестьянами. Из Турции же доставлялись мотыги и лопаты. Во избежание противодействия со стороны Москвы район работ был прикрыт с севера вооруженной конницей крымского хана. Все же нападения русских, особенно донских казаков, а также неблагоприятная погода, волнения среди рабочих и другие причины обрекли предприятие султана на неудачу. Кстати сказать, по мнению компетентных специалистов, и с технической стороны прорытие канала было обречено тогда на провал. Различие уровней Дона и Волги требовало сложной системы шлюзования, осуществить которую турецкие «строители», естественно, были не в состоянии.

столько турецкими, сколько жившими в Турции купцами греческими, армянскими, грузинскими и другими). В Азове и Константинополе русские купцы продавали конскую упряжь, седла, меха, холсты и другие товары, а закупали ткани, ковры, парчу, драгоценные камни и т. д.

Развитие торговых операций служило поводом и к установлению дипломатических отношений и ведению переговоров между Россией и Турцией. Уже в конце XV в. Москва направляла в Турцию свои посольства—Михаила Плещеева в 1492 году, Алексея Голохвастова—в 1499 году. С 1515 по 1699 гг. все русские послы ходили в Турцию через Азов. До Азова от Воронежа посольства шли на стругах по Дону. С течением времени около Азова возник специальный «разменный» пункт, где по особому церемониалу «разменивались» послами. Любопытно, что русским послам вменялось в обязанность собирать в Азове, как благоприятном для этой цели пункте, различные сведения как о Турции и ее соседях, так и о Крыме.

Трудно сказать, с какого именно времени установились торговые операции русских купцов через Азов. Известно, однако, что основным вопросом дипломатических переговоров XV века между Россией и Турцией был вопрос о посещении русскими купцами Азова и Каффы и что уже при Иване III (1462—1505 гг.) возникла переписка великого князя с турецким султаном Баязидом II, который запрашивал Ивана, почему русские купцы перестали ездить в Азов и Каффу. Выяснилось, что обстоятельство это было вызвано притеснениями со стороны азовского паши, который «велел им (русским купцам) ров копати и камень на город носить», а также допускал произвол и грабеж. Запретив русским купцам поездки в Азов, Иван III с гордостью и достоинством сообщал турецкому султану, что «где над нашими гостями сила чинится, и мы там своих гостей не отпускаем».

Франция, Голландия и Англия стремились занять в Черном море бывшее место Венеции. Под нажимом французских дипломатов Турция со второй половины XVII в. вовсе лишила Венецию ее торговых привилегий. Место венецианцев заняли английские и голландские купцы, которые еще в начале XVII в. получили у Турции льготные права на торговлю с Россией через Азов и Дон. Вместе с тем, ревниво оберегая свои права, Турция упорно уклонялась тогда от предоставления французам, англичанам и голландцам права на плавание их купеческих кораблей в Черном и Азовском морях.

Укрепившись в Азове, сами турки не проникали в глубь донских степей. Большая часть этих степей была совершенно не заселена, в другой—порой появлялись крымские татары, кочевали ногайцы, несколько позже (в восточной части По-

донья-Приазовья)—калмыки. Лишь временные станы и юрты русских «бродников»—рыболовов, охотников, скотоводов—продолжали напоминать здесь о временах русской Белой Вежи¹. Полоса оседлого населения Московского государства кончалась в тульских, калужских и рязанских местах, за которыми на юг (в первой половине XVI века) простиралась пустыня, как говорит летописец, — «Поле бе» («было поле»).

«Диким полем» прозвали тогда на Руси безбрежные просторы южно-русских степей между Окой и Доном.

Отсюда, из Дикого поля, шли непрерывные набеги татар и, в частности, татарских «казakov» на южные границы Московского государства, на его украинные земли².

Азов был, как сказано, опорным пунктом и базой этих хищнических и грабительских набегов.

Именно поэтому уже в 1569 году Азов стал объектом жестокой борьбы между Россией и Турцией в результате принятого в этом году похода турецкого и крымского войска к Астрахани.

Известно, что в 1552—1557 гг. Иван Грозный завоевал Казанское ханство. Этим была решена одна из важнейших внешнеполитических задач русского государства, поскольку взятие Казанского ханства клало конец татарским набегам, опасность которых усиливалась тогда растущим могуществом союзника татар—турок. Вслед за Казанью, в 1556 году была присоединена и Астрахань, и русское государство получило возможность не только использовать весь Волжский путь, но и, опираясь на Астрахань,—распространить свое влияние на Северный Кавказ.

Растущее могущество Московского государства, его продвижение на юг, где под эгидой Турции существовал последний остаток Золотой Орды—сильное Крымское ханство, вызвали попытки Турции и Крыма приостановить дальнейший рост и расширение русского государства. Одним из эпизодов завязавшейся борьбы Турции против Московского государства и явилась война 1569 года.

Голландец Исаак Масса, живший в Московии в начале XVII в. и собравший здесь материалы к истории царствования Ивана IV, оставил нам, быть может не совсем точное в деталях, но красочное и подробное описание азовско-астрahanских событий 1569 г.

Исаак Масса рассказывает о том, как турецкий султан

¹ Количество «бродников» стало увеличиваться после победы русских на Куликовом поле (1380 г.), в результате которой монголо-татары перестали быть неограниченными властителями южно-русских степей.

² «Украины» — степи, прилегающие к пограничным городам Руси.

Селим направил в Москву к Ивану IV письмо, в котором приветствовал его и вместе с тем предлагал, чтобы русский царь уплатил турецкому султану дань или подать, которую ему остался должен еще князь Василий Иванович. Иван IV повелел приготовить и послать султану крысыю шкуру и мех чернобурой лисицы, который велел обрить догола. Одновременно царь Иван IV писал: «Разве вы не слышали, какая участь постигла царей казанского и астраханского, ваших союзников, ежегодно вами подстрекаемых к нападению на мое царство? То же будет и с вашею страной, и я начну поход с Тюмени до Азова и Грузии; на сей же раз я вас прощаю».

О дальнейших событиях Исаак Масса сообщает следующее:

«Это насмешливое послание привело султана в чрезвычайную ярость, и он задумал совершенно уничтожить Московита, послав гошцов к татарским князьям и царям с приказанием готовиться к походу, а также и к народам, живущим по берегам Черного моря, также в Крыму и вдоль берегов Каспийского моря, затем всем черкесам и другим соседним народам, повелевая в начале марта собраться на Дону вокруг города Азова, и, было это, в 1569 году.

20 марта того же года он послал из Константинополя тридцать тысяч турок, среди коих, кроме главных предводителей, было весьма много вельмож и дворян, назначенных к этому войску, притом еще пять тысяч янычар с большими длинными ружьями. И всех их мало-помалу перевозили на галерах через Черное море, так что все благополучно прибыли к Азову, где они нашли на Дону могущественное войско поименованных народов. В Азове было собрано множество провианта, оружия и воинского снаряжения, которого, впрочем, там всегда было много, так как Азов—пограничный город Турции на берегу Дона.

Их намерение.. состояло в том, чтобы идти прямо на Астрахань, оставив много войска в гарнизоне Азова, ибо без сомнения полагали, что завоюют Астрахань.. Зная обо всех обстоятельствах от татар, находившихся или в турецком лагере или на близлежащих горах, москвиты были на страже и не дремали, и ближайшего дорогою отправили прямо на Азов войско в десять тысяч отважных воинов, чтобы внезапно напасть на город, сжечь его до тла и умертвить всех, кого только застигнут.. Отряд, не составлявший и половины московского войска, подошел к Азову, внезапно осадил его и тотчас устремился на турецкие галеры, большую часть которых сжег, потопил и, ворвавшись в город, поджег его: так как в то время в Азове находился значительный запас пороха, то несчетное множество домов и людей взлетело на воздух, и оставшиеся в живых были умерщвлены: сверх того невероятно много людей как из самого Азова, так и окрестных мест потонуло в реке Доне... С тех пор турки никогда не решались выступить в поход против Астрахани и только изредка подстрекали крымских татар нападать на Россию, чтобы грабить и уводить людей, когда к тому представлялась возможность...»¹.

Ведя войну с Турцией и Крымом за южно-русские степи, за безопасность своих границ, русское государство как бы

¹ Потерпела неудачу и осада турками Астрахани. Русский комендант Астрахани—боярин Серебряный со своими войсками отразил все атаки турок, и первое серьезное столкновение между Турцией и Россией окончилось не в пользу Турции.

продолжало ту давнюю борьбу, которую оно было вынуждено вести еще с Золотой Ордой. Активная оборонительная деятельность Московского правительства давала в этом отношении все большие и большие результаты. В XVI веке татары последний раз подойдут к Москве. В последующие же времена русское государство шаг за шагом будет продвигаться на юг, отвоевывая обратно южно-русские степи, обильно политые кровью русских людей, являвшихся давними обитателями этих степей.

ЗАРОЖДЕНИЕ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА

Весьма положительную роль в последовательном и успешном осуществлении активной обороны русского государства на юге суждено было сыграть той новой исторической силе, которая появилась в XVI веке на территории Дикого поля, в лице донского казачества. Казаки стяжали себе славу стойких и бескорыстных защитников русской земли от турецко-татарской экспансии в XVI—XVII вв.

Достаточно вспомнить здесь борьбу казаков под Азовом и за Азов¹, их крупные и смелые военно-морские походы, их неустанную борьбу с отрядами азовских и казыевских татар (малых ногаев), совершавших разбойничьи нападения на южные границы русского государства по Калмыцкому, Изюмскому и Муравскому шляхам.

Прочно осваивая территорию Дикого поля, заселяя Подонье-Приазовье, ведя борьбу с турками и татарами, донское казачество подготовило почву и облегчило условия для включения Подонья-Приазовья в состав русского государства и тем самым выполнило крупную прогрессивную роль к истории нашей Родины.

Нам остается кратко рассказать о наиболее существенных моментах начальной истории донского казачества.

Известно, что XV—XVI века в истории нашей Родины проходили под знаком роста крепостнического закабаления крестьян и усиления их эксплуатации.

Невыносимое положение заставляло крестьян сниматься с насиженных мест и искать лучшей доли в других местах. Значительное количество обездоленных крестьян устремлялось на юг.

Часть беглых не доходила до Дона и оседала в южных частях Козловского, Тамбовского и других уездов; другая же часть заселяла обширные и привольные места по течению Дона, лишь кое-где занятые выходцами из татарских

¹ С течением времени казаки фактически блокировали Азов, и уже в 30-х годах XVII века азовский бей был вынужден констатировать полный упадок азовской торговли и бедность его населения.

улусов. Здесь, на Дону, беглецы освобождались и от помещичьей кабалы и от тяжести государственных повинностей; здесь, на Дону, беглецы становились казаками¹. Крестьяне, бежавшие на Дон, при поимке их показывали: «Бежали мы на Дон к казакам не по приговору, а собою, от великой скудости». Характерен относящийся ко времени между 1520 и 1540 годами ответ царя Ивана IV на жалобы ногайских татар о разорении донскими казаками их улусов: «а живут на Дону нашего государства беглые люди».

Донское казачество формировалось не из одного лишь беглого русского крестьянства, хотя последнее всегда составляло преобладающую массу казачества. На Дон уходили и представители разоренных городских низов, в том числе из южно-русских городов—посадские люди, бурлаки, гребцы, сопровождавшие на Дону груженные хлебом струги, стрельцы и др.

Шли, наконец, на Дон угнетенные люди не только из Московского государства, из Руси, но и из других земель и стран.

«Ныне, государь, казаков на поле много и черкасцев, и киян, и твоих государевых; вышли государь, на поле со всех украин»,—писал в 1546 году царю путивльский воевода. «Приходят на Дон казаковать из Руси, Литвы и иных земель»,—говорили сами казаки в одном из документов.

Подъячий Посольского приказа XVII в. Григорий Котошихин так описывал состав донского казачества: «А люди они порождою москвичи и иных городов, и новокрещенные татаровя, и запорожские казаки, и поляки, и ляхи, и многие из них московских бояр, и торговые люди, и крестьяне, которые приговорены были к казни в разбойных и татинных и в иных делах, и подкрадчя и награбя бояр своих, уходят на Дон; и быв на Дону хотя одну неделю или месяц, а случится им с чем нибудь приехать к Москве, и до них вперед дела никакого ни в чем не бывает никому, что кто ни своровал, потому что Доном от всяких бед освобождаются»².

Бежали на Дон и до Ивана Грозного и при нем. Бегство крестьян на Дон возросло еще больше при преемнике Ивана IV—царе Федоре (1584—1598 гг.).

Исключительно большую роль в усилении притока беглых крестьян на Дон сыграло разорение на Руси 70—80-х годов XVI века.

Именно в этот период на Руси и начался процесс слияния различных групп зависимого населения в однородную кре-

¹ «Казак» (от тюркского)—беглец, наездник, бродяга, вольный, независимый человек.

² «О России в царствование Алексея Михайловича», 4-е изд., М., 1906.

постную массу. Насильственное удержание за землевладельцем рабочих рук взяло на себя феодальное крепостническое государство.

И без того тяжелое положение крестьян усугубилось тогда бедственным «запустением» Московского государства. Чем бы ни объяснять причины этой временной хозяйственной разрухи, но в основном она была вызвана непомерным увеличением государственных налогов из-за тяжелой и длительной ливонской войны. Обеднение и разброд населения не преминули вызвать недород хлеба, упадок торговли, голод и вслед за ним—моровое поветрие (эпидемии) и смерть¹.

В 70-х и особенно 80-х годах XVI в. разруха достигла своей наивысшей точки. Запустение охватило не только отдельные дворы, но и целые деревни и поместья центральных и южных областей русского государства. Жестокая внутренняя борьба на Руси (например, опричнины с земщиной) мешала быстрому принятию мер для борьбы с кризисом. Татарский набег 1571 года, когда хан дошел до самой Москвы, еще более усугубил трудности. Писцовые книги того времени пестрят записями с указанием, что такой-то крестьянин, обнищав, покинул свое хозяйство.

Надо отдать справедливость русскому правительству, которое, в конечном счете, сумело принять действенные меры к ликвидации разрухи. На рубеже XVI—XVII веков стал заметен явственный подъем хозяйственной жизни Московского государства. Однако за годы кризиса значительное количество населения успело уйти с насиженных мест. Часть его вернулась, с течением времени, обратно, часть осталась на новых местах, пополнив собой состав казачества «Дикого поля».

Бегство на Дон продолжалось и на протяжении всего XVII века, но особенно значительная новая вспышка притока беглых на Дон падает на 50—60-е годы XVII в., когда массовые побеги крестьян на южные и юго-восточные окраины русского государства приняли формы и размеры подлинного крестьянского движения².

По вопросу о происхождении казачества мы имеем крайне ценные указания в одной из записных тетрадей основоположника научного коммунизма Карла Маркса. В 60-х годах XIX в. в целях наилучшего понимания крестьянского вопроса в России и сложившихся там земельных отношений, Маркс

¹ Б. Д. Греков.—Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. Изд-во Академии наук СССР, М.—Л., 1946, стр. 781—807.

² А. А. Новосельский.—«Отданные книги беглых» как источник для изучения народной колонизации на Руси в XVII веке. «Труды» историко-архивного института Главного Архивного Управления МВД Союза ССР, том II, Кафедра вспомогательных исторических дисциплин, М., 1946, и др.

приступил к изучению русского языка и литературы. Маркс занимался, в частности, изучением крестьянской войны, тех причин, которые вызвали ее, и роли в ней донского казака Степана Разина, названного им передовым борцом казачества.

Рукопись Маркса впервые была опубликована в 1926 году. Работавший тогда на Северном Кавказе А. И. Микоян в своей статье о донском казачестве подчеркнул особо важное значение высказываний Карла Маркса по истории казачества.

Что же говорит Маркс о возникновении казачества?

«Казачество, — пишет Маркс, — возникло тогда, когда удельная стихия пала под давлением единовластия, оно было противодействием старого новому. Ряды казачества наполнялись недовольными элементами, которые не уживались в обществе, не могли переносить его уз. Русь тогда была разделена на два государства: Москву и Литву.

В обеих половинах явилось казачество. Тогда как в Южной Руси заложилось славное Запорожье и дух казачества разлился по всей Украине, произошел такой же наплыв народа с Севера на Дон... В эпоху Самозванца (собственно псевдоним) казачество, повидимому, стремилось только образовать отдельное общество в русских южных краях для защиты своей независимости от северного единовластия, но, вмешавшись в начале XVII века в дела Москвы, оно уже не ограничивалось южными степями, а стремилось распространить свои «начала» по всей земле Московского государства. С этого времени повсюду появляются казаки. Чтобы положить конец этому брожению, правительство допустило существование казачества в виде особого военного сословия, наравне с стрельцами, пушкарями и воротниками»¹.

Маркс подробно изучает способы эксплуатации боярами и помещиками крестьян и холопов, обрисовывает тяжелое, рабское положение последних, которое толкало их к бегству, к казацкой вольнице. Маркс пишет, что в особенности «в Смутное время множество холопов разбежалось и пошло в казаки. С восстановлением власти правительство сначала хотело и холопов обратить к прежним обязанностям, но должно было сделать уступку, дозволив тем, которые пошли в казаки, оставаться в казачестве».

«Вольный Дон, — записывает Маркс в своей тетради, — был центром казачества. Долго независимый, он в царствование Михаила Федоровича признал власть Московского царя».

Высказывания Маркса не оставляют сомнений в том, что гений научного коммунизма признавал, что первоначальная

¹ Цит. по журн. «Молодая Гвардия», М., 1926, № 1; ср. также «Исторический журнал», М., 1941., № 6 (ст. проф. Э. Ярошевского — «Степан Разин»), стр. 57—69.

история донского казачества являлась историей казацкой вольницы.

Именно эта казацкая вольница, ее бунтарские элементы, вписали незабываемые страницы в историю крестьянских движений в феодально-крепостной России. Казацкая вольница шла совместно с восставшими против феодально-крепостного гнета крестьянскими массами и жестоко расправлялась с ненавистными «царевыми» слугами, князьями, боярами и помещиками. Сами условия жизни на Дону первых поселенцев-казачков содействовали выработке характера свободолюбивого человека и смелого воина. Нужно было противостоять не только царским отрядам, ловившим беглых, но и противнику из среды степных народов, населявших Причерноморье и Приазовье,—быть всегда готовым к набегу татар, югайцев и др. С ранней юности приучался донской казак скакать на коне и владеть оружием, переносить трудности военных походов. 10—12-летний мальчик уже сопутствовал отцу и брату в рыбной ловле, охоте. В силу своих жизненных условий часто казак одновременно был и рыболовом, и охотником, и воином.

Из таких свободолюбивых, смелых людей и складывались в старину казацкие общины с их своеобразной демократией.

В первой четверти XVII в. казачество уже имело свое самоуправление—войсковой круг—и старшину. Круг представлял собой войсковое собрание, совещание («вольные люди учинили меж себя круг», «учали... круги меж себя делать по казацкому обычаю», «вольные люди стояли в кругу», «из того же круга из вольных людей»).

Казацкую вольницу нельзя, конечно, представлять себе как какое-то внеклассовое общество. Если в начале оседания беглых людей на Дону и существовало среди них, в той или иной мере, экономическое равенство, то впоследствии, с захватом одними лучших земель, другими—худших, с развитием торговли, появлением скупщиков и т. д. казачество быстро стало делиться на зажиточных, «домовитых», «дюжих» и казацкую голытьбу, «голутвенных» казаков, которые нередко работали на тех же «домовитых» казаков. Именно «голутвенные» казаки—вчерашие крепостные крестьяне—и представляли собой огромную массу горючего материала, готового вспыхнуть каждую минуту, и в союзе с угнетенными крестьянами обрушиться на «диктатуру крепостников» (Ленин).

На Дону казаки селились «городками». В старину под «городком» понимались поселения, обнесенные земляными и деревянными укреплениями для защиты от нападений. Городок, следовательно,—укрепленный населенный пункт. Сохранились отдельные известия о том, что наряду с городками, состояв-

шими из деревянных построек, имелись якобы и некоторые городки, располагавшие «каменными замками».

О внешнем виде казачьих городков известно, что многие из них огораживались деревянным тыном, а некоторые—плетнем с плетеными же башнями. Были городки и без всяких укреплений. Строились городки всегда по берегу реки или на островах. Внутри городков располагались деревянные постройки—курени или избы отдельных казаков. В крупных городках были лавки торговых людей; таких лавок было особенно много в Черкаске.

Первым, по времени образования, казачьим городком по Дону считался Мигулин. Последними в нижнем течении Дона городками были Черкасский и расположенные вблизи него Дурной и Скородум. Городки существовали и по притокам Дона: Хопру, Медведице, Бузулуку, Донцу и пр.

Так начало свое существование донское казачество, которое исторически прошло очень сложный, противоречивый и своеобразный путь своего развития.

Но последующая история донского казачества требует специального рассмотрения и уже выходит за рамки этой книги.

ЧТО ЧИТАТЬ ПО ИСТОРИИ ПОДОНЬЯ-ПРИАЗОВЬЯ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО XVII СТОЛЕТИЯ

(Краткий указатель литературы)¹

Базилевич К. В., Новицкий Г. А.—История СССР. Часть I. От древнейших времен до конца XVIII века. Высшая Партийная Школа при ЦК ВКП(б), М., 1946, 742 стр.

История СССР. Том I. Под редакцией В. И. Пичета, М. Н. Тихомирова и А. В. Шестакова. ОГИЗ, Госполитиздат, М., 1941, 440 стр. (2-е изд., 1947 г.).

История СССР. Том I. С древнейших времен до конца XVIII века. Под редакцией акад. Б. Д. Грекова, чл.-корр. Акад. Наук СССР С. В. Бахрушина, проф. В. И. Лебедева. Изд. 2-е, ОГИЗ, М.-Л., 1947, 744 стр., с картами.

История СССР. Список рекомендуемой литературы и основных пособий. С древнейших времен до второй половины XIX в. Гос. Библиотека СССР им. В. И. Ленина, М., 1940, 72 стр.

Здесь же см. указания на высказывания классиков марксизма-ленинизма по отдельным вопросам истории СССР, в том числе по истории восточных славян, монголо-татар, крестьянских восстаний и др.

История СССР. Аннотированный указатель литературы для преподавателей средней школы. Отв. ред. А. М. Панкратова, Гос. Публичная Историческая Библиотека, вып. I, М., 1945, вып. II, М., 1945. Вып. III, М., 1947.

¹ В помощь читателю дается небольшой указатель литературы по истории Подонья-Приазовья с древнейших времен до XVII века.

В целях удобства пользования указателем он разбит на три основных раздела применительно к разделам нового издания учебника по истории СССР под редакцией акад. Б. Д. Грекова и других.

Указатель содержит названия исключительно новой, советской литературы, преимущественно последнего десятилетия.

Следует иметь в виду, что недостаток места заставил автора отказаться от многих подстрочных ссылок на источники и литературу в тексте самой книги.

Печатаемый в приложении указатель отнюдь не исчерпывает круга источников и литературы, использованных автором. В нем перечислены, однако, и те новейшие труды советских ученых (М. И. Артамонова, А. В. Арциховского, С. А. Жебелева, А. А. Иессена, Т. Н. Книпович и других), которые оказали существенную помощь автору в его работе над книгой.

Список основных пособий для преподавателей истории неполной средней и средней школы к разделам учебника «Краткий курс истории СССР» под редакцией проф. А. В. Шестакова, вып. I и II, НКП РСФСР, М., 1938.

Хрестоматия по истории СССР. Сост. В. И. Лебедев, В. Е. Сыроечковский, М. Н. Тихомиров, ч. I, М., 1937 (второе дополненное изд.—1940 г.).

Хрестоматия по истории Подонья-Приазовья. Кн. I. С древнейших времен до XVII столетия. Составили М. И. Кравцов, Б. В. Лукин и др. Ростиздат, Ростов на Дону, 1941, 288 стр.

Хронологические таблицы по истории народов СССР (IX—XVIII вв.). Составили Е. С. Лейбович и Т. К. Крылова. Журн. «Проблемы истории докапиталистических обществ», Л., 1935, № 9—10.

Юшков С. В.—История государства и права СССР. Часть I. Юридическое издательство, М., 1940, 596 стр.

Данные о скифах и сарматах, хазарах и другом населении Восточной Европы до образования Киевского государства.

I. Первобытно-общинный строй. Рабовладельческие государства и племенные союзы в Восточной Европе. Древнейшие сведения о славянах. Развитие феодальных отношений. Восточная Европа в III—VII веках.

Андросов И.—Местная терминология для побережья морей СССР, «Ученые записки» Мос. Гос. Университета им. М. В. Ломоносова, вып. XVI, География, М., 1937, стр. 52—86.

Артамонов М. И.—Скифы. Очерки по истории Северного Причерноморья. Тезисы к диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Изд. ЛГУ, Л., 1941.

Артамонов М. И.—Вопросы истории скифов в советской науке. «Вестник древней истории», 1947, № 3 (21), стр. 68—82.

Артамонов М. И.—Общественный строй скифов, «Вестник» Ленинградского Гос. Университета, 1947, № 9, стр. 70—87.

Артамонов М. И.—К вопросу о происхождении восточных славян. Журн. «Вопросы истории», М.-Л., 1948, № 9, стр. 97—108 (в этом же номере журнала см. «Обсуждение книги П. Н. Третьякова—«Восточно-славянские племена»; стр. 137—141).

Арциховский А. В.—Введение в археологию, 3-е перераб. издание, Изд. Московского Гос. Университета, М., 1947, 219 стр.

Разделы: «Бронзовый век юга СССР», «Греческие колонии Причерноморья», «Скифы и сарматы», «Тмуторокань», «Золотая Орда» и др.

Балагуров Н. П.—Прошлое и настоящее Приазовья с точки зрения лингвистики. «Труды» Сев.-Кав. Асс. Науч.-Иссл. Институтов, № 43, Инст. Местной Экономики и Культуры, вып. 4. Сб. статей по вопросам культуры. Р. н.-Д., 1928, стр. 136—150.

Бернштам А. Н.—К вопросу о социальном строе гуннов, журн. «Проблемы истории докапиталистических обществ», Л., 1935, № 9—10.

Бернштам А. Н.—Монгольские гунны. Глава в «Истории СССР», I—II, Л., 1939, (на правах рукописи).

Бернштам А. Н.—Из истории гуннов I в. до н. э. «Советское востоковедение», т. I, М.-Л., 1940.

Вязигин С. А.—Где следует искать упоминаемый Страбоном остров Алопекию, «Записки» С.-К. О-ва археологии, истории и этнографии, вып. 5—6, Р. н.-Д., 1929, стр. 97—98.

Городцов В. А.—Бронзовый век на территории СССР. Большая Советская Энциклопедия, т. VII, 1927, стр. 610—626.

Городцов В. А.—К вопросу о киммерийской культуре. «Труды» Секции археологии РАНИОН, II, М., 1928, стр. 46—60.

Горянов Б.—Славяне и Византия в V—VI веках нашей эры. «Исторический журнал», М., 1939, № 10, стр. 101—111.

Готье Ю. В.—Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы, ч. I, Изд. «Брокгауз и Ефрон», Л., 1925, 271 стр.

Готье Ю. В.—Железный век в Восточной Европе. ГИЗ, М.-Л., 1930, 280 стр.

Граков Б. Н.—Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. Изд. РАНИОН, М., 1929, 223 стр.

Сведения о клейменных амфорах с Елисаветовского городища на Дону и др.

Граков Б. Н.—Техника изготовления металлических наконечников стрел скифов и сарматов. «Труды» Секции археологии РАНИОН, V, М., 1930 (на обложке общий заголовок: «Техника обработки камня и металла»).

Граков Б. Н.—Скифы. Изд. Акад. Наук Украинской ССР, Киев, 1947, 96 стр.

Граков Б. Н.—Пережитки матриархата у сарматов, «Вестник древней истории», М., 1947, № 3, стр. 100—121.

Граков Б. Н.—Литейное и кузнечное ремесло у скифов. «Краткие сообщения» Института истории материальной культуры им. акад. Н. Я. Марра, Акад. Наук СССР, XXII, М.-Л., 1948.

Гайдукевич В. Ф.—Боспорское царство. Академия Наук СССР—научно-популярная серия. М.-Л., 1948 (печ.).

Гольмстен В. В.—О происхождении скорченности костяков в погребениях родового общества. Журн. «Проблемы истории докапиталистических обществ», Л., 1935, № 5—6.

Гольмстен В. В.—К вопросу о древнем скотоводстве в СССР, «Проблемы происхождения домашних животных», вып. 1, Л., 1933.

Гольмстен В. В.—Об элементах орнамента родового общества Юга СССР. Труды Отдела Истории Первопытной культуры Гос. Эрмитажа, I, Л., 1941, стр. 1—8.

Ефименко П. П.—Первобытное общество. Очерки по истории палеолитического времени. Второе доп. и перераб. изд. Соцэкгиз, Л., 1938, 636 стр. Первое изд. в 1934 г. под названием «Дородовое общество».

Ефименко П. П. и Третьяков П. Н.—Древнерусские поселения на Дону. Материалы и исследования по археологии СССР, № 8, Изд. Акад. Наук СССР, М.-Л., 1948, 128 стр.

Жебелев С. А.—Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре. «Известия» Гос. Акад. Ист. Матер. Культуры, вып. 70, ОГИЗ, Л., 1933, стр. 36.

Жебелев С. А.—Основные линии экономического развития Боспорского царства. «Известия» Акад. Наук СССР. Отделение общественных наук, № 8, (ч. I), № 9 (ч. II), М.-Л., 1934.

Жебелев С. А.—Боспорские этюды. I. Образование Боспорского царства, III. Был ли Танаис разрушен Полемоном. Сборник «Из истории Боспора», «Известия» Гос. Акад. Ист. Матер. Культуры, вып. 104, М.-Л., 1934, стр. 7—56.

Жебелев С. А.—Народы Северного Причерноморья в античную эпоху. «Вестник древней истории», Соцэкгиз, М., 1938, № 1—2, стр. 149—163.

Жебелев С. А.—Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре. «Вестник древней истории», М., 1938, № 3 (4), стр. 49—71. (Перепечатка статьи С. А. Жебелева на ту же тему из «Известий» ГАИМК с изменениями и дополнениями).

Жиров Е. В.—Об искусственной деформации головы, «Краткие сообщения» Института Истории Материальной Культуры Акад. Наук СССР, VIII, Л., 1940, стр. 81—88.

Зюграф А. Н.—Реформа денежного обращения в Боспорском цар-

стве при Савромате II. «Вестник древней истории», М., 1938, № 2 (3), стр. 287—306.

Иессен А. А.—Греческая колонизация Северного Причерноморья, ее предпосылки и особенности. Гос. Эрмитаж, Л., 1947, 92 стр.

Карпинский А. П.—Очерки геологического прошлого Европейской России, Изд. Акад. Наук СССР, М.-Л., 1947, 206 стр.

Калистов Д. П.—Этюды из истории Боспора в римский период, I. Боспор, Митридат Евпатор и Рим. «Вестник древней истории», М., 1938, № 2 (3), стр. 276—286.

Калистов Д. П.—Античная литературная традиция о Северном Причерноморье. «Исторические записки», том XVI, Изд. Акад. Наук СССР, М.-Л., 1945.

Книпович Т. Н.—К вопросу о торговых сношениях греков с областью реки Танаиса в VII—V вв. до н. эры. «Известия» Гос. Акад. Ист. Матер. Культуры, вып. 104, Соцэкгиз, М.-Л., 1934, стр. 90—110.

Книпович Т. Н.—Опыт характеристики городища у станицы Елисаветовской по находкам экспедиции Гос. Акад. Ист. Матер. Культуры в 1938 г., «Известия» Гос. Акад. Ист. Матер. Культуры, вып. 104, Соцэкгиз, М.-Л., 1934, стр. 111—201.

Колобова К. М.—К вопросу о судовладении в древней Греции. «Известия» Гос. Акад. Ист. Матер. Культуры, вып. 61, Л., 1933, 99 стр.

Третья глава работы К. М. Колобовой посвящена навклерам (судовладельцам) Боспора. В этой главе автор отводит специальное место Танаису, давая критический разбор ряда танаисских надписей и делая выводы о характере населения, о местных купеческих союзах, фиасах навклеров и т. д.

Колобова К. М.—К вопросу о сарматском языке. Сб. «Из истории докапиталистических формаций», «Известия» Гос. Акад. Ист. Матер. Культуры, вып. 100, Соцэкгиз, М.-Л., 1933, стр. 416—436.

Автор, касаясь крайне важного и нового вопроса, широко использует греческие надписи Танаиса, пытается зафиксировать отраженные в них закономерные синтаксические «неправильности», объясняемые влиянием на греческий язык Танаиса местного сарматского языка.

Рец. Е. Г. Кагарова в «Проблемы истории докап. обществ», Л., 1934, № 9—10, стр. 215.

Колобова К. М. — Еще о сарматском языке. Ответ Е. Г. Кагарову «Проблемы истории докап. обществ», Л., 1935, № 1—2, стр. 192—196.

Коробков Ник.—Скиф. Изд. «Молодая гвардия», М., 1930, 287 стр.

Роман из жизни Скифии и греческих колоний Причерноморья. В приложении—«Исторический очерк» (стр. 262—273), примечания, литература.

Косвен М. О.—Амазонки. История легенды. Журн. «Советская этнография», Л., 1947, № 2, № 3.

Круглов А. П. и Подгаецкий Г. В.—Родовое общество степей Восточной Европы. «Известия» Гос. Акад. Ист. Матер. Культуры, вып. 119, Соцэкгиз, Л., 1935, 176 стр.

Латышев В. В.—Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Вновь сверенные и дополненные переводы, ранее изданные В. В. Латышевым в 1893—1906 гг. «Вестник древней истории», М., 1947, №№ 1, 2, 3, 4.

Левченко М. В.—Византия и славяне в VI—VII вв. «Вестник древней истории», М., 1938, № 4 (5), стр. 23—48.

Лунин Б. В.—Вопросы археологии и истории донского края в «Исторических заметках» А. С. Грибоедова (К столетию со дня смерти

А. С. Грибоедова — 1829—1929). «Краеведение на Северном Кавказе». Р. н.-Д., 1929, № 1—2, стр. 50—52.

Лунин Б. В.—Мраморный рельеф с изображением погребального пира из Елисаветовского городища (дельта р. Дон). «Советское краеведение на Северном Кавказе», вып. 2. Р. н.-Д., 1933, стр. 56—65.

Указана литература по Танаису.

Лунин Б. В.—Мраморный рельеф из Елисаветовского городища. журн. «Проблемы истории материальной культуры», Л., 1933, № 7—8, стр. 76—78.

Лунин Б. В.—Один из источников к познанию этнических элементов в населении Танаиса, «Записки» С.-К. О-ва археологии, истории и этнографии, вып. 5—6, Р. н.-Д., 1929, стр. 98—102.

Лунин Б. В. (в соавторстве).—К вопросу о развитии хозяйственных форм доклассового общества в бассейне Нижнего Дона. Ростиздат, Р. н.-Д., 1945, 56 стр.

Лунин Б. В.—Первобытные люди на Дону и Кубани. Школьная библиотечка. Ростиздат, Р. н.-Д., 1939, 80 стр.

Указатель литературы.

Лурье С. Я.—Геродот. Изд-во Акад. Наук СССР, М.-Л., 1947, 212 стр.

Мавродин В. В.—Славяно-русское население Нижнего Дона и Северного Кавказа в X—XIV веках. Учен. Зап. Ленингр. гос. пединститута им. А. И. Герцена, т. XI, Факультет ист. наук, Л., 1938, стр. 7—49.

Рец. И. Ляпушкина, «Вестник древней истории», № 1, М., 1940.

Мавродин В. В.—Образование древнерусского государства. Изд. Ленингр. Гос. университета, Л., 1945, 432 стр.

Манандян Я., акад.—Цель и направление подготовлявшегося Нероном кавказского похода. Журн. «Вопросы истории», М., 1946, № 7, стр. 66—74.

Автор указывает, что «включение в состав территории Рима всего восточного Причерноморья вплоть до Танаиса было крайне важно для прочного установления сплошного римского кольца вокруг Черного моря... Господство Рима над побережьем восточного Причерноморья давало римлянам возможность установить контроль над транзитным путем мировой торговли, идущим из Танаиса через Армению и Мидию в Среднюю Азию и Мидию».

Марр Н. Я.—Этноглоত্তогония Восточной Европы. Избранные работы, т. V, Соцэкгиз, М., 1935, стр. XXI, 668.

Марти В. Ю.—Возникновение и развитие рыбного промысла в Азово-Черноморском бассейне. Журн. «Природа», Л., 1941, № 5, стр. 78—83.

Миллер А. А.—Новый источник к изучению связи Скифии с Кавказом. «Известия» Росс. Академии Истории матер. культуры, IV, Л., 1925, стр. 97—114.

Мишулин А.—Революции рабов и падение Римской республики. «Историческая библиотека журнала «Борьба классов», изд. ЦК ВКП(б) «Правда», М., 1936, 112 стр.

Раздел «Восстание рабов в Боспорском царстве».

Мишулин А. В.—О военном искусстве скифов. «Исторический журнал», М., 1943, № 8—9, стр. 64—69.

Мишулин А. В.—Источники о скифах и изучение культуры дославянского населения в истории СССР. «Вестник древней истории», М., 1947, № 1, стр. 255—262.

Новосадский Н. И.—Боспорские фиасы. «Труды» Секции археологии Института археологии и искусствознания РАНИОН, III, М., 1928, стр. 55—62.

Пресняков А. Е. — Задачи синтеза протоисторических судеб Восточной Европы. «Яфетический сборник», т. V, Л., 1926 (перепечатана также в кн. А. Е. Преснякова, Лекции по русской истории, т. I, Киевская Русь. Соцэкгиз, М., 1938, стр. 245—259).

По поводу трудов М. И. Ростовцева — «Иранцы и греки на юге России», «Скифия и Боспор» и Ю. В. Готье — «Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы», т. I. О скифах, сарматах и др.

Пичета В. — О рабовладельческих обществах на территории СССР. «Исторический журнал», М., 1939, № 5, стр. 110—111.

Путеводитель по Государственному Историческому Музею. Первобытно-коммунистическое общество. Составил А. Я. Брюсов. Изд. ГИМ, М., 1934, 82 стр.

Раздел «Патриархальная семейная община у племен по Нижнему Дону и Волге».

Равдоникас В. И. — История первобытного общества. Издание Ленинград. Гос. университета, Л., ч. I (1939; 286 стр.), ч. II (1947; 392 стр.).

Ростовцев М. И. — Понт, Вифиния, Боспор. «Русский исторический журнал», М., 1917, кн. 1—2, стр. 110—130.

Ростовцев М. И. — Эллиństwo и иранство на юге России. Изд. «Огни», Пгр., 1918.

Ростовцев М. И. — Скифия и Боспор. Критич. обозрение памятников литературных и археологических. Изд. РАИМК, Л., 1925, 621 стр.

Руденко С. И. — Древние наконечники гарпунов, «Труды» института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия, том II, Академия Наук СССР, М.-Л., 1947.

Семенов-Зуссер С. А. — Скифы-кочевники на территории северного Причерноморья. Научные записки Гос. педаг. института, т. I. Харьков, 1939, стр. 155—218 (на укр. яз.). Также отд. оттиск.

Рец. Е. Кагарова, «Историк-марксист», книга пятая, М., 1940.

Семенов-Зуссер С. А. — Физическая культура и зрелища в древнегреческих колониях северного Причерноморья. Предисловие и редакция проф. Е. Г. Кагарова. Харьковский Государственный университет им. А. М. Горького. Изд. ХГУ. Харьков, 1940, 44 стр.

Семенов-Зуссер С. А. — Рыбное хозяйство и рынки на юге СССР в древности, Харьков, 1947, 46 стр.

Семенов-Зуссер С. А. — Скифская проблема в отечественной науке. Харьковский Гос. университет им. А. М. Горького. Харьков, 1947, 192 стр.

Рецензии: А. Смирнова в журн. «Вопросы истории», М., 1948, № 7, М. Артамонова в «Вестнике» Ленингр. Гос. университета, 1948, № 3.

Смирнов А. П. — Рабовладельческий строй у скифов-кочевников. Изд. Госуд. Истор. Музея, М., 1935, 36 стр.

Тарасов А. Н. — У Лукоморья. Исторические очерки и рассказы о нижнем Доне и Ростове Донском. Ростоблиздат, Р. н.-Д., 1940, 130 стр.

Тревер К. В. — Собака — птица: Сэнмурв и Паскудж. «Из истории докапиталистических формаций». Сб. статей. ОГИЗ, М.-Л., 1933, стр. 293—328.

Тревер К. В. — Сэнмурв — Паскудж, Собака — птица, Гос. Эрмитаж, Л., 1937.

Третьяков П. Н. — Некоторые вопросы этногонии восточного славянства. «Краткие сообщения» Института Ист. Матер. Культуры Акад. Наук СССР, М.-Л., 1940, стр. 10—16.

Третьяков П. Н. — Восточнославянские племена. Акад. Наук СССР. Научно-популярная серия. Изд. Акад. Наук СССР, М.-Л., 1948, 184 стр.

✓
Турпаев М. — Очерки по истории посола рыбы в древний период. Журн. «Рыбное хозяйство СССР», М., 1935, № 4.

Удальцов А. Д. — Племена Европейской Сарматии II в. н. э. Журн. «Советская этнография», Л., 1946, № 2, стр. 41—50.

Цветаев Е. Н. — Древняя Скифия. Сборник статей студентов исторического факультета Моск. Гос. Педаг. Института им. К. Либкнехта, вып. 2. Работы по истории древнего мира. Изд. МГПИ им. К. Либкнехта, М., 1939, стр. 9—29.

Шевченко В. — Восстания рабов и варварские войны в Тавриде. «Исторический журнал», М., 1939, № 8, стр. 96—104.

Щербаков Н. и Щербакова В. — Скифы. М., 1918, 79 стр.

Яцимирский А. И. — Смена древних народностей на территории Подонья-Приазовья и их археологические памятники. «Известия» Северо-Кавказского Гос. Университета, т. X, Р. н-Д., 1926, стр. 49—63.

II. Киевское государство IX—XI вв.

Адрианова-Перетц В. П. — Слово о полку Игореве. Библиография изданий, переводов и исследований. Институт литературы Акад. Наук СССР. Библиография истории древнерусской литературы. Изд. Акад. Наук СССР, М.-Л., 1940, 140 стр.

Артамонов М. И. — Средневековые поселения на нижнем Дону по материалам северокавказской экспедиции. «Известия» Гос. Акад. Ист. Матер. Культуры, вып. 31, Соцэкгиз, Л., 1935.

Артамонов М. И. — Обзор археологических источников эпохи возникновения феодализма в Восточной Европе. «Проблемы истории докапиталистич. обществ», Л., 1935, № 9—10, стр. 267—286.

Артамонов М. И. — Очерки древнейшей истории хазар. Гос. Акад. Ист. Матер. Культуры. Соцэкгиз, Л., 1936, 136 стр.

Рец. А. Смирнова в «Вестнике древней истории», М., 1938, № 3, и В. Пархоменко в жур. «Историк-марксист», М., 1937, № 5—6.

Артамонов М. И. — Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии. «Советская археология», № 6, М.-Л., 1940.

Артамонов М. И. — Саркел, хазары и мадьяры в IX веке. «История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства», ч. 3—4, Л., 1939 (на правах рукописи).

Афанасьев В. — Вероятный путь князя Игоря Северского на половцев в 1185 году. Критическое исследование похода по летописям и «Слово о полку Игореве» «Исторический журнал», М., 1939, № 6, стр. 45—46.

Габайдуллин Азиз. — Заметки о происхождении хазар. «Известия» Общества Обследования и Изучения Азербайджана, № 4, Баку, 1927.

Готье Ю. В. — Хазарская культура. «Новый Восток», М., 1926, № 8—9, стр. 277—294. Рассматривая вопрос о древностях хазарской культуры, автор останавливается и на памятниках древности Придонья.

Греков Б. — Автор «Слова о полку Игореве» и его время. «Историк-марксист», книга четвертая, М., 1938, стр. 10—19.

Греков Б. Д. — Киевская Русь. Изд. 4-е, перераб. и дополненное Акад. Наук СССР, Институт истории, изд. Акад. Наук СССР. М.-Л., 1944, 348 стр.

Дан «Краткий очерк политической истории Киевского государства»; в нем разделы — «Народы и племена в Восточной Европе», «Греки в Причерноморье», «Хазарский каганат», «Торговые связи восточных славян с другими народами» и т. д.

Греков Б. Д. — Борьба Руси за создание своего государства, Узгосиздат, Ташкент, 1942, также в издании Акад. Наук СССР, Научно-популярная серия, М.-Л., 1945, 78 стр.

Гудзий Н. — «Слово о полку Игореве» и его историческая почва. «Исторический журнал», М., 1939, № 6, стр. 5—14.

Державин Н. С. — Славяне в древности. Культурно-исторический очерк. Изд. Акад. Наук СССР, М.-Л. 1945, 216 стр.

Древнерусские летописи. Перевод и комментарии В. Панова. Ред. В. Лебедева. Статьи В. Лебедева и В. Панова, «Academia», М.-Л., 1936, XXIII, 291 стр.

Известия византийских писателей о северном Причерноморье, вып. 1. «Известия» Гос. Акад. Ист. Матер. Культуры, вып. 91, Соцэкгиз, М.-Л., 1934, стр. 72+2.

Какабадзе С. Н. — О передвижениях печенегов в VII—VIII вв. «Бюллетень» Кавказского Историко-Археологического Института, № 8, Тифлис, 1931.

Резюме доклада.

Кудряшев К. — Историко-географические сведения о половецкой земле по летописным известиям о походе Игоря Северского на половцев в 1185 году. «Известия» Русского Гос. Географ. общества, т. XIX, вып. 1, Л.-М., 1937, стр. 52—66.

Кудряшев К. В. — О местоположении половецких веж в северном Причерноморье в XII в. «Труды» Института Этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Том I, Акад. Наук СССР, М.-Л., 1947, стр. 98—112.

Кудряшев К. В. — О местонахождении хазарского города Саркела «Известия» Акад. Наук СССР, Серия истории и философии, том. IV, № 6, М., 1948, стр. 536—556.

Кудряшев К. В. — «Слово о полку Игореве» в историко-географическом освещении. «Слово о полку Игореве». Сборник статей. Гос. Литер. Музей, М., 1947, стр. 43—94.

Лебедев И. — Войны Святослава I. «Исторический журнал», М., 1938, № 5, стр. 47—61.

Лунин Б. В. — Раскопки древнего хазарского города Саркел. «Вестник знания», Л., 1935, № 4, стр. 310.

Лунин Б. В. — В поисках древнего Тмутороканя. «На подъеме», № 3—4, Р. н.-Д., 1935, стр. 154—190.

Лунин Б. В. — Саркел (к истории славян и хазар на Дону). Школьная библиотечка. Ростиздат, Р. н.-Д., 1939, 112 стр.

Указатель литературы.

Ляпушкин И. И. — Раскопки правобережного Цымлянского городища. «Краткие сообщения» Института Ист. Матер. Культуры Акад. Наук СССР вып. 4, Изд. Акад. Наук СССР, М.-Л., 1940, стр. 58—62.

Ляпушкин И. И. — Славяно-русские поселения IX—XII ст. на Дону и Тамани. Материалы и исследования по археологии СССР, вып. 6, изд. Акад. Наук СССР, М.-Л., 1941.

Насонов А. Н. — Тмуторокань в истории Восточной Европы X века. «Исторические записки» Акад. Наук СССР, Институт Истории, 6, Изд. Акад. Наук СССР, М.-Л., 1940, стр. 79—99.

Новиков Иван. — «Слово о полку Игореве». Акад. Наук СССР. Научно-популярная серия, Изд. Акад. Наук СССР, М.-Л., 1938, 88 стр.

Орлов А. С. — «Слово о полку Игореве». Акад. Наук СССР, Научно-популярная серия, Изд. Акад. Наук СССР, М.-Л., 1938.

Пархоменко В. А. — О культуре тюрков наших степей IX—XIII вв. «Восточный мир», Харьков, 1928, № 2—3, стр. 307—309 (на укр. яз.).

Пархоменко В. А. — Следы половецкого эпоса в летописях. «Проблемы источниковедения», вып. 3, Акад. Наук СССР, М.-Л., 1940, стр. 391—393.

По следам похода князя Игоря Северского. «Исторический журнал», М., 1940, № 10, стр. 157—158.

Вариант Красовского: место битвы—«между реками Тором, Донцом и Бахмуткой».

Приселков М. — «Слово о полку Игореве», как исторический источник. «Историк-марксист», книга шестая, М., 1938, стр. 112—133.

Рыбаков Б. А. — Анты и Киевская Русь. «Вестник древней истории», М., 1939, № 1 (6), стр. 319—337.

Об археологических находках на Дону.

Савич А. — Древнейшие государства хазар и болгар в нашей стране. «Исторический журнал», М., 1939, № 1, стр. 70—81.

Семенов-Зуссер С. А. — Князь Святослав. Харьковское газ.-книжное изд., Харьков, 1946, 59 стр.

«Слово о полку Игореве», «Academia», М.-Л., 1934, 304 стр.

«Слово о полку Игореве». Подлинный текст, его прозаический перевод и художественные переводы и переложения русских поэтов XIX и XX вв. Редакция текста и комментарии проф. Н. К. Гудзия. Изд. «Советский писатель», М., 1938.

Переводы В. А. Жуковского, Михаила де-ля-Рю, Д. Минаева, В. А. Мей, Николая Гербель, А. Н. Майкова, Н. М. Павлова, Георгия Шторма, С. Шервинского, С. Басова-Верхоянцева, Марка Тарловского, Ивана Новикова.

«Слово о полку Игореве». Библиографический указатель. Составили О. В. Данилова, Е. Д. Поплавская, И. С. Романченко. Под ред. и со вступительной статьей проф. С. К. Шамбинаго. Госуд. Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Соцэргиз, М., 1940.

Эпштейн Е. М. — К вопросу о времени происхождения русской письменности, «Ученые записки» Ленингр. Гос. Университета, серия исторических наук, вып. 15, Л., 1948, стр. 21—26.

III. Народы СССР в эпоху монгольского владычества. Феодалные образования на территории юга СССР. Генуэзские и венецианские колонии. Образование феодальной монархии. Русское национальное государство и начало его превращения в многонациональное централизованное государство.

Адамович М. — Путешествие Плано Карпини и Рубруквиса в Монголию в XIII веке. «Исторический журнал», М., 1940, № 11, стр. 95—109.

Автобиография Тимура. Богатырские сказания о Чингис-хане и Аксак-Темире. «Academia», М.-Л., 1934, 348 стр.

Бартольд В. В. — К вопросу о погребальных обрядах турков и монголов. Зап. Восточного отд. Русского Археологического Общества, т. XXV, М., 1921, стр. 55—76.

Бартольд В. В. — Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира (курс лекций, читанных автором на Восточном факультете Азербайджанского Госуд. Университета в 1924 г.). Общество Обследования и Изучения Азербайджана, Баку, 1925, 150 стр.

Сведения о Золотой Орде, Дербенте и др.

Быков А. А. — Монеты Турции XIV—XVII веков. Госуд. Эрмитаж, Л., 1939, 32 стр.

Висковатов А. — Краткий исторический обзор морских походов русских и мореходства их вообще до исхода XVI столетия. Воениздат, М., 1946, 180 стр.

Владимирцов Б. Я. — Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Изд. Акад. Наук СССР, Л., 1934, 223 стр.

Греков Б. — Татарское нашествие. «Исторический журнал», М., 1937, № 6, стр. 46—63.

Греков Б. и Якубовский А. — Золотая орда. Очерк истории Улуса Джучи в период сложения и расцвета в XIII—XIV вв. Под ред. В. Быстринского, Соцэкгиз, Л., 1937, 201 стр.

Введение — «Дешт-и Кыпчак-половецкая степь в XI—XIII вв. до прихода монголов».

Гуковский М. А. — Итальянское возрождение, том I. Италия с 1250 по 1380 год. Изд. Ленингр. Гос. Университета, Л., 1947, 340 стр.

Об итальянских колониях в Причерноморье; Тана.

Д'Оссонк. — История монголов, т. I. От Чингис-хана до Тамерлана. ОГИЗ, Иркутск, XI, 322 стр.

Зевакин Е. С. и Пенчко Н. А. — Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII и XV вв. Акад. Наук СССР. Институт истории. «Исторические записки», 3, Изд. Акад. Наук СССР, Л., 1938, стр. 72—129.

Упоминания о Тане.

Зевакин Е. С. и Пенчко Н. А. — Из истории социальных отношений в генуэзских колониях северного Причерноморья в XV веке. «Исторические записки». Изд. Акад. Наук СССР, М.-Л., 1940, стр. 3—32.

О Тане, стр. 8.

История средних веков, тт. I и II, Акад. Наук СССР. Институт истории. Соцэкгиз, М., 1938 (указатель; ряд сведений о Тане и Азове).

Лихачев Д. — Военное искусство древней Руси. «Звезда», 1943, № 1, стр. 106—112.

Насонов А. Н. — Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. Изд. Акад. Наук СССР, М.-Л., 1940, 178 стр.

Смирнов Н. А. — Россия и Турция в XVI—XVII веках. Том I, XVI век, стр. 160, том II, XVII век. Ученые записки Московского Гос. Университета им. М. В. Ломоносова, вып. 94, М., 1946.

Рецензия на кн. Н. А. Смирнова: А. Новосельский, журн. «Вопросы истории», М., 1948, № 2, стр. 131—138.

Сыроечковский В. — Пути и условия сношений Москвы с Крымом на рубеже XVI века. «Известия» Акад. Наук СССР, серия VII, ООИ, 1932, № 3, стр. 193—237.

Шкловский В. — Марко Поло. «Жизнь замечательных людей». Вып. 3 (75), Жургазобъединение, М., 1936.

Введение К. Н. Кунина, дающее очерк торговли Запада с Востоком, сведения о Генуе и Венеции и их колониях и т. д.

Якубовский А. — Из истории падения Золотой Орды, журн. «Вопросы истории», М., 1947, № 2, стр. 30—45.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
«Откуда Русская земля стала есть»	5
Прошлое родного края	6
Человек древнего каменного века	8
Родовое первобытное общество	13
Какие племена жили в Подонье-Приазовье?	29
Киммерийцы	29
Скифы	32
Греческая и римская колонизация Причерноморья-Приазовья	48
Сарматы	77
Вторжение гуннов в Подонье-Приазовье	90
Славяне и вопрос об их появлении на Дону	93
Хазары и Русь	103
Крепость-город Саркел на Дону	110
Святослав и его походы	123
Славяно-русское население Подонья-Приазовья	129
Печенеги, половцы и Русь	130
Поход князя Игоря на Дон	139
Золотая Орда и монголо-татарский Азак	143
Генуэзско-венецианская колонизация Причерноморья-Приазовья	145
Тана	148
Русь, Византия и донской путь	155
Закавказье и Таны	158
Турки-османы в Приазовье	162
Азов в русско-турецких отношениях	163
Зарождение донского казачества	168
Что читать по истории Подонья-Приазовья	174

Редактор Б. И. Табайник

Обложка А. Е. Губина. Технич. редактор Н. А. Попова.

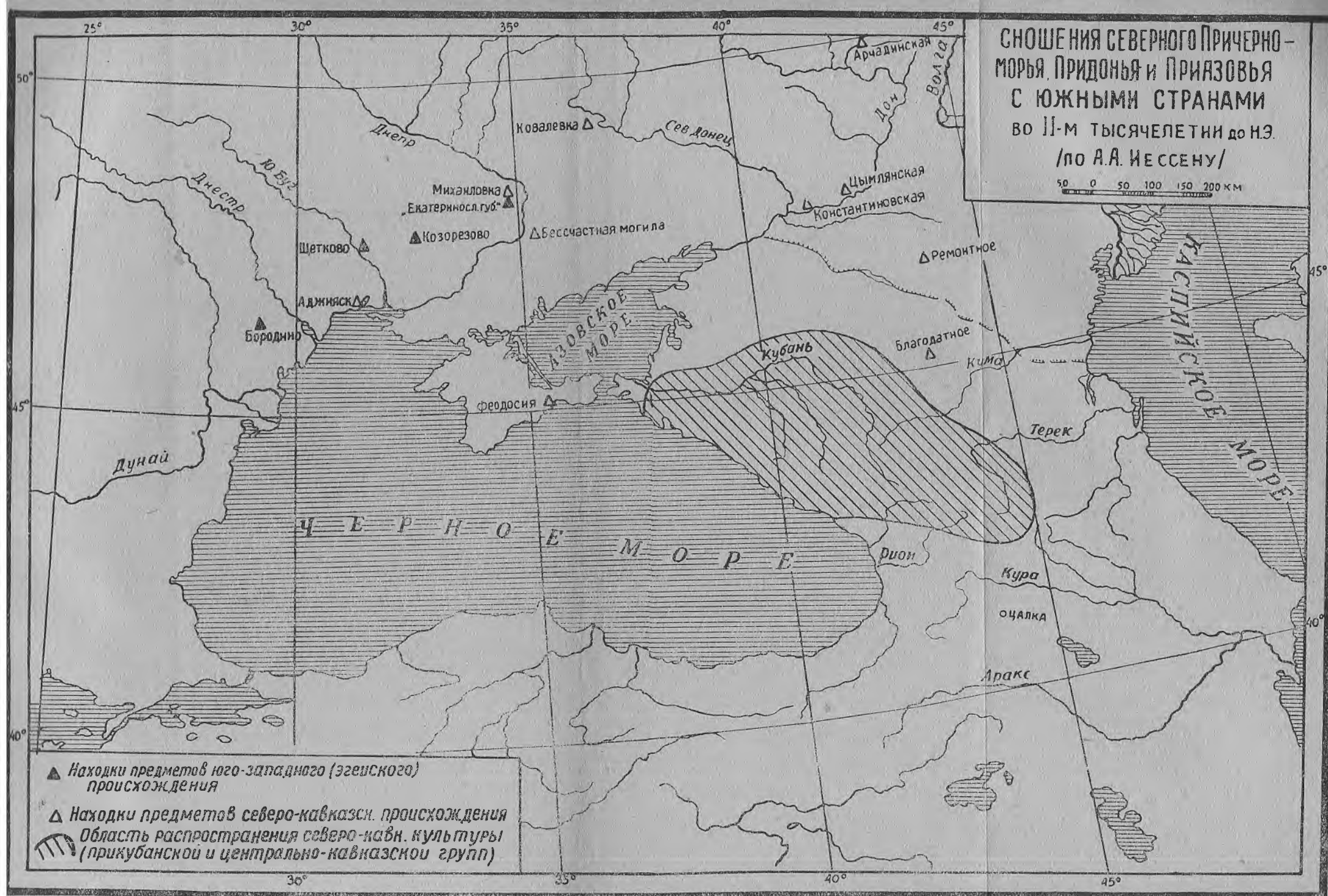
Корректор Н. Б. Гимпель

Изд. № 111/8501. Подп. к печати 11-11 1949. Объем 11,5+0,5. Тир. 5000
 ПК 00215. Тип. им. Калинина РОУИП в Ростове н-Д. Заказ 5471.

ОПЕЧАТКИ

в кн. Б. В. Лунина „Очерки истории Подонья—Приазовья“

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать	По чьей вине опечатка
13	11 стр.	пришла	пришел	редактора
133	9 св.	Хазарин	Хазарии	типографии
145	4 св.	иранца араба	иранца, араба	типографии
163	17 св.	озера	сзера	типографии
168	17 стр.	к истории	в истории	типографии

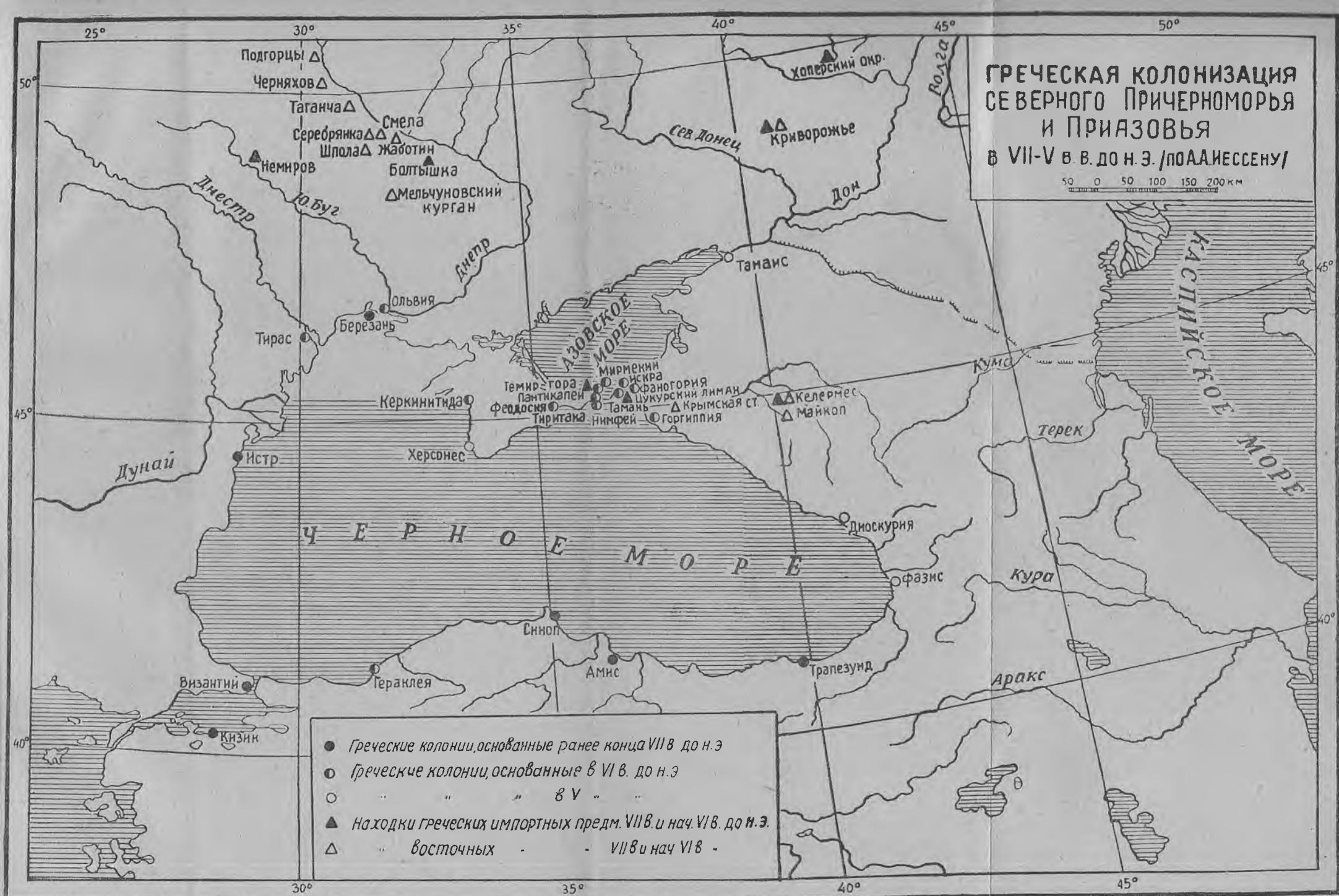

Рис. 14